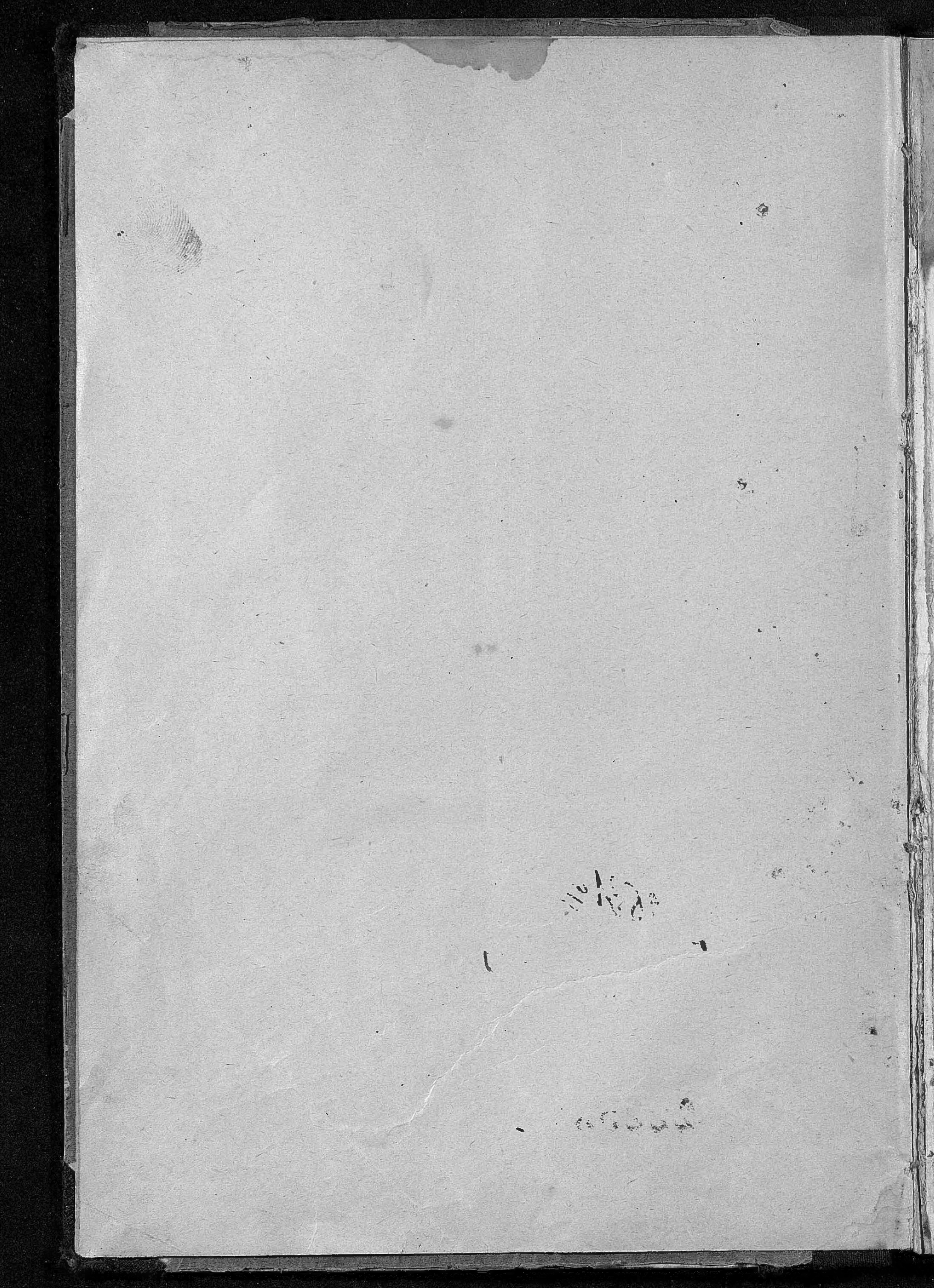

На правахъ литографированнаго курса.

От автора

НИКОЛАЙ ДУРНОВО.
Приватъ-доцентъ Харьковскаго Университета.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Выпускъ 2.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГІЯ.

1. Исторія формъ склоненія и спряженія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.

Донецъ-Захаржевская ул., соб. д., № 6.
1913.

На основанiи ст. 41 п. 4 § 1 и ст. 138 Унив. Устава печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается. 8 мая 1913 г.

Ректоръ Харьковскаго Университета *И. Нетушилъ.*

Главными (но не единственными) пособіями при составленіи настоящаго выпуска служили 1) для Введенія: литографированные курсы акад. Ф. Ф. Фортунатова по Введенію въ языковѣдѣніе 1901 и 1902 г. и, отчасти, „Введеніе въ языковѣдѣніе“ проф. В. К. Поржезинскаго; 2) для обзора формъ общесловянскаго языка „Древне-церковно-словянскій языкъ“ проф. Ст. М. Кульбакина въ 1-мъ изданіи и „Формы склоненія въ старословянскомъ языкѣ“ проф. Б. М. Ляпунова; 3) для исторіи формъ въ русскомъ языкѣ —„Лекціи по исторіи русскаго языка“ акад. А. И. Соболевскаго въ 4-мъ изданіи и „Курсъ“ акад. А. А. Шахматова, заключающій только исторію формъ склоненія и то неполную. Изъ Лекцій А. И. Соболевскаго взята бо́льшая часть примѣровъ изъ старинныхъ памятниковъ языка[1]); въ немногихъ случаяхъ, гдѣ было возможно, примѣры провѣрены по рукописямъ, фотографіямъ или надёжнымъ изданіямъ. Для исторіи формъ въ бѣлорусскомъ я пользовался книгой проф. Е. Ф. Карскаго „Бѣлоруссы“. Примѣры изъ современныхъ говоровъ русскаго языка взяты непосредственно изъ діалектическихъ матерьяловъ какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ, и изъ описаній говоровъ. Наконецъ, примѣры изъ литературнаго языка XVIII—XX вв. заимствованы, между прочимъ, изъ книги В. И. Чернышова „Правильность и чистота русской рѣчи“.

Историко-Филологическому Факультету Харьковскаго Университета приношу глубокую благодарность за ассигнованіе средствъ на изданіе настоящаго „Очерка“.

Николай Дурново.

Харьковъ
30 апрѣля 1913.

---

[1]) Впервые здѣсь привлеченъ матерьялъ только изъ Типографскихъ Устава № 15 и Псалтири № 27 и грамотъ собранія Бѣляева въ Румянц. Музеѣ №№ 1 и 16. Кромѣ того, непосредственно изъ рукописей или изданій взята значительная часть примѣровъ изъ Архангельскаго Евангелія, Типогр. Пролога № 172, Коншинскаго Домостроя, Русской Правды по списку 1282 г., грамотъ XII—XIV вв. и нѣкот. др.

Введенiе.

§ 1. *Историческая морфологія языка.* Морфологіей какого-нибудь языка называется отдѣлъ грамматики языка, содержащій ученіе о формахъ отдѣльныхъ словъ въ данномъ языкѣ; историческая же морфологія изучаетъ исторію этихъ формъ въ языкѣ, т. е. тѣ измѣненія, которымъ подвергаются формы отдѣльныхъ словъ въ языкѣ съ теченіемъ времени.

§ 2. *Отдѣльныя слова и формы отдѣльныхъ словъ.* Отдѣльнымъ *словомъ* мы называемъ такой звукъ рѣчи или такое сочетаніе звуковъ рѣчи, которое имѣетъ въ данномъ языкѣ значеніе отдѣльно отъ другихъ звуковъ или ихъ сочетаній и при этомъ не можетъ быть въ свою очередь разложено на слова безъ измѣненія значенія этихъ словъ. Разсматривая отдѣльныя слова нашего языка, мы можемъ замѣтить, что многія изъ нихъ могутъ быть разложены на части, которыя въ нашемъ сознаніи ассоціируются (сближаются) съ частями другихъ словъ, какъ сходныя съ ними по звукамъ и въ то же время однородныя по значенію. Такъ, въ словѣ „садовый" мы можемъ выдѣлять части: 1) „сад"- и 2) -„овый"; первая часть однородна по значенію съ однозвучной или сходной по звукамъ частью „сад"- (съ варр. „сат"- и „сад'"- съ мягкимъ *д*) въ словахъ „садочекъ", „садовникъ", „(въ) саду", „садъ", „садикъ"; этой частью всѣ эти слова опредѣляются, какъ названія одного предмета („садъ") или предметовъ и признаковъ, стоящихъ въ какомъ-нибудь отношеніи къ тому-же предмету. Вторая часть однородна по значенію съ „-овый" въ словахъ „домовый", „дубовый", „бѣдовый" и т. п., обозначающей извѣстное отношеніе какого-то предмета мужескаго рода, опредѣляемаго этими словами, къ предмету, обозначенному первой частью слова („дом"-, „дуб"-, „бѣд"-). Такимъ же образомъ, въ словѣ „дачу" мы выдѣляемъ

части 1) „дач“-, однородную съ „дач“- въ „дача“, „дачка“, „дачный“, „дачникъ“, и 2) -„у“, однородную съ -„у“ въ „руку“, „ногу“, „воду“, „удачу“ и пр., которая во всѣ эти слова вноситъ одинаковое значенiе формы винительнаго падежа единств. числа. Иногда слова не могутъ быть разложены на такiя части, тѣмъ не менѣе заключаютъ такiя принадлежности или признаки звуковой стороны, съ которыми связывается опредѣлённое значенiе. Такъ, въ словахъ „несу“, „нёсъ“, „несть“ („т“ можетъ не произноситься) такими общими звуковыми принадлежностями являются *н* мягкое + какая-то гласная (*и*, *о* или *е*) + *с* твёрдое или мягкое; различiе же между этими словами однородно съ различiемъ между словами „везу“, „вёзъ“, „везть“, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ съ одинаковыми измѣненiями звуковой стороны слова связываются одинаковыя значенiя (1-го л. ед. ч. наст. врем., ед. ч. муж. р. прош. вр., инфинитива).

Такая способность отдѣльныхъ словъ разлагаться въ сознанiи говорящихъ на части или выдѣлять такiя принадлежности звуковой стороны, которыя сближаютъ эти слова съ другими, какъ однородныя по значенiю въ какомъ-либо отношенiи, и называется *формой* словъ. Формой называется также не только указанная способность, но и само слово, имѣющее форму. Такъ, слово „рука“ можетъ быть названо формой именит. пад. единств. ч. этого слова.

Въ словахъ, имѣющихъ формы, слѣдуетъ различать по значенiю двѣ принадлежности звуковой стороны (или двѣ части): основную и формальную. Подъ основной принадлежностью слѣдуетъ понимать ту часть слова или ту принадлежность звуковой стороны слова, съ которой связано извѣстное реальное („основное“) значенiе, являющееся и въ другихъ словахъ съ той же основной принадлежностью; формальной же принадлежностью называется такая часть слова или такое видоизмѣненiе звуковой стороны слова, которымъ вносятся извѣстныя видоизмѣненiя въ значенiе основной принадлежности. Если основная и формальная принадлежности слова являются частями этого слова, то первая называется просто *основою*, а вторая — *аффиксомъ* или, въ зависимости отъ положенiя передъ основой, внутри основы или послѣ

основы,—префиксомъ, инфиксомъ или суффиксомъ. Примѣры. Въ русскихъ глаголахъ: любить, полюбить, разлюбить ясно выдѣляются для сознанія говорящаго формальная принадлежность, въ данномъ случаѣ префиксъ „по“-, „раз“- или отсутствіе префикса (а это отсутствіе префикса должно разсматриваться тоже, какъ формальная принадлежность по отношенію къ словамъ, гдѣ есть префиксъ), и основа -„любить“. Въ томъ же словѣ „любить“ при сопоставленіи со словами „люблю“, „любилъ“, „любовь“ и пр. выдѣляется основа („люб“- съ твёрдымъ или мягкимъ *б* и варіантомъ „любл’“-) и суффиксъ -„ить“ (а этотъ суффиксъ при сопоставленіи съ другими инфинитивами и самъ представляется сложнымъ). Въ словахъ „несу“, „несёшь“, „нёсъ“, „несть“ въ московскомъ произношеніи общей для нихъ основной принадлежностью будетъ: *н* мягкое + гласная (какая-нибудь) + *с* твёрдое или мягкое, а формальной принадлежностью: опредѣлённый характеръ гласной (*и*, *о* или *е*), твёрдость или мягкость *с* и извѣстный суффиксъ (*-у*, *-ош*) или его отсутствіе (въ словахъ нёсъ и несть) [1]. Въ словахъ „рука́“, „ру́ку“, „руки́“ (род. ед.), „ру́ки“ (им. мн.) или „дубъ“, „ду́ба“, „ду́бу“ (дат.), „на дубу́“ формальной принадлежностью кромѣ суффикса или его отсутствія является также мѣсто ударенія, вносящее видоизмѣненіе въ формальное значеніе словъ („руки́“ и „ру́ки“, „ду́бу“ и дубу́“). Въ основѣ слова, имѣющаго форму, могутъ въ свою очередь выдѣляться формальная принадлежность и основа. Такъ, въ словахъ „дяденька“, „тётенька“ имѣются основы „дяденьк“- „тётеньк“-, общія имъ со словами „дяденьку“, „тётеньку“ и т. п., и суффиксъ -„а“, но эти основы сами заключаютъ извѣстную форму, распадаясь на основу „дяд’“-, „тёт’“- (съ мягкими *д*, *т*), общую имъ со словами „дядя“, „тётя“, „дядюшка“, „тётушка“, „тётка“ (въ послѣднихъ двухъ словахъ — несущественный въ данномъ случаѣ варіантъ основы съ *т* твёрдымъ), и формальную принадлежность — суффиксъ -„еньк“-. Для того, чтобы слово или основа въ сознаніи говорящихъ разлагалось на основную и формальную принадлежности, необходимы два условія: 1) чтобы та же формальная принадлежность суще-

[1]) Имѣю въ виду своё произношеніе слова „несть“ безъ звука „т“ мягкаго.

ствовала въ другихъ словахъ съ другими основами и при этомъ вносила въ основное или реальное значенiе слова тѣ-же видоизмѣненiя; 2) чтобы та же основная принадлежность съ тѣмъ же основнымъ значенiемъ существовала въ другихъ словахъ съ другими формальными принадлежностями. Такъ, въ словѣ „руку" мы различаемъ основную и формальную принадлежности потому, что существуютъ слова „ногу", „воду", „гору", „землю" съ тѣмъ же суффиксомъ винит. пад., и слова „рука", „руки" и пр. съ той же основой.

Такiя основы, которыя въ сознанiи говорящихъ не разлагаются въ свою очередь на основу и аффиксъ, называются основами *непроизводными* или *корнями*. Надо замѣтить, что названiе „корень слова" употребляется въ языковѣдѣнiи и въ другомъ значенiи; именно, подъ корнями словъ понимаются не только тѣ основы, которыя являются непроизводными въ данный моментъ, но и тѣ непроизводныя основы, которыя существовали въ древнѣйшiя доступныя изслѣдованiю эпохи жизни даннаго языка или его предка. Понятно, что эти два значенiя термина должны строго различаться, такъ какъ многiя основы, которыя теперь не могутъ быть разложены на основу и аффиксъ и потому являются для сознанiя говорящихъ непроизводными основами, первоначально были основами производными. Сравн. такiя слова, какъ „пóдать", „пожаръ", „востокъ", „здоровъ", которыя теперь въ сознанiи говорящихъ не разлагаются на основу (-дать, -жаръ, -токъ, -доровъ) и префиксы „по"-, „вос"- „съ"-, такъ какъ выдѣляемыя такимъ образомъ основы не ассоцiируются по значенiю съ однозвучными имъ основами въ другихъ словахъ (наприм. съ „дать" въ „подáть", „выдать", -„жар" въ словахъ „жаръ", „жаркiй", -„ток"- въ словахъ „потокъ", „притокъ") или совсѣмъ отсутствуютъ въ языкѣ въ другихъ словахъ. По тѣмъ же соображенiямъ въ словахъ „водка", „работа", „блѣдный" и т. п. основы „водк"-, „работ"-, „блѣдн"- въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ слѣдуетъ считать основами непроизводными. Между тѣмъ первоначально всѣ эти слова, несомнѣнно, имѣли производныя основы.

Формы отдѣльныхъ словъ бываютъ двухъ видовъ: 1) *формы словоизмѣненiя* и 2) *формы словообразованiя*. Формами словоизмѣ-

нения слова, имѣющія ихъ, обозначаются, какъ извѣстныя части предложенія или словосочетанія, т. е. этими формами обозначается извѣстное отношеніе данныхъ словъ, какъ частей предложенія, къ другимъ словамъ въ томъ же предложеніи или словосочетаніи. Именно, формами склоненія слово обозначается или какъ независимая часть предложенія (форма именит. падежа) или какъ дополненіе (формы косвенныхъ падежей); формами согласованія слово обозначается, какъ опредѣленіе къ другому слову, обозначенному въ предложеніи формой именит. или косвенныхъ падежей имени существительнаго, или же, какъ составная часть сказуемаго; формами лица въ глаголѣ обозначается отношеніе глагольнаго признака къ подлежащему, какъ къ первому лицу рѣчи или какъ ко 2-му лицу или какъ къ 3-му лицу, наконецъ, формами наклоненія (въ русскомъ языкѣ—изъявительнаго, условнаго и повелительнаго) и времени слово обозначается, какъ сказуемое въ предложеніи, почему формы наклоненія и времени называются также формами сказуемости. Ясно, что формы числа у существительныхъ не являются формами словоизмѣненія, потому что не обозначаютъ отношеніе данныхъ словъ къ другимъ словамъ въ предложеніи, а обозначаютъ особые предметы мысли, отличные отъ предметовъ мысли, обозначенныхъ формой другого числа; формы же числа у прилагательныхъ и глаголовъ принадлежатъ къ формамъ словоизмѣненія, такъ какъ являются формами согласованія и лица. Всѣ формы словъ, не являющіяся формами словоизмѣненія, являются формами *словообразованія*; слова, имѣющія эти формы, обозначаютъ отдѣльные предметы мысли, стоящіе въ извѣстномъ отношеніи къ другимъ предметамъ мысли, обозначаемымъ словами съ той же основной принадлежностью, но съ другими словообразовательными признаками. Такъ, наприм., слова: „вода", „водичка", „водяной" или „писалъ", „писавшій", „писарь", „писанье" обозначаютъ различные предметы мысли, но связанные другъ съ другомъ въ той части значенія, которая даётся въ основахъ „вод"- („вад"- и пр.), „писа"-.

§ 3. *Грамматическіе (формальные) классы словъ.* Слова, имѣющія одинаковыя формы или формы, соотносительныя между

собою по значенію, могутъ объединяться въ классы, называемые грамматическими классами, потому что эти классы словъ служатъ предметомъ изученія грамматики, какъ науки о формахъ языка. Эти классы могутъ быть болѣе общими и менѣе общими. Кромѣ того, слова, принадлежащія по формамъ цѣлыхъ словъ къ разнымъ классамъ, какъ, напримѣръ, глаголы въ формахъ спряженія и причастія, могутъ принадлежать къ одному классу по формамъ основъ. Наиболѣе общими грамматическими классами являются классы а) словъ, имѣющихъ формы и б) словъ, не имѣющихъ формъ. Къ словамъ, не имѣющимъ формъ, въ русскомъ яз. относится бо́льшая часть предлоговъ и союзовъ и такъ назыв. неграмматическія нарѣчія: какъ, гдѣ, тамъ, здѣсь, тутъ, когда, тогда, очень, весьма и т. п. Въ классѣ словъ, имѣющихъ формы, можно различать два класса: 1) словъ, имѣющихъ только формы словообразованія („грамматическія нарѣчія", инфинитивы), и 2) словъ, имѣющихъ вмѣстѣ съ формами словообразованія также и формы словоизмѣненія. Слова, имѣющія формы словоизмѣненія, въ русскомъ языкѣ распадаются на классы: 1) склоняемыхъ словъ; сюда относятся: а) слова, имѣющія только формы склоненія (имена, мѣстоименія и числительныя существительныя) и б) слова, имѣющія формы склоненія и согласованія (имена, мѣстоименія и числительныя прилагательныя, причастія); 2) спрягаемыхъ словъ (глаголы въ формахъ изъявительнаго, повелительнаго и условнаго наклоненій). Каждый изъ названныхъ классовъ въ свою очередь по различію въ образованіи формъ можетъ дробиться на болѣе мелкіе классы. Эту классификацію словъ языка, установленную на основаніи грамматическихъ или формальныхъ признаковъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ другими классификаціями словъ по неграмматическимъ признакамъ, напримѣръ, по значенію или по какимъ-нибудь внѣшнимъ признакамъ, не стоящимъ въ связи съ значеніемъ словъ. Какъ мы видимъ, она сильно расходится и съ той классификаціей словъ, какая до сихъ поръ господствуетъ въ учебникахъ грамматики, изучаемыхъ въ низшей и средней школѣ. Въ этихъ учебникахъ мы находимъ смѣшеніе грамматическихъ и неграмматическихъ принциповъ дѣленія, что приводитъ къ раз-

личнымъ непослѣдовательностямъ и противорѣчіямъ. Такъ, на грамматическихъ признакахъ въ учебной грамматикѣ основано выдѣленіе существительныхъ и прилагательныхъ въ различныя категоріи, но обычное опредѣленіе этихъ категорій, какъ названій предмета и названій качества или признака предмета, уже неграмматическое и не соотвѣтствуетъ самому содержанію опредѣляемыхъ этими названіями классовъ. Понятно, напримѣръ, что слова „камень" и „каменный" одинаково являются названіями предмета, въ первомъ случаѣ того, о которомъ говорится, а во второмъ—того, изъ котораго сдѣланъ другой предметъ; точно также слова „бѣлый" и „бѣлизна" одинаково являются названіями качества или признака предмета, но въ первомъ случаѣ этотъ признакъ относится къ какому-то предмету, а во второмъ разсматривается въ отвлеченіи отъ предмета. Остальныя категоріи или „части рѣчи" въ учебникахъ грамматики выдѣляются уже на основаніи неграмматическихъ признаковъ. Такъ, къ категоріи „имёнъ числительныхъ" въ учебникахъ относятся слова, обозначающія число и принадлежащія по формамъ словъ или къ существительнымъ (нѣкоторыя числительныя количественныя) или къ прилагательнымъ (остальныя числительныя количественныя, собирательныя и порядковыя) или къ грамматическимъ нарѣчіямъ (дважды, трижды и т. п.); къ категоріи мѣстоименій—тѣ склоняемыя слова, существительныя и прилагательныя, которыя по своему неграмматическому значенію являются не словами названіями, а словами мѣстоимёнными [1]); къ категоріи глаголовъ большая часть такъ называемыхъ „глагольныхъ словъ" [2]); по формамъ

---

[1]) Слова-названія—такія слова, которыя имѣютъ опредѣлённое значеніе независимо отъ данной рѣчи: столъ, бѣлый, два, стоять, хорошо и т. п.; слова мѣстоимённыя—такія слова, значеніе которыхъ опредѣляется только изъ данной рѣчи, такъ какъ они обозначаютъ извѣстныя отношенія къ данной рѣчи предметовъ мысли, обозначенныхъ другими словами, или самые предметы мысли только въ ихъ отношеніи къ данной рѣчи: я, ты, онъ, кто, тотъ, который, твой, гдѣ, здѣсь, тогда, такъ и т. п. Различіе въ значеніи между словами-названіями и словами мѣстоимёнными—неграмматическое, такъ какъ не обозначается формами словъ и не отражается на синтаксическомъ употребленіи этихъ формъ.

[2]) Слова-названія, обозначающія признаки предметовъ мысли, могутъ обозначать ихъ безъ отношенія къ ихъ измѣненію во времени: доброта, бѣлый, хорошо, много и пр.; такія слова называются *неглагольными*; тѣ-же слова, которыя обозначаютъ при-

цѣлыхъ словъ глаголы принадлежатъ къ классамъ а) спрягаемыхъ словъ, б) словъ склоняемыхъ и согласуемыхъ (причастія) и в) словъ, не имѣющихъ формъ словоизмѣненія; сюда относятся отглагольныя нарѣчія, называемыя „дѣепричастіями", и инфинитивы, называемые неточно „неопредѣлённымъ наклоненіемъ". Впрочемъ, всѣ слова, относимыя учебниками къ классу глаголовъ, принадлежатъ къ одному классу не только по своимъ неграмматическимъ значеніямъ, но и по формамъ основъ; но такимъ образомъ этотъ классъ оказывается не соотносительнымъ съ классомъ имёнъ и мѣстоименій, выдѣляемыхъ не по формамъ основъ, а по формамъ цѣлыхъ словъ. Неграмматическій принципъ лёгъ также въ основу дѣленія существительныхъ на собственныя и нарицательныя, конкретныя и абстрактныя, а прилагательныхъ—на качественныя и относительныя и т. д.; всѣ эти дѣленія никакого значенія для грамматики языка не имѣютъ. Различіе въ принципахъ дѣленія привело къ крайней непослѣдовательности. Такъ, въ учебникахъ грамматики отглагольныя прилагательныя и нарѣчія относятся къ классу глаголовъ, а отглагольныя существительныя—къ существительнымъ; нарѣчія отъ мѣстоимённыхъ основъ отнесены къ нарѣчіямъ, а отъ числительныхъ и глаголовъ—къ именамъ числительнымъ и глаголамъ и т. д. Какъ на примѣръ того, до чего неудобна въ грамматикахъ подобная классификація, укажу на слова „глухой", „такой" и „другой", которыя въ большинствѣ грамматикъ относятся къ трёмъ разнымъ частямъ рѣчи, тогда какъ образованіе формъ этихъ словъ и ихъ синтаксическое употребленіе совершенно одинаковы; во многихъ грамматикахъ слово „одинъ" относится одновременно къ двумъ частямъ рѣчи только на основаніи неграмматическихъ значеній этого слова и т. д.

§ 4. *Измѣненіе формъ словъ.* Формы словъ съ теченіемъ времени мѣняются, какъ и звуковая сторона словъ. Измѣненія формъ словъ вызываются разными причинами; частью, эти измѣненія не

знаки предметовъ мысли въ ихъ измѣненіи во времени (т. е. такъ наз. дѣйствія или состоянія), называются *глагольными:* хожу, стоять, сидѣніе (какъ состояніе, но „сидѣніе"—часть стула или кресла—неглагольное слово), бѣгъ, ѣзда, говорящій, думая и т. п. Различіе между словами глагольными и неглагольными—неграмматическое.

стоятъ въ связи со значеніемъ формы и вызываются чисто фонетическими (звуковыми) причинами: измѣненіемъ звуковъ самихъ по себѣ или подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ. Такъ, въ русскомъ языкѣ утрачены окончанія имен.-вин. единств. имёнъ муж. рода вслѣдствіе фонетической утраты всякихъ конечныхъ ъ и ь (ъ и ь—звуки, существовавшіе въ общесловянскомъ языкѣ); точно также въ русскомъ яз. окончаніе 1-го лица единств. ч. настоящ. врем. глаголовъ, звучавшее нѣкогда, какъ ǫ (т. е. *о* носовое), съ теченіемъ времени перешло въ *-у* вслѣдствіе того, что всякое ǫ въ русскомъ языкѣ переходило въ *у*. Подобныя измѣненія, какъ чисто звуковыя или фонетическія, сами по себѣ не разсматриваются исторической морфологіей языка, а входятъ въ исторію звуковъ языка. Всѣ остальныя измѣненія формъ языка стоятъ въ связи со значеніемъ этихъ формъ: 1) Значительная часть измѣненій формъ вызывается аналогіей, т. е. сближеніемъ по сходству формъ однихъ словъ съ формами другихъ словъ, причёмъ извѣстные признаки формъ однихъ словъ переносятся на другія слова. Такъ, въ южновеликорусскихъ формахъ „подóришь“, „посóдишь“, *ó* явилось по аналогіи съ чередованіемъ *а* неударяемаго съ *о* въ такихъ глаголахъ, какъ вожý—вóзишь, кормлю́—кóрмишь, положý—полóжишь, и т. п.; въ южновеликорусскихъ-же формахъ 3-го л. множ. „лю́бють“, „ви́дють“ и т. п. звукъ *у* или *й* въ окончаніи явился по аналогіи съ тѣмъ же звукомъ въ „знáють“, „мóють“, „кóлють“ и т. п. 2) Кромѣ того, въ исторіи языка возможна утрата тѣхъ или другихъ формъ словъ вслѣдствіе такого измѣненія въ значеніи формъ, которое дѣлаетъ возможнымъ замѣну однихъ формъ другими: здѣсь тоже главную роль играетъ аналогія: такъ, въ исторіи русскаго языка утрачены формы двойственнаго числа вслѣдствіе измѣненія значенія множественнаго числа, которое стало между прочимъ обозначать и парное число предметовъ; утрачены формы имперфекта и аориста вслѣдствіе совпаденія ихъ по значенію съ прошедшимъ сложнымъ (первоначально значенія всѣхъ трёхъ формъ были различны) и т. д. 3) Возможно возникновеніе новыхъ формъ вслѣдствіе слиянія двухъ словъ въ одно. Такое сліяніе бываетъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ,

если какое-нибудь слово теряетъ своё первоначальное реальное значеніе и становится несамостоятельнымъ словомъ съ формальнымъ значеніемъ, т. е. служитъ для образованія тѣхъ или другихъ сложныхъ формъ. Впослѣдствіи, если въ такой сложной формѣ это слово занимаетъ всегда опредѣлённое мѣсто, оно можетъ превратиться въ аффиксъ. Такимъ аффиксомъ въ русскомъ языкѣ является, напримѣръ, теперь „бы" въ союзахъ „чтобы", „дабы", „еслибы"; но то же „бы" сохраняется, какъ частичное слово, служащее для образованія сложной формы условнаго наклоненія, въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, „ему *бы* нынѣ было... онъ былъ *бы* твой ровесникъ" (Пушкинъ, Бор. Год.). Такого-же происхожденія въ великорусскомъ „ся" въ формахъ возвратнаго залога, получившееся въ концѣ концовъ изъ винит. пад. возвратнаго мѣстоименія. Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ такому же превращенію въ суффиксъ подвергся вспомогательный глаголъ (т. е. глаголъ съ однимъ формальнымъ значеніемъ) „му", „меш" и пр., служащій для образованія будущаго времени: ходитиму, робитимеш и пр.

Желающимъ ознакомиться подробнѣе съ вопросами, затронутыми въ этомъ „Введеніи", рекомендую книгу проф. В. Поржезинскаго, Введеніе въ языковѣдѣніе, изд. 3-е, М. 1913 или его-же, Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка, М. 1910, именно, тѣ главы, въ которыхъ говорится о формахъ словъ, формальныхъ классахъ словъ и измѣненіи фактовъ языка.

Исторія формъ склоненія въ русскомъ языкѣ.

1. Формы, перешедшія въ русскій языкъ изъ общесловянскаго.

§ 5. Формы, перешедшія въ русскій языкъ изъ общесловянскаго языка, возстанавливаются на основаніи сопоставленія русскаго языка со всѣми другими словянскими языками. Но такъ какъ эти формы во всѣхъ словянскихъ языкахъ претерпѣли большія измѣненія, частью одинаковыя, то особое значеніе для возстановленія формъ общесловянскаго языка получаютъ показанія древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ словянскихъ языковъ, въ особенности языка старословянскаго (или древнецерковнословянскаго), сохранившаго въ своихъ памятникахъ общесловянскія формы въ наибольшей цѣльности.

§ 6. Слова, имѣвшія формы склоненія, въ общесловянскомъ, какъ и въ общеиндоевропейскомъ, принадлежали къ двумъ классамъ: 1) словъ, имѣвшихъ только формы склоненія и 2) словъ, имѣвшихъ формы склоненія съ формами согласованія. Но слова, имѣвшія формы согласованія, т. е. прилагательныя въ широкомъ смыслѣ, отличаясь отъ существительныхъ по синтаксическому употребленію и по присутствію формъ рода, не отличались отъ нихъ по самому образованію формъ склоненія, а именно, прилагательныя въ муж. родѣ образовывали падежныя формы такъ-же, какъ извѣстныя категоріи существительныхъ муж. р., прилагательныя въ женскомъ родѣ—такъ же, какъ извѣстныя категоріи существительныхъ женскаго рода и т. д. Такъ, наприм., прилагательное *dobrъ въ муж., женск. и среднемъ родахъ склонялось такъ-же, какъ существительныя *vozъ, *žena *lěto и т. п. Въ то же время по различію въ образованіи формъ склоненія среди всѣхъ склоняемыхъ словъ различались 3 класса: 1) склоненіе именное,

2) склоненіе мѣстоименій личныхъ и 3) склоненіе мѣстоимённое; къ первому принадлежали существительныя имена, а также прилагательныя и причастія въ такъ назыв. безчленныхъ формахъ, ко второму—мѣстоименія личныя 1-го и 2-го лица всѣхъ чиселъ и мѣстоименіе возвратное, къ третьему—мѣстоименія неличныя, а также прилагательныя и причастія сложныя или членныя; формы сложныхъ или членныхъ прилагательныхъ и причастій образовывались путёмъ сложенія ихъ въ ихъ именныхъ формахъ съ формами указательнаго мѣстоименія *іь, *ја, *је (родит. *јеγо и пр.); поэтому такое склоненіе прилагательныхъ и причастій въ отличіе отъ собственно мѣстоимённаго склоненія называется сложнымъ; возможно, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ говорахъ общеслов. яз. членныя прилагательныя и причастія образовывали нѣкоторыя формы и по собственно мѣстоимённому склоненію, т. е. черезъ присоединеніе падежныхъ окончаній мѣстоимённаго склоненія непосредственно къ основѣ.

§ 7. Въ формахъ склоненія въ общеслов. различались тѣ-же падежи, что и въ современномъ русскомъ яз., т. е. именительный и косвенные: винительный, родительный, дательный, творительный и мѣстный (не „предложный“, такъ какъ этотъ падежъ могъ употребляться и безъ предлога для обозначенія мѣста и времени), но кромѣ падежныхъ формъ единственнаго и множественнаго числа существовали также формы двойственнаго числа. Къ формамъ единственнаго числа принадлежала также звательная форма, неточно называемая формой „звательнаго падежа“, такъ какъ слова въ звательной формѣ не являлись частями предложенія, а представляли слова-воззванія, стоящія внѣ предложенія.

§ 8. Въ именномъ склоненіи различались: 1) склоненіе имёнъ муж. р., имѣвшихъ въ именит. ед. окончанія -ъ или -ь (ъ и ь—гласныя, впослѣдствіи утраченныя въ этомъ положеніи всѣми славянскими языками), и имёнъ средняго р. на *-о*, *-е*, съ родит. ед. на *-а*: *godъ, kon'ь, *lěto, *pol'e; 2) склоненіе имёнъ муж. р., имѣвшихъ въ имен. ед. окончаніе -ъ, а въ род. *-и*: *synъ, *volъ, *medъ; 3) склоненіе имёнъ женск. р., имѣвшихъ въ имен. ед. окончаніе *-а* или *-і*, а въ родит. *-у* (ы) отъ основъ на твёрдые звуки и

„*ѣ* носовое“ [1]) отъ основъ на мягкіе звуки: *žena, *zeml'a, *bogyn'i, *sǫdii (судья); 4) склоненіе имёнъ муж. и женск. р., имѣвшихъ въ имен. ед. окончаніе *-ь*, а въ родит. *-і*: *gostь, *zvѣrь, *žiznь, *rѣčь; 5) склоненіе имёнъ, имѣвшихъ въ род. ед. окончаніе *-е*: *kamy, *dьnь, *mati, *svekry, *imę, *telę, *słovo, род.: *kamene, *dьne, *matere, *svekrъve, *imene, *telęte, *słovese [2]).

Падежныя формы именныхъ склоненій различались между собою по окончаніямъ и, частью, по мѣсту ударенія; кромѣ того, у нѣкоторыхъ имёнъ являлись различія и въ самихъ основахъ формъ склоненія; эти послѣднія различія сводились къ различію между основой имен. ед. и остальныхъ падежей отъ нѣкоторыхъ имёнъ, принадлежавшихъ къ 5-й группѣ (съ р. ед. на -е) и къ измѣненію конечныхъ задненёбныхъ (g, k, x) основы передъ мягкими гласными: е, і, ь, ę, ѣ.

Падежныя окончанія именныхъ склоненій въ о-сл.

§ 9. Имена на -ъ, -ь, -о, -е съ р. ед. на -а можно дѣлить на имена съ основами а) на твёрдые и б) на мягкіе неслоговые звуки. Падежныя окончанія у тѣхъ и другихъ были слѣдующія: а) Ед.: им. -ъ, -о; в. = им. или р.; р. -а; д. -u; тв. -omь или -ъmь; м. -ѣ; зв. -е. Дв.: им.-в. муж. р. -а, ср. р. -ѣ; р.-м. -u; д.-тв. -oma. Мн.: им. муж. р. -і; им.-в. ср. р. -а; в. муж. р. -у; р. -ъ; д. -omъ; тв. -у; м. -ѣхъ. б) Ед.: им. -ь, -е; в. = им. или р.; р. -а; д. -u; тв. -emь и -ьmь; м. -і; зв. -u и -е (-е только отъ имёнъ на -сь, -ѕь: otьče, kъnęže). Дв.: им.-в. муж. р. -а, ср.

---

[1]) Названіемъ „*ѣ* носовое“ я условно обозначаю тотъ гласный звукъ (или звуковое сочетаніе) общеслованскаго языка, являвшійся только въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ, который въ русскомъ языкѣ перешолъ въ *ѣ* съ его дальнѣйшими измѣненіями, а въ старословянскомъ совпалъ съ ę, обозначавшимся буквою ѧ.

[2]) Въ большинствѣ руководствъ по старословянскому яз. и по сравнительной грамматикѣ словянскихъ языковъ перечисленныя категоріи именного склоненія принято называть: 1) склоненіемъ основъ на *-о*, 2) скл. основъ на *-u*, 3) скл. основъ на *-а*, 4) скл. основъ на *-і* и 5) скл. основъ на согласныя и на ū, п. ч. эти категоріи въ общеслов., дѣйствительно, восходили къ общеиндоевроп. склоненіямъ основъ на *-о*, на *-u*, на *-а* и т. д. Но въ общеслов. уже всѣ основы именного склоненія оканчивались или на согласныя или на i̯. Такъ, въ словѣ vozъ основою являлось voz-, въ словѣ kraiь основа krai̯, а *ъ*, *а*, *u* и пр.—падежныя окончанія.

р. -i; р.-м. -u; д.-тв. -ema. Мн.: им. муж. р. -i; им.-в. ср. р. -а, в. муж. р. „-ѣ носовое“ (см. выше § 8, примѣч.); р. -ь; д. -emъ; тв. -i; м. -iхъ.

§ 10. Окончанія -ь, -е въ им. ед. и др. формы по б) являлись въ этомъ склоненіи только у именъ съ основою на мягкіе неслоговые звуки, а такими въ о-сл. яз. эпохи его распаденія были лишь i̯ и согласныя шипящія и свистящія *с* и *з* во всѣхъ случаяхъ и могли быть *z*, *s*, *l*, *r*, *n*. Отсюда ясно, что такія имена, какъ зять, лебедь, голубь, въ о-сл. не принадлежали къ этому склоненію. Гласныя *ь*, *е*, *i*, „*ѣ* носовое“ въ падежныхъ окончаніяхъ мягкихъ основъ явились вслѣдствіе измѣненія гласныхъ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ.

§ 11. Во всѣхъ нынѣшнихъ словянскихъ языкахъ, сохранившихъ формы склоненія, в. ед. отъ именъ муж. р. этого склоненія, обозначающихъ „одушевлённые предметы“, совпадаетъ съ р. ед. Отсюда мы могли бы заключить, что и въ о-сл. имена одушевлённыхъ предметовъ имѣли ту-же форму род.-вин. ед. Но памятники ст-сл. яз. и древнѣйшіе памятники русскаго яз. показываютъ, что форма р. ед. въ значеніи в. ед. первоначально употреблялась значительно рѣже; что наряду съ ней употреблялась отъ именъ одушевлённыхъ предметовъ и форма в. ед., совпадавшая съ формой им. ед., и что, слѣдовательно, въ о-сл. яз. въ эпоху его распаденія отъ именъ одушевлённыхъ предметовъ могли употребляться обѣ формы в. ед., а окончательная утрата формы в. ед.=им. отъ этихъ именъ въ русскомъ яз. относится уже къ исторической эпохѣ.

§ 12. Въ тв. ед. ст-сл. и нынѣшніе ю-сл. яз. указываютъ на о-сл. *-омъ* отъ твердыхъ основъ, *-емъ* отъ мягкихъ: ст-сл. рабомь, конюмь, селомь, полюмь и т. п., сербск. градом, коњем, селом, морем. Но русскому яз. въ историческую эпоху было извѣстно въ этой формѣ только окончаніе *-ъмь*, *-ьмь*: во всѣхъ древнихъ русскихъ письменныхъ памятникахъ, не смѣшивающихъ *ъ* и *ь* съ *о* и *е*, эти формы послѣдовательно пишутся съ такимъ окончаніемъ, начиная съ Остром. Еванг.: гнѣвъмь, числъмь, отьцьмь, ложьмь и др. Немногіе примѣры съ -омь, -емь въ Остром. Ев. идутъ, очевидно, изъ ст-сл. оригинала. Нынѣшнее великор. окон-

чаніе тв. ед. *-ом* не указываетъ опредѣлённо на то, какая гласная была въ о-р., потому что великор. *о* получилось какъ изъ о-р. *ъ*, такъ и изъ всякаго о-р. *о*, но малор. *-ом* (паном, дідом, лісом, містом) и *-ем* (конем, місяцем, полем) можетъ указывать только на о-р. *-ъмь*, *-ьмь*, такъ какъ изъ о-р. *о*, *е* въ закрытомъ слогѣ должно было получиться *і* (діалектич. *у*). Въ польск. и чешск. та же форма теперь оканчивается на *-em*: польск. dworem, piaskiem, koniem, królem, słowem, polem, и пр., чш. chlapem, vrahem, slovem и т. п., гдѣ *e* можетъ восходить только къ старому *ъ* или *ь*. Отсюда можно заключить, что форма тв. ед. разсматриваемаго склоненія была получена русскимъ, польскимъ и чешскимъ языками съ окончаніемъ *-ъть*, *-ьть* еще изъ говоровъ о-сл. яз., и что, слѣдовательно, различіе между ю-сл. языками съ одной стороны и русскимъ, чешскимъ и польскимъ съ другой по отношенію къ этой формѣ восходитъ къ діалектическимъ различіямъ въ о-сл. яз. Въ самомъ же о-сл. яз. окончаніе тв. ед. *-оть* въ этомъ склоненіи являлось болѣе первоначальнымъ, а *-ъть* могло быть заимствовано изъ склоненія именъ на *-ъ* съ род. ед. на *-и*.

§ 13. Форма вин. множ. отъ основъ на мягкіе неслоговые звуки въ этомъ склоненіи, какъ и формы род. ед. и им.-вин. множ. отъ именъ женск. р. на *-а* и соотвѣтствующія формы мѣстоимённаго склоненія съ основами на мягкіе неслоговые звуки, оканчивалась, повидимому, на „*ѣ* носовое“. Это „*ѣ* носовое“ въ ст.-сл. перешло въ ę (буква ѧ): конѩ, мѫжа, землѩ, ѥѩ, а въ русскомъ, польскомъ и чешскомъ совпало со звуками, получавшимися изъ о.-сл. *ѣ* неносового. Для русскаго яз. окончаніе *-ѣ* въ этихъ формахъ засвидѣтельствовано памятниками съ XI в.: Остром. Еванг.: недѣлѣ р. ед. 12, каплѣ им. мн. 160; Арханг. Еванг. ключѣ в. мн. 168 об., три мсцѣ в. мн. 126 об., недѣлѣ р. ед. 86 об. и др., Мстисл. грам. 1130 г.: за моѣ в. мн. Это окончаніе сохранилось въ малор.: коні, горобці, землі, єі, гарноі, и, частью, въ бѣлор.: жанцѣ, зямлѣ, жанкѣ, таѣ, аднаѣ, а въ великор. сохранилось только въ формахъ мѣстоимённаго и сложнаго склоненія (мы пишемъ *ѣ* и *е*: добры*е*, е*ё*, вс*ѣ*), а въ формахъ именного склоненія частью утрачено, частью, можетъ быть,

способствовало смѣшенію формъ род. и дат. ед. имёнъ женск. р. „ѣ носовое“ въ о.-сл. получалось, повидимому, изъ болѣе ранняго -jons. Впрочемъ, при тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ въ русскомъ и зап.-слов. язз. въ причастіяхъ наст. врем. получалось не „ѣ носовое“ а ę, ср. польск. bіję, русское „зная“. Возможно, что въ этихъ формахъ былъ другой характеръ долготы носовой гласной, или, что здѣсь дѣйствовала какая-нибудь аналогія; наприм., *znaję могло получиться вмѣсто *znaě (съ ѣ носовымъ) по аналогіи съ *xodę. Замѣчу, что выводить ѣ въ названныхъ формахъ въ русскомъ, польскомъ и чешскомъ языкахъ изъ о.-сл. ѣ неносового невозможно, такъ какъ послѣднее послѣ мягкихъ не свистящихъ звуковъ не могло получиться.

§ 14. У имёнъ съ основами на задненёбныя (k, g, x) послѣдняя согласная основы измѣнялась въ свистящую (c, ѕ или z, s) передъ ѣ въ мѣстн. ед. и мн. и передъ і въ им. мн. и въ шипящую (č, ž, š) передъ е въ зв. ф.: *rakъ—*racě, *raci, *rače, *drugъ—*druѕě, *druѕi, *druže.

§ 15. *Имена на -ъ съ род. ед. на -и.* Въ эпоху распаденія о.-сл. яз. по этому склоненію измѣнялись лишь очень немногія имена, да и тѣ подверглись сильному вліянію другого склоненія имёнъ на ъ (съ р. ед. на *а*). Поэтому уже въ древнѣйшихъ памятникахъ ст.-сл., др.-р. и другихъ словянскихъ языковъ имена, принадлежавшія въ о.-сл. къ этому склоненію (съ род. ед. на *и*). могутъ образовывать тѣ или другія формы по образцу имёнъ съ р. ед. на *-а*. Окончанія падежныхъ формъ этого склоненія въ о.-сл. были: Ед. им. -ъ, в. -ъ; р. -u; д. -ovi; тв. -ъmь, -omь; м. -u съ удареніемъ на окончаніи, чѣмъ эта форма могла отличаться отъ формы р. ед.; зв. -u (съ удареніемъ на основѣ). Дв. им.-в. -y; р.-м. -ovu; д.-тв. -ъma, -oma. Мн.: им. -ove; в. -y; р. -ovъ; д. -omъ; тв. -ъmi; м. -ъxъ, -oxъ.

§ 16. Форма вин. ед. *synъ еще въ о-сл. могла замѣняться формой *syna, по образцу склоненія имёнъ на -ъ съ род. ед. на -а (ср. выше, § 11); та-же форма употреблялась и въ род. ед. рядомъ со старой формой *synu. Уже въ ст-сл. памятникахъ въ в. ед. одинаково употребительны обѣ формы (сынъ и сына), а въ

р. ед. форма сына даже чаще, чѣмъ сыноу; въ др-р. памятникахъ въ в. ед. встрѣчаются обѣ формы, а въ р. ед. только сына; впрочемъ, въ Духовной Климента XIII в.—с҃ноу. Въ нынѣшнихъ словянскихъ языкахъ р. и в. ед. отъ слова „сынъ" почти вездѣ исключительно на *-а*.

§ 17. На о-сл. *-ъмь* въ тв. ед. указываетъ Остром. Еванг. (сынъмь, домъмь) и всѣ др-р. памятники; въ ст-сл. памятникахъ —только -омь; въ нынѣшнихъ словянскихъ языкахъ формы этого склоненія вообще совпали съ формами склоненія именъ съ род. на *-а*. Поэтому, въ о-сл. въ эпоху его распаденія можно предполагать *-ъмь* въ однихъ говорахъ и *-омь* въ другихъ говорахъ, причемъ діалектическое *-омь* надо считать перешедшимъ изъ склоненія именъ съ р. ед. на *-а*.

§ 18. Дат. мн. этого склоненія перешолъ изъ о-сл. во всѣ словянскіе языки только съ окончаніемъ *-омъ*, засвидѣтельствованнымъ какъ ст-сл. памятниками, такъ и древнѣйшими памятниками русскаго и другихъ словянскихъ язз. Относительно нынѣшнихъ словянскихъ языковъ см. § 17. Окончаніе *-омъ* въ этой формѣ заимствовано у склоненія именъ съ род. ед. на *-а*.

§ 19. На о-сл. *-ъхъ* въ м. мн. указываетъ Остром. Еванг. (домъхъ) и другіе др.-русскіе памятники, а также нынѣшніе малор. говоры Прикарпатской и Угорской Руси, гдѣ распространены формы мѣстн. на *-ох*: лісох, синох, которыя могутъ восходить только къ старымъ формамъ на *-ъхъ*, п. ч. старое *о* въ закрытыхъ слогахъ въ тѣхъ же говорахъ перешло въ *у* и *і*, ср. дат. мн. отъ тѣхъ же именъ и въ тѣхъ же говорахъ: лісум, синум или лісім, синім. Но въ ст-сл. памятникахъ разсматриваемая форма оканчивается только на -охъ[1]), и то же окончаніе представляютъ ст.-польскіе и ст.-сербскіе памятники, гдѣ *о* можно возводить только къ о-сл. *о*. Поэтому можно думать, что окончаніе м. мн. *-ъхъ*, которое слѣдуетъ считать болѣе первоначальнымъ, сохранялось въ о-сл. въ эпоху его распаденія лишь діалектически, между прочимъ, въ тѣхъ говорахъ, изъ которыхъ

[1]) Впрочемъ,—только въ памятникахъ, смѣшивающихъ *о* и *ъ*. Въ Супр. и Савв. форма м. мн. этого склоненія вовсе не встрѣчается.

образовался русскій языкъ, а въ другихъ говорахъ нефонетически измѣнилось въ *-охъ*, гдѣ *о*—по аналогіи съ *о* въ род. и дат. мн.

§ 20. *Имена на -а, -і, съ р. ед. на -у, „-ѣ носовое“.* Окончанія падежныхъ формъ: а) Основы на твёрдые неслоговые звуки. Ед. им. -а; в. -ǫ; р. -у.; д. -ѣ; тв. -oi̯ǫ; м. -ѣ; зв. ф. -о. Дв. им.-в. -ѣ; р.-м. oi̯u; д.-тв. -ama. Мн. им.-в. -у; р. -ъ; д. -amъ; тв. -ami; м. -ахъ. б) Основы на мягкіе неслоговые звуки. Ед. им. -а, -і; в. -ǫ; р. -„ѣ носовое“; д. -і; тв. -ei̯ǫ; м. -і; зв. ф. -е, -і, Дв. им.-в. -і; р.-м. ei̯u; д.-тв. -ama. Мн. им.-в. -„ѣ носовое“; р. -ь; д. -amъ; тв. -ami; м. -ахъ. Въ формахъ в. ед. и им.-в. мн. отъ нѣкоторыхъ именъ, имѣвшихъ въ остальныхъ формахъ удареніе на окончаніи, это удареніе переносилось на основу: nogá, р. nogý, в. nógǫ, им.-в. мн. nógy и пр.

О „*ѣ* носовомъ“ см. выше, § 13.

Имена съ основами на задненёбныя въ формѣ д.-м. ед. измѣняли конечную задненёбную основы на свистящую: rǫcѣ, nosѣ.

§ 21. *Имена на -ъ съ р. ед. на -і.* Основы этихъ имёнъ въ о-сл. оканчивались или на шипящія согласныя (получавшіяся изъ задненёбныхъ передъ гласными *е, і, ь*) или на такія согласныя, которыя въ о-сл. еще не были смягчёнными. Отсюда ясно, что къ этому склоненію принадлежали въ о-сл. между прочимъ всѣ тѣ имена, которыя теперь въ р. яз. оканчиваются на -бь, -вь, -мь, -дь, -ть и т. п., и не могли принадлежать имена, которыя теперь оканчиваются на -цъ. Имена муж. р. этого склоненія въ о-сл. были немногочисленны. Въ русскомъ яз. они позднѣе совпали по образованію падежныхъ формъ съ именами на *-ъ*, имѣвшими въ род. ед. окончаніе *-а*, или перешли въ женскій р. Изъ словъ, извѣстныхъ русскому яз., къ этому склоненію первоначально принадлежали слѣдующія имена *муж. р.*: боль (= больной), гвоздь, голубь, гортань, гость, дёготь, жолудь, звѣрь, зять, коготь, лапоть, лебедь, локоть[1]), лось, медвѣдь, мозоль, ноготь[1]), огонь, печать[1]); путь, рябь (рябчикъ), соболь, тать, тесть, червь, уголь, мн. ч. люди (о-сл. *l'udьje) и, можетъ быть, нѣкоторыя другія. Остальныя имена этого склоненія были женскаго рода. По этому-же скло-

---

[1]) Впрочемъ, объ именахъ локоть (о-сл. *olkъtь), ноготь и печать см. также § 22.

ненію измѣнялись числительныя 5—9, являвшіяся въ о-сл. существительными ж. р., и числительное „три“, которое употреблялось, какъ прилагательное, и потому имѣло формы только множ. ч., причёмъ въ имен. пад. различались двѣ формы: одна для муж. р.—*trije, другая—для ж. и ср. р.—*tri.

Падежныя окончанія. Ед. им.-в. -ь; р.-д.-м. -і; тв. муж. р. -ьmь, ж. р. -ьі̯ǫ. Дв. им.-в. -і; р.-м. -ьі̯u; д.-тв. -ьma. Мн. им. муж. р. -ьі̯e; в. муж. р. и им.-в. ж. р. -і; род. -ьь; д. -ьmъ; тв. -ьmі; мн. -ьхъ. Форма м. ед. могла отличаться отъ остальныхъ формъ на -і мѣстомъ ударенія, которое въ этомъ падежѣ падало, повидимому, на окончаніе. Всѣ формы этого склоненія, полученныя р. языкомъ изъ о-сл., засвидѣтельствованы русскими письменными памятниками и, по большей части, сохранились и до сихъ поръ, претерпѣвъ только извѣстныя фонетическія измѣненія.

Къ этому же склоненію относились въ о-сл. имена *oči и *uši въ двойств. ч. Формы дат.-тв. этихъ имёнъ перешли въ ст-сл. яз. съ окончаніемъ *-ima*: очима, оушима; тѣ-же формы встрѣчаются и въ др.-р. памятникахъ, а форма „очима“ сохранилась въ нын. млр. и бѣлор.; но рядомъ съ ними др-р. языкъ, повидимому, имѣлъ и формы на *-ьма*: очьма, ушьма, откуда нын. діалект. влкр. ушми. Формы на *-ьма*, быть можетъ, тоже о-сл. происхожденія, ср. нын. словинск. očmi.

§ 22. *Имена съ р. ед. на -е.* Сюда относились а) имена муж. р. съ основой косвенныхъ падежей на *-n-*; въ им. ед. они оканчивались въ о-сл., должно быть, первоначально на *-y*, какъ показываютъ ст-сл. (Супр.) камꙑ, пламꙑ, но, повидимому, еще въ о-сл. эпоху старая форма им. ед. могла замѣняться формой вин. ед. на -ъ: *kamenь, *polmenь, *remenь и пр., которой и была потомъ вытѣснена въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ; б) имена ср. р. съ основой косвенныхъ падежей на *-men-*; въ им. ед. они оканчивались на *-mę*, откуда ст-сл. -мѧ (имѧ, сѣмѧ и пр.), русское *-мя*; в) имена ср. р. съ основой косвенныхъ падежей на -ęt-; въ им. ед. -ę (это—названія дѣтёнышей: др.-р. теля, козьля, робя и пр.); г) имена ср. р. съ основой косвенныхъ падд. на *-es-*; въ им. ед. *-o* („слово“ и т. п.); д) имена женск. р. съ основой косвен-

ныхъ пад. на *-er-*, въ им. ед. *-i* (др.-р. мáти, дъчи́); е) имена ж. р. съ основой косв. падд. на *-ъv-*; въ им. ед. *-y* (ср. нынѣшнее великор. діалектич. „свекры“); эта форма им. пад. еще въ о-сл. могла замѣняться формою в. ед. на *-ь*: *brъvь и т. п. О другихъ словахъ, принадлежавшихъ нѣкогда къ этому склоненію, см. ниже, § 23.

Имена этого склоненія еще въ о-сл. подверглись вліянію со стороны другихъ склоненій; впослѣдствіи это вліяніе усилилось, и характерныя формы этого склоненія, кромѣ немногихъ, были всѣми словянскими языками утрачены. Насколько можно судить по показаніямъ ст.-сл. памятниковъ и древнѣйшихъ памятниковъ другихъ словянскихъ язз., окончанія падежныхъ формъ этого склоненія въ о-сл. въ эпоху его распаденія были слѣдующія: Ед. ч. в. муж. и ж. р. -ь (ср. р. = им. ед.); р. -е, д. -і, тв. муж. р. -ьmь, ж. р. -ьįǫ; м. -е. Дв. ч.: им.-в. муж. и ж. р. -і, ср. р. -ѣ; р.-м. -u; д.-тв. -ьma. Мн. ч. им. муж. (и ж.?) р. -е; им.-в. ж. р. -і, ср. р. -а; в. муж. р. -і; р. -ъ; д. -mъ, -emъ, -ьмъ; тв. -mi, -ьmi, -y; м. -sъ, -хъ, -ехъ, -ьхъ.

§ 23. Къ тому же склоненію въ формахъ множ. ч. относились: а) имена на *-inъ*, образовывавшія множ. ч. безъ этого суффикса (ср. нын. русскія: бояринъ, мѣщанинъ, им. мн. бояре, мѣщане); б) имена на *-ar'ъ* и *-tel'ъ*, образовывавшія формы множ. ч. отъ основъ на *-ar-* и *-tel-*; въ ед. ч. они уже въ о-сл. склонялись по образцу имёнъ на *-ъ* съ род. ед. на *-a*; в) числительное *četyre (муж. р., ж. и ср. р.—*četyri), не имѣвшее формъ ед. ч. и употреблявшееся, какъ прилагательное. Наконецъ, первоначально по этому склоненію измѣнялись имена *pečatь *nogъtь, *olkъtь (локоть), числительное *desętь, причастія наст. и прош. врем. дѣйствительнаго залога и прилагательныя въ сравнительной степени, но въ эпоху распаденія о-сл. яз. они сохраняли лишь нѣкоторыя формы по разсматриваемому склоненію; такъ, въ ст.-сл. и др.-р. памятникахъ мы встрѣчаемъ формы, очевидно восходящія къ о-сл.: р.-м. ед. печате, десѧте; им. мн. печате, десѧте; р. мн. ст.-сл. лакътъ, др.-р. локътъ, ногътъ, десѧтъ; тв. мн. ст.-сл. лакъты, десѧты, ногъты; отъ причастій и прилагательныхъ въ сравн. степ. сохранялась по

этому склоненію только форма им. мн. на *-е*. Остальныя формы отъ словъ печать, ногъть, десѧть, лакъть въ ст.-сл., какъ и въ др.-р., образовывались, какъ отъ именъ на *-ъ* съ род. на *-і* (десѧть — ж. р.); о склоненіи причастій см. ниже, § 28.

§ 24. Въ вин. ед. въ ст.-сл. и др.-р. памятникахъ встрѣчается иногда окончаніе *-е*: камене, матере, свекръве. Повидимому, это по происхожденію формы р. ед., получившія значеніе вин. ед. Быть можетъ, онѣ употреблялись съ такимъ значеніемъ еще въ о-сл.

§ 25. Окончаніе *-е* въ им. мн. муж. р. засвидѣтельствовано памятниками ст-сл. яз. для слова дьнь, им. мн. дьне, для именъ на -тель, -арь, -инъ и для причастій и сравн. степ. прилагательныхъ; отъ именъ на -тель, -арь, -инъ им. мн. на *-е* сохранился въ русскомъ яз. (съ позднѣйшими фонетическими измѣненіями); для остальныхъ именъ муж. р. этого склоненія им. мн. на *-е* для о-сл. яз. не возстановляется ни показаніями ст.-сл. яз., ни показаніями русскаго яз., но и тотъ и другой позволяютъ предположить уже въ о-сл. формы им. мн. на -ье (ср. ст.-сл. корению, камению) по аналогіи съ именами на *-ъ*.

§ 26. На о-сл. *-ъ* въ окончаніи р. мн. именъ муж. и ж. р. разсматриваемаго склоненія указываютъ не только ст.-сл. каменъ, дьнъ, матеръ, дѣлателъ и т. п., но и русскія бояръ, дворянъ и т. п., а также др.-р. дьнъ, нын. р. діалект. дён; повидимому, уже въ о-сл. имена несредн. р. этого склоненія могли образовывать род. мн. и на -ьь по аналогіи съ именами на *-ъ*.

§ 27. Дат., тв. и мѣстн. множ. разсматриваемаго склоненія, повидимому, первоначально имѣли въ о-сл. окончанія *-мъ*, *-мі*, *-sъ*, присоединенныя прямо къ основѣ, но въ эпоху распаденія о-сл. яз. можно предполагать сохраненіе формъ съ такими окончаніями только для именъ на *-ане*. Остатками ихъ являются довольно частыя формы на *-амъ*, *-ами*, *-ахъ* въ др.-р. памятникахъ, наприм. въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: содомлѧмъ 125,174 об., Уставѣ Синод. Типогр. № 15 нач. XII в.: иерусалимлѧмъ 34 об. (2 раза), въ Смоленской грам. 1229 г.: волочам, въ Новгор. грам. 1371 г. дворямъ, въ лѣтописяхъ (Лавр., Ипат. и др.): ва-

вилонямъ, деревлями, въ деревляхъ, въ поляхъ (= у полянъ), полочахъ и т. п., а также единичные примѣры въ ст.-сербской грам. 1189 г.: граѓам, дубровьчамъ и въ ст.-чешск. Dol'as, Lužas и др. Окончаніе *-sъ* въ мѣстн. мн. болѣе архаично, а *-хъ* заимствовано у другихъ склоненій. Въ этихъ формахъ не совсѣмъ ясенъ по происхожденію звукъ *а* въ окончаніи. Возможно, что онъ явился по аналогіи съ формами ед. ч. и им., в. и р. мн.

Иначе понимаетъ эти формы А. А. Шахматовъ, который видитъ здѣсь старыя основы не на -an, а на -а (Курсъ литогр. 1911).

Формы д. мн. на *-етъ*, м. мн. на *-ехъ* можно предполагать въ о-сл. на основаніи такихъ ст.-сл. формъ, какъ граждан҄емъ, граждан҄ехъ. За исключеніемъ названныхъ образованій обычными окончаніями д. и м. мн. разсматриваемаго склоненія были, повидимому, въ о-сл. въ эпоху его распаденія *-ѣтъ* и *-ѣхъ*, а въ тв. мн. *-у*—отъ имёнъ ср. р. и имёнъ на -inъ, -ar'ъ, -tel'ь, -tь и *-ѣті*—отъ остальныхъ. Отъ имёнъ ж. р. съ основою на -ъv-, повидимому, уже въ о-сл. являлись формы д., тв. и м. мн. на *-атъ*, *-аті*, *-ахъ*.

§ 28. Къ тому же склоненію въ о-сл. нѣкогда принадлежали и причастія дѣйствительнаго залога наст. врем. и т. наз. причастія I прош. времени (см. выше, § 23) и прилагательныя въ сравнительной степени, но въ эпоху распаденія о-сл. языка остатками этого склоненія являлись лишь формы им. ед. всѣхъ родовъ и им. мн. муж. р. Въ причастіяхъ наст. врем. различались 1) причастія отъ нетематическихъ глаголовъ и тематическихъ 1-го спряженія (съ тематич. гласной *-е*) съ основой на твёрдыя согласныя; эти причастія оканчивались въ им. ед. муж. и ср. р. на *-у*, а остальныя формы образовывались отъ основы на -ǫtj-[1] (ср. ст.-сл. сꙑ, идꙑ, несꙑ, ж. р. сѫшти, идѫшти, несѫшти); 2) прич. отъ тематическихъ глаголовъ 1-го спр. съ основой на -j-; они оканчивались въ им. ед. муж. и ср. р. на -ę, а остальныя формы образовывали отъ основы на -ǫtj- (ср. ст.-сл. знаꙗ, знаѭшти); 3) прич. отъ тематич. глаголовъ 2-го спряж. (съ тематич. гласной *і*);

---

[1]) tj еще въ о-сл. измѣнилось въ шипящій звукъ; но точное опредѣленіе этого звука затруднительно (см. Фонетику).

они оканчивались въ им. ед. муж. и ср. р. на -ę, а остальныя формы образовывали отъ основы на -ętj- (ср. ст.-сл. ходѧ, ходѧшти). Причастія прош. врем. I въ им. ед. муж. и ср. р. имѣли окончаніе -ъ или -ь (ст. сл. несъ, знавъ, хваливъ, хвалъ), а остальныя формы образовывали отъ основы -ъš- или -ьš- (ст.-сл. несъши, хваливъши, хвалъши). Наконецъ, прилагательныя въ сравн. ст. въ им. ед. муж. р. оканчивались на -ій, въ им.-в. ед. ср. р.—на -įe; а остальныя формы образовывали отъ основы на -ьš- (ст.-сл. болии, больши). Им. ед. ж. р. причастій и прилагательныхъ въ сравн. степ. оканчивался на -і, им. мн. муж. р. на -е (ст.-сл. несѫште, ходѧште, знавъше, больше), а остальныя формы образовывались по образцу склоненія именъ муж. р. на -ь съ род. на-*а* и имёнъ женск. р. на -*а*.

Относительно формы им. ед. муж. р. причастій на -*у* въ о-сл. надо замѣтить, что въ др.-р. яз. соотвѣтствующія причастія въ историческую эпоху имѣли окончаніе -*а*: река, мога, ида, неса и пр. Хотя подобныя формы есть и въ чешскомъ яз.: řka, jda и т. п., однако надо думать, что въ русскомъ яз., какъ и въ чешскомъ, это—новообразованія по аналогіи съ причастіями на -ę, явившіяся въ эпоху отдѣльной жизни обоихъ языковъ послѣ того времени, когда -ę переходило въ обоихъ языкахъ въ -ą, и что, слѣдовательно, русскій и чешскій язз. получили въ этой формѣ изъ о-сл. -*у*, какъ и ст-сл. Примѣры причастій на -*а* въ памятникахъ—съ XI в.: река, присноткаи Изборн. 1073 г.; паса Минея 1095 г.; зова, мога Минея 1096; возма Смол. грам. 1230 г.; река и др. Русская Правда; дада, ѣда Житіе Феодосія Печ. въ Усп. Сборн. XII в. и т. д.

Объ -ę въ окончаніи им. ед. муж. р. причастій отъ глаголовъ 1-го тематич. спряженія съ основой на -*j*- см. выше, § 13.

Склоненіе мѣстоименій личныхъ въ о-сл.

§ 29. Мѣстоименія личныя и возвратное въ о-сл. имѣли слѣдующія формы. Ед. им. jazъ и ja, ty; в. mene, tebe, sebe и mę, tę, sę; р. mene, tebe, sebe; д. mъnѣ, tebѣ, sebѣ, и tobѣ, sobѣ, а также mi, ti, si; тв. mъnoją, tobojǫ, sobojǫ; мѣ. mъnѣ, tebѣ,

sebě и tobě, sobě. Дв. им. vě (1 л.), va (2 л.); в. na, va; р.-м. naju, vaju; д.-тв. nama, vama. Мн. им. my, vy; в. ny, vy и nasъ, vasъ; р.-м. nasъ, vasъ; д. namъ, vamъ и ny, vy; тв. nami, vami. Формы mę, tę, sę, mi, ti, si и ny, vy употреблялись, какъ энклитики.

§ 30. Им. пад. мѣстоименія 1-го л. ед. являлся въ о-сл. въ двоякомъ видѣ: 1) *ja, 2) *jazъ. Форма ja сохранилась во всѣхъ славянскихъ языкахъ кромѣ болгарскаго и словинскаго (въ ст-сл. ея тоже не было), а форма jazъ уцѣлѣла теперь только въ болгарскомъ (въ видѣ „азъ“) и словинскомъ (jaz), но была извѣстна также древнерусскому, старопольскому и старочешскому языкамъ и засвидѣтельствована памятниками этихъ языковъ. Въ ст-сл. было только азъ или ѩзъ. Въ ст-сл. и болг. „азъ“ произошло отпаденіе начальнаго i̯ или j передъ -*а* уже на почвѣ этихъ языковъ.

Въ письменныхъ памятникахъ русскаго яз. форма „я“ впервые встрѣчается въ XII в., именно—въ Мстиславовой грамотѣ 1130 г.: „а се ѩ всеволодъ далъ ѥсмь“; въ той же грамотѣ есть и „ѧзъ“: „а ѩзъ далъ рукою своѥю“. Послѣдняя форма сохранялась въ русскомъ яз. довольно долго: въ грамотахъ московскихъ князей и даже въ ихъ частной перепискѣ она встрѣчается еще въ XV и XVI в., наприм., въ письмѣ вел. кн. Василія III къ женѣ: „язъ здѣсь, далъ Богъ, живъ“; грамоты московскихъ князей обычно начинаются: „Се язъ, князь великій“.

§ 31. Дат. мѣстоименія 1-го л. ед. полученъ русскимъ яз. изъ о-сл. въ видѣ *mъně, откуда литерат. и сѣв.-влкр. мнѣ. Малор. мені, бѣлор. и ю.-великор. мине́ (= менѣ) восходятъ къ о-р. діалектич. менѣ, а эта форма, вѣроятно, является новообразованіемъ о-р. эпохи (ср. аналогичныя новообразованія въ сербск.: мени, и словинск.: meni).

§ 32. Формы дат-мѣстн. мѣстоим. 2-го л. ед. и возвр. получены русскимъ яз. изъ о-сл. наравнѣ съ польскимъ, кашубскимъ и чешскимъ съ гласною *о*: *tobě, *sobě, а въ остальные славянскіе языки перешли формы съ гласною *е*: *tebě, *sebě; возможно, что эти послѣднія были тоже получены русскимъ языкомъ. Въ русскихъ письменныхъ памятникахъ формы тобѣ, собѣ довольно часты уже съ XI в. какъ въ южныхъ, такъ и въ сѣ-

верныхъ; встрѣчающіяся тамъ формы тебѣ, себѣ (въ древнѣйшій періодъ исключительно въ памятникахъ церковнаго письма[1]) могутъ разсматриваться, какъ церковнословянскія, на что указываетъ нерѣдкое правописаніе ихъ съ *е* вмѣсто *ѣ*: тебе, себе (наприм., въ Арханг. Еванг. 1092 г., гдѣ тобѣ, собѣ постоянно пишется правильно: не послоужихомъ тебе 86, рекоша ко себе 86 об., глю тебе 95 и др.). Въ нынѣшнемъ млр. только тобі, собі; въ бѣлор. табѣ, сабѣ, гдѣ *а* изъ *о*; въ великор. рядомъ съ тобѣ, собѣ довольно обычны и формы тебѣ, себѣ; въ литературномъ—только послѣднія: возможно, что онѣ—книжнаго происхожденія.

Мѣстоименное склоненіе въ о-сл.

§ 33. По мѣстоимённому склоненію измѣнялись въ о-сл.: 1) указательныя мѣстоименія: *tъ, *iь. *sь, *onъ и др., 2) вопросительныя: *kъ-to, *čь или *čь-to (to здѣсь—неизмѣняемая частица) и сложныя съ ними; 3) притяжательныя: *moiь, *tvoiь, *svoiь, *našь *vašь, *čьiь; 4) *vьśь, *vьśakъ, *samъ, *mъnogъ, *tjudjь (ст.-сл. штоуждь, р. чужь) и др., 5) числительныя: *edinъ или *inъ, *dъva, *oba и пр. Мѣстоименія *kъ-to, и *čь (čь-to) не имѣли формъ согласованія въ родѣ и формъ числа; остальныя мѣстоименія имѣли падежныя формы трёхъ чиселъ и формы согласованія въ родѣ. По образованію падежныхъ формъ различались: *а)* склоненіе мѣстоименій съ основой на твёрдые неслоговые звуки, *б)* склоненіе съ основой на мягкіе (i̯, č, š, dj), а также мѣстоим. *sь (гдѣ s не было мягкимъ), и *в)* смѣшанное склоненіе, къ которому принадлежало мѣстоименіе *vьśь.

Окончанія падежныхъ формъ а) Ед. ч. Муж. и ср. р.: им. муж. -ъ, ср. р. -о; в. = им. или род.; р. -oγo[2]); д. -omu; тв. -ѣmь; м. -omь. Сюда же относились формы мѣстоименія kъ-to: им. kъ-to, в. и р. koγó и т. д. Ж. р.: им. -а, в. -ǫ, р. -oi̯ѣ съ „ѣ носовымъ"; д.-м. -oiь; тв. -oi̯ǫ. Дв. ч.: им.-в. муж. р. -a, ж. и ср. -ѣ; р.-м. -oi̯u; д.-тв. -ѣma. Мн. ч.: им. муж. р. -i; им.-в. ж.

[1]) Хотя бы и русскаго происхожденія, какъ Житіе Феодосія Печерскаго и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ въ Успенскомъ Сборникѣ XII в.

[2]) γ—длительный (фрикативный) звонкій задненёбный звукъ.

р. -у, ср. р. -а; в. муж. р. -у; р.-м. -ѣхъ; д. -ѣтъ; тв. -ѣmi. У мѣстоименій kъ-to, vьśakъ, takъ и т. п. k- передъ -ѣ измѣнялось въ c: cѣmь и пр. б) Ед. ч.: Муж. и ср. р.: им. муж. -ь, ср. -е; в. = им. или р. ед.; р. -eγo (и -so, см. ниже); д. -emu; тв. -imь; м. -emь. Сюда же относились формы мѣстоименія čь (čь-to): им.-в. čь (čьto); д. čemu и пр.; р. кромѣ čeγo также čьso и česo. Ж. р. им. -а, -i (только *si); в. -ǫ, -ьįǫ (только *sьįǫ); р. -eįѣ съ „ѣ носовымъ"; д.-м. -eiь; тв. -eįǫ. Дв. ч.: им.-в. муж. р. -а, ж. и ср. -ѣ; р.-м. -eįu; д.-тв. -ima. Мн. ч.: им. муж. р. -i, им.-в. ж. р. -„ѣ носовое", а отъ *sь—*sьįѣ съ „ѣ носовымъ"; им.-в. ср. р. -а; в. муж. р. = им.-в. ж. р.; р.-м. -ixъ; д. -imъ; тв. -imi. в) Мѣстоименіе *vьśь образовывало по а всѣ формы, имѣвшія въ окончаніи ѣ (тв. ед. муж. и ср. р., им.-в. двойств. ж. и ср. р.; д.-тв. двойств., р.-м., д. и тв. множ. ч.), а остальныя формы—по б.

§ 34. Вин. ед. совпадалъ съ род. ед. отъ мѣстоименія kъ-to (только: koγo, какъ показываютъ всѣ словянскіе язз.), а также въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстоименіе согласовалось съ именемъ муж. р. въ формѣ род. пад. со значеніемъ вин.

§ 35. Въ род. ед. муж. и ср. р. о-сл. языкъ имѣлъ окончаніе *-oγó* или *-eγó* со звукомъ γ (фрикативнымъ), а не *g* (взрывнымъ), какъ можно заключать изъ показаній сѣв-великор. нарѣчія и кашубскаго яз. Именно, въ сѣв-великор. о-сл. *g* вообще сохранилось, какъ *г* взрывное, а въ формахъ род. ед. муж. и ср. р. мѣстоименій и прилагательныхъ является γ въ однихъ говорахъ и *в* въ другихъ, частью же согласный звукъ отсутствуетъ, и эта форма оканчивается на ō: тоγó и товó, дóброγо, дóброво и дóбрō. Звукъ *в* въ этомъ окончаніи могъ развиться въ сѣв-великор. говорахъ между округлёнными гласными[1]) послѣ выпаденія придыханія, въ которое могло перейти старое γ, сохранившееся въ другихъ сѣв.-великор. говорахъ. Ср. сохраненіе стараго *g* взрывнаго въ томъ-же положеніи: погóда, огóнь, дорогóй, другóй, ногá, стрóго и т. п. Въ кашубскомъ также о-сл. *g* (взрывное) сохра-

[1]) Ср. сохраненіе γ передъ *а*: боγатый, боγатырь, съ другой стороны, *в* въ повостъ (слово, заимствованное съ юга и потому съ γ?) и короводъ (ср. ю-влкр. курагодъ).

нилось, какъ *g*, а въ род. ед. муж. р. мѣстоименій и прилагат., какъ и въ сѣв.-великор. говорахъ, является w: nowewa, kowa, ńewa и др. Въ остальныхъ словянскихъ языкахъ, какъ и въ южновеликор. нарѣчіи, о-сл. *g* и *γ* совпали въ одномъ звукѣ: въ ст-сл., болгарскомъ, сербскомъ, польскомъ и нижнелужицкомъ—въ звукѣ *g* взрывномъ, а въ южновеликор., малор., бѣлор., чешскомъ, словацкомъ и верхнелужицкомъ—въ фрикативномъ *γ*, которое частью перешло въ придыханіе (*h*).

По мнѣнію Ф. Е. Корша и Ф. Ф. Фортунатова звукъ γ получался въ о-сл. изъ придыханія, развивавшагося передъ ударяемой гласной на мѣстѣ выпавшаго между гласными j. Другіе учёные предполагаютъ здѣсь о-сл. -go. Сѣв.-влкр. и кашубское -vo Лоренцъ и Ильинскій возводятъ къ праслованскому варіанту разсматриваемой формы, но ихъ доводы нельзя назвать убѣдительными. Болѣе вѣроятно мнѣніе тѣхъ, которые, выводя влкр. и кашубское -vo изъ о-сл. -go черезъ посредство -ho, предполагаютъ, что формы род. ед. м. р. мѣстоименій представляли нѣкогда, еще въ о-сл., особыя фонетическія условія, способствовавшія переходу g въ h.

Относительно „*ѣ* носового“ въ формахъ мѣстоимённаго склоненія см. выше, § 13.

§ 36. Форма им.-в. мѣстоименія čь безъ частицы to, предполагаемая для о-сл. яз. на основаніи ст-сл. ничьже и показаній сербск., польск., чеш. и словинск. язз., въ русскомъ яз. не сохранилась. Существованіе въ русскомъ языкѣ въ какой-либо періодъ формы род. чьсо, чесо или чесого и дат. чесому не можетъ быть доказано; правда, эти формы встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ (XI—XII в.), но исключительно церковныхъ (Остром. Еванг., Арханг. Ев.), и могутъ разсматриваться, какъ перешедшія изъ ст-сл. оригинала. О формѣ имен. ед. „чо“ см. § 69.

§ 37. Мѣстоименіе *вьсь* въ формѣ вин. ед. ж. р. могло въ общерусскомъ звучать какъ vьхǫ, откуда въ историческую эпоху —*вьху*; именно въ такомъ видѣ эта форма встрѣчается въ Духовной Варлаама Хутынскаго до 1192 года: вхоу же тоу землю хоутинськоую. Несмотря на единичность этой формы, не только въ русскихъ памятникахъ, но и во всѣхъ словянскихъ языкахъ, существованіе ея въ XI в. и, слѣдовательно, и раньше не подлежитъ сомнѣнію. Такъ какъ она не могла возникнуть въ русскомъ яз., то необходимо предположить, что она получена въ такомъ

видѣ изъ общеслов. языка. Для пониманія ея напомню, что мѣстоименіе vьŝь, vьŝa, vьŝe и т. д. получилось въ общесловянскомъ изъ болѣе старой формы vïхъ, vïха, vïхо въ ту эпоху жизни общеслов. праязыка, когда старыя задненёбныя послѣ палатальныхъ гласныхъ при какихъ-то условіяхъ смягчались и затѣмъ переходили въ свистящія: слѣдовательно, ć здѣсь такого же происхожденія, какъ и *ц* въ словахъ отецъ, лицо, дѣвица и т. п. или *з* (изъ общеслав. ѕ) въ князь, колодязь, нельзя и пр. Менѣе ясно *х* во „вхе полъ“—Новгор. 1 лѣтоп.

§ 38. Мѣстоименіе *къь или *коь уже въ о-сл. образовывало однѣ формы отъ основы koi̯-, другія по сложному склоненію прилагательныхъ (см. ниже, § 40), а именно: основа koi̯- являлась въ род., дат. и мѣстн. ед. муж. и ср. р., косвенныхъ падежахъ женск. р. и род.-мѣстн. двойств. ч., но діалектически, повидимому, могла быть и въ другихъ падежахъ; по сложному склоненію образовывались формы им.-вин. и тв. ед. муж. и ср. р., вин. ед. ж. р. (рядомъ съ формой отъ основы *koi̯-: *kǫi̯ǫ и *koi̯ǫ), им.-вин. и дат.-тв. двойств. и всѣ формы множ. ч. Впрочемъ, трудно сказать, перешли ли формы этого мѣстоименія по сложному склоненію изъ о-слов. яз. въ русскій яз.: изъ древне-русскихъ памятниковъ нецерковнаго письма онѣ мнѣ неизвѣстны. Великорусскія формы: коя (им. ед. ж. р.), коимъ, коихъ, кои (им. мн.) и т. п., засвидѣтельствованныя памятниками XIV—XV в., напр. коя—грам. (собр. Муханова) до 1417 г., кои—Двинск. грам., на коихъ—Новгор. грам. 1373 г. и т. п., можно считать какъ новообразованіями, такъ и старыми формами, восходящими къ о-сл. эпохѣ. Ср. подобныя же формы въ древнесербскомъ и даже въ ст.-сл.: коих̑ Зогр.

§ 39. Числительныя *dъva, *oba (ж. и ср. р. *dъvѣ, *obѣ) въ о-сл. имѣли двоякія формы: по мѣстоимённому склоненію: р.-м. dъvoi̯u, oboi̯u, д.-тв. dъvѣma, obѣma, и по именному: р.-м. dъvu, obu, д.-тв. dъvoma, oboma. Первыя формы перешли, между прочимъ, въ ст-сл. яз., а послѣднія—въ русскій, польскій и чешскій, хотя всѣмъ этимъ языкамъ были извѣстны и формы, образованныя по мѣстоимённому склоненію. Въ др-русскихъ памятникахъ

встрѣчаются и тѣ и другія (двою—Смол. грам. 1229 г., Русская Правда по Синод. сп. 1282 г., Новгор. грам. 1305—1308 г. и др., съ дъвѣма—Духовная Варлаама Хутын. до 1192 г., дъвоу—Успенскій Сборн. XII в., Синод. Кормчая и Русская Правда 1282 г. и пр.). Къ старой формѣ „дву“ восходитъ нынѣшнее „двухъ“; форма „двома“ сохранилась въ малор. Форма „двою“ сохранилась лишь, какъ нарѣчіе, и въ сложномъ словѣ „двоюродный“.

Сложное склоненіе прилагательныхъ.

§ 40. Сложное склоненіе прилагательныхъ членныхъ или опредѣлённыхъ образовывалось въ о-сл. черезъ присоединеніе падежныхъ формъ мѣстоименія іь къ падежнымъ формамъ именного склоненія прилагательныхъ. При сліяніи произошли нѣкоторыя измѣненія, вслѣдствіе чего падежныя окончанія въ эпоху распаденія о-сл. яз. являлись приблизительно въ такомъ видѣ: Ед. ч. муж. и ср. р.: им. муж. р. -ъіь, -ьіь (у прилаг. въ сравн. степ. также -ѣіь), ср. р. -oi̯e, -ei̯e; в. = им. или род.; р. -ai̯eɣo; д. -ui̯emu; тв. -yimь, -iimь; м. -ѣi̯emь, -ii̯emь. Ж. р.: им. -ai̯a, -ii̯a (окончаніе -ii̯a только отъ причастій и прилаг. въ сравн. степ.); в. ǫi̯ǫ; р. -yi̯*ѣ* съ „ѣ носовымъ“, -*ѣi̯ѣ* (оба *ѣ* носовыя); д.-м. -ѣiь, -iiь; тв. -oi̯ǫ, -ei̯ǫ или -ǫi̯ǫ. Дв. ч. им.-в. муж. р. -ai̯a, ж. и ср. р. -ѣi, -ii; р.-м. -ui̯u; д.-тв. -yima, -iima. Мн. ч. им. муж. р. -ii, -ei (оконч. -ei—отъ причастій и прилаг. въ сравн. степ.); им.-в. ж. р. и в. муж. р. -yi̯*ѣ* съ „ѣ носовымъ“, -*ѣi̯ѣ* (оба *ѣ* носовыхъ); им.-в. ср. р. -ai̯a; р.-м. -yixъ, -iixъ; д. -yimъ, -iimъ, тв. -yimi, -iimi. Возможно, что еще въ говорахъ о-сл. яз. произошли и дальнѣйшія измѣненія въ падежныхъ окончаніяхъ этого склоненія, именно,—выпаденіе i̯ передъ -е и стяженіе -ѣе- въ ѣ, -yi- въ y и -ie-, -ii- — въ i. На это указываетъ то обстоятельство, что стяженныя формы тв. и м. ед. муж. р., д.-тв. дв. и косв. падд. множ. числа являются во всѣхъ словянскихъ языкахъ и засвидѣтельствованы уже древнѣйшими памятниками ст.-сл. и русскаго язз. Существованіе рядомъ съ ними нестяжённыхъ формъ тѣхъ же падежей не только въ ст.-сл. памятникахъ, но и въ оригинальныхъ русскихъ памятникахъ, правда, только церковнаго

письма, какъ Житіе Феодосія Печерскаго по списку XII в., позволяетъ думать, что нѣкогда (до XII в.) въ русскомъ яз., можетъ быть, существовали и тѣ и другія формы. Что касается нынѣшнихъ сѣв.-великор. формъ въ родѣ „добрыихъ", „высокіимъ", то ихъ мудрено возводить къ о-сл. нестяжённымъ формамъ и, по всей вѣроятности, слѣдуетъ считать поздними новообразованіями подъ вліяніемъ им. мн.

§ 41. Формы сложнаго склоненія прилагательныхъ сохранялись почти безъ измѣненій въ ст.-сл. яз. (впрочемъ, окончанія *-аего, -иети -ѣетъ, -іемь* могли измѣняться въ -ааго, -оуоумоу, -ѣѣмь, -иимь). Въ зап.-словянскихъ языкахъ онѣ подверглись стяженію, ср. чешское dobrého, dobrému (на стяженіе здѣсь указываетъ между прочимъ *é*, т. е. е долгое) и пр. Что касается русскаго яз., то нѣкоторыя формы членныхъ прилагательныхъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка встрѣчаются съ окончаніями мѣстоимённаго склоненія, присоединёнными прямо къ основѣ, и въ такомъ же видѣ извѣстны и нынѣшнему русскому языку на всёмъ его пространствѣ или въ большинствѣ говоровъ. Въ виду того, что подобныя формы существуютъ издавна въ сербскомъ и, отчасти, въ словинскомъ и верхнелужицкомъ язз., можно думать, что онѣ возникали еще въ говорахъ о-сл. яз. Эти формы:

1) род. ед. муж. и ср. р. на *-ого, -его* (т. е. -ого, -его); древнѣйшіе примѣры—въ Смоленской грамотѣ 1229 года: дѣтьского, лучьшего и т. п. Въ болѣе древнихъ русскихъ памятникахъ нецерковнаго письма род. ед. муж. р. прилагательныхъ вовсе не встрѣчается, а въ церковныхъ памятникахъ обычны формы съ окончаніемъ -ааго или -аго; эти окончанія довольно строго выдерживаются и въ позднѣйшихъ церковныхъ памятникахъ даже русскаго происхожденія: такъ, наприм., въ Житіи Феодосія Печ. по списку XII в. нѣтъ ни одного примѣра на -ого; формы на -ааго, -аго обычны и въ лѣтописяхъ (наприм., въ Лавр., 1-й Новгор. по Синод. списку, Ипат. и др.) при болѣе рѣдкихъ формахъ на -ого, -его и даже въ Русской Правдѣ по списку въ Синод. Кормчей 1282 г.: свободьнааго 621, желѣзнаго, ветхаго

625 об., на конечнаго, до третьяго 618 и др. рядомъ съ русскими формами на -ого, -его. Но въ грамотахъ формы на -ааго, -аго почти не встрѣчаются; трудно сказать, были ли онѣ извѣстны и живому языку; въ лѣтописяхъ и Русской Правдѣ онѣ могли бы объясняться вліяніемъ церковной орфографіи. Въ нынѣшнихъ русскихъ язз.—только -*ого*, -*его* съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями. Литературное правописаніе -аго объясняется традиціями церковнаго письма.

2) дат. ед. муж. и ср. р. на -*ому*, -*ему*; эта форма съ такимъ окончаніемъ встрѣчается уже въ церковныхъ памятникахъ XI в., напр., въ Изборникахъ 1073 (вышьнемоу, пьркомоу и др.) и 1076 г., Минеяхъ 1096 г. и т. д. рядомъ съ церковно-славянской формой на -оумоу, -оуоумоу. Въ лѣтописяхъ, Русской Правдѣ, грамотахъ и другихъ памятникахъ нецерковнаго письма за немногими исключеніями, которыя можно считать описками,—только -ому, -ему (Смоленская грамота 1229 г.: дѣтьскому, горячему и т. п.); въ нын. русск. язз.—только эта форма.

3) мѣстн. ед. муж. и ср. р. на -*омь*, -*емь*; древнѣйшіе примѣры въ той-же грам. 1229 г.: на готскомь березѣ; ср. нын. влкр. -*ом*: добром, злом, меньшом, млр. украинск. -*ім*: біднім, угорск. -*ум*: біднум, гдѣ *і* и *у* изъ о-р. ô. Въ др.-р. церковныхъ памятникахъ исключительно -ѣюмь, -ѣмь по-старословянски, но та же форма встрѣчается и въ памятникахъ нецерковнаго письма, наприм., въ Русской Правдѣ 1282 г.: въ тиунѣ... ратаинѣмь, о мѣсяцьнѣмь рѣзѣ, а въ лѣтописяхъ въ такихъ оборотахъ, какъ: на дворѣ теремьстѣмь, велицѣмь князи рустѣмь (Лавр.), въ Неревьскемь конци, на Новѣмь търгу (Новгор.), что, можетъ быть, указываетъ на существованіе и этой формы въ др.-русскомъ живомъ яз. Въ грамотахъ—исключительно формы на -омь, -емь.

4) род. ед. ж. р. на -*оѣ*, -*еѣ* (гдѣ *ѣ* изъ „ѣ носового"); древнѣйшіе примѣры—въ Арханг. Еванг. стоѣ мчнцѣ 169, явльшеѥся звѣзды 145, и въ Житіи Бориса и Глѣба въ Успенскомъ Сборн. XII в.: пагоубьноѣ, ветхоѣ, деревяноѣ. Къ этой формѣ восходитъ малор. род. на -*ої*, -*еї* (ї изъ *ѣ*): старої; великор. род. на -*ой*—новообразованіе. Форма на -*ыѣ*, -*иѣ* (-*иѣ* послѣ старыхъ

мягкихъ—нефонетически вмѣсто *-ѣъ*) встрѣчается между прочимъ въ московскихъ юридическихъ памятникахъ XIV—XVII в. (Скирменовъскиe слободки—Духовная Димитрія Донского, переяславскіе соли—грам. 1432 г., торговые цѣны—Уложеніе 1649 г.) и сохранилась въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор. говорахъ Архангельской и Олонецкой губ.: молодые, горькіе, кирписьніе и т. п.

5) дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *-ой, -ей*; примѣры—въ Смоленской грам. 1229 г. и позднѣе; въ нын. великор. *-ой*: молодой и пр., малор. украинск. *-і* или *-ій*: молодій, добрі, гдѣ *-і* изъ ô, ср. угорск. добруй, синюй. Въ церковныхъ памятникахъ -ѣи по старословянски, но та-же форма встрѣчается и въ Русской Правдѣ 1282 г. (о задници боярьстѣи) и въ Новгор. лѣтописяхъ (на Рогатеи улици и т. п.).

6) род.-мѣстн. двойств. на *-ою, -ею*; примѣры въ памятникахъ XI в.: Арханг. Еванг.: стою мчнкоу 133 об., Минея 1096 г. из мрачьною адокьною бокоу 139, и др.

Болѣе полный обзоръ формъ о-сл. языка съ замѣчаніями объ ихъ происхожденіи см. въ книгѣ проф. Ст. М. Кульбакина: Древне-церковно-словянскій языкъ. II. Морфологія, Харьковъ. 1912. Очень полезна работа проф. Б. М. Ляпунова: Формы склоненія въ старословянскомъ языкѣ. 1. Склоненіе именъ, Од. 1905. Для знакомыхъ съ чешскимъ языкомъ можно указать также: Hujer, Slovanská deklinace jmenná, 1910.

---

2. Общерусскія измѣненія формъ склоненія.

§ 42. Здѣсь я разсмотрю какъ тѣ измѣненія формъ склоненія, которыя произошли еще въ о-р. эпоху, такъ и тѣ, которыя возникли позднѣе, но тѣмъ не менѣе являются общерусскими, т. е. произошли во всѣхъ русскихъ языкахъ.

§ 43. *Судьба формъ двойственнаго числа.* Двойств. число въ формахъ склоненія, какъ и въ формахъ спряженія, утрачено всѣми русскими языками; старыя формы двойств. ч. замѣнились формами множ. ч., а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сохранились, совпали по значенію съ формами множ. ч. или получили другое значеніе. Начало этой утраты относится, несомнѣнно, къ о-р. эпохѣ, но завершился этотъ процессъ позднѣе, уже послѣ распаденія о-р. языка. Въ письменныхъ памятникахъ случаи замѣны формъ двойств.

ч. формами множ. ч. попадаются уже въ XIII в.: въ Житіи Нифонта 1219 г.: помози рабомъ своимъ Ивану и Олексію написавшема..., Смол. грам. 1229 г.: та два была... юхали, и т. п., но еще въ Лавр. лѣтописи формы двойств. ч. употребляются по большей части правильно, какъ и въ Новгородскихъ грамотахъ XIV в. и даже, частью, позднѣе, что, можетъ быть, объясняется письменной традиціей. Повидимому, формы двойств. ч. раньше подвергались утратѣ не при числительныхъ „два" и „оба", при которыхъ нѣкоторыя старыя формы двойств. числа сохранились до сихъ поръ; кромѣ того, дольше другихъ могли держаться формы двойств. ч. отъ названій парныхъ предметовъ, которыя раньше употреблялись преимущественно въ двойств. ч. Сохранившіеся въ нынѣшнемъ русскомъ остатки старыхъ формъ двойств. ч. принадлежатъ именно къ этимъ двумъ категоріямъ, это 1 а) великор. два ра́за, два ряда́, два шага́, гдѣ сохранилось старое удареніе имен. двойств., и формы род. ед. имёнъ муж. р. при имен. пад. числительныхъ два и оба, отличающіяся, по бо́льшей части, отъ старыхъ формъ имен. двойств. удареніемъ: два го́рода, во́за и пр.; послѣднія формы явились потому, что при утратѣ категоріи двойств. числа формы имен. двойств. были отожествлены съ род. ед.; б) малор. дві корові, дві книжці, дві відрі и т. п., бѣлор. дзвѣ руцѣ, дзвѣ сялѣ и т. п.; 2) великор. рукава́, берега́, глаза́ и т. п., уши, двумя́ (вмѣсто двома) и т. п., малор. рука́ва, ву́са, повода́, очи, вуши, очима, плечима, двома́, бѣлор. ачу́, вушу́, ачыма, ушыма, плячыма, дзвярыма. Всѣ эти формы давно уже перестали сознаваться, какъ формы двойств. ч.: великор. формы на *-а* при числит. „два" были приняты за род. ед., а остальныя формы получили значеніе множ. (съ малор. дві корові, бѣлор. дзвѣ руцѣ ср. малор. два воли́, бѣлор. два браты́ и т. п.), вслѣдствіе чего возникли новообразованія: формы, являвшіяся сначала при числительномъ 2, во всѣхъ русскихъ яззыкахъ стали употребляться и съ числительными 3 и 4: великор. три ряда́, четыре шага́, и т. д., малор. три корові, чотири селі и т. п.; по аналогіи со старыми берега́, глаза́ явились въ великор. имен. множ. на -а́: города́ и пр.; при твор. великор. двумя́, малор. двома́, бѣлор. двама́ явились твор. великор. тремя́,

четырьмя́, малор. трома́, чотирма́, пятьма́ и пр., бѣлор. трима́, четырма́; наконецъ, въ нѣкоторыхъ великор. говорахъ получили распространенiе твор. множ. прилагательныхъ на -*ма*: добрыма, большима и пр.

§ 44. *Судьба именного склоненiя прилагательныхъ и причастiй.* Прилагательныя, кромѣ притяжательныхъ, и причастiя въ русскомъ яз. по большей части утратили формы косвенныхъ падежей по именному склоненiю вслѣдствiе того, что въ качествѣ опредѣленiя стали употребляться членныя формы прилагательныхъ, а безчленныя, такимъ образомъ, должны были сохраниться лишь при сказуемомъ, между прочимъ въ составѣ сложнаго сказуемаго, гдѣ такiя прилагательныя являлись въ формѣ имен. пад.: онъ красивъ, она добра, мы вамъ рады (или „ради") и т. п. Въ русскихъ памятникахъ XII—XIII в. именныя формы косвенныхъ падежей прилагательныхъ очень рѣдки: Мстисл. грам. 1130 г.: дьржа роусьскоу землю, блюдо серебрьно; Смол. грам. 1229 г.: умна мужа, инъму добру человѣку; въ „дають ему двину свободну" слово „свободну"—второй вин. при сказуемомъ; членныя формы въ той же грамотѣ гораздо чаще; Новгор. грам. 1265 г. № 1: от хмелна короба. Въ лѣтописяхъ XIV в. безчленныя формы косв. падд. прилагательныхъ нерѣдки, хотя значительно рѣже, чѣмъ членныя, и, вѣроятно, восходятъ къ оригиналамъ XII в. или объясняются традицiями литературнаго языка.

Въ нынѣшнихъ русскихъ яззз., и бѣлор. и малор. и великор. именныя формы косвенныхъ падежей прилагательныхъ сохранились лишь въ нарѣчiяхъ: по-малу, по-многу, вдалекѣ и т. п., а также и въ качествѣ опредѣленiй-эпитетовъ въ языкѣ пѣсенъ: очевидно, языкъ пѣсенъ или самые эпитеты, въ которыхъ сохраняются именныя формы, вырабатывались въ то время, когда эти формы были въ языкѣ вполнѣ употребительны наряду съ членными: садился на добра коня, выпилъ чару зелена вина, прижалъ къ ретиву сердцу и т. д.; такiя формы въ пѣсняхъ извѣстны какъ великор., такъ и малор. и бѣлор. языку. Съ утратой именныхъ формъ прилагательныхъ въ значенiи опредѣленiй, членныя формы стали употребляться и въ составномъ сказуемомъ: наряду со ста-

рыми: онъ бѣденъ, онъ былъ молодъ, въ всёмъ русскомъ яз. стали возможны обороты: онъ бѣдный, онъ былъ молодой, но въ влкр. они не получили дальнѣйшаго развитія, а въ малор. и бѣлор. почти вытѣснили старые обороты съ членными (именными) формами прилагательныхъ.

Повидимому, не всѣ формы именного склоненія прилагательныхъ были утрачены русскимъ языкомъ одновременно, а именно, формы тв. ед. муж. и ср. р., д.-м. и тв. ед. ж. р. и косвенныхъ падежей множ. ч. были утрачены раньше и притомъ всѣми прилагательными, въ томъ числѣ и притяжательными. Поэтому отъ прилагательныхъ притяжательныхъ на -овъ, -инъ въ этихъ падежахъ употребляются формы только по сложному склоненію уже въ грамотахъ XIII—XIV в., ср. въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ около 1300 г.: у розбоиникове клети, у розбоиникову клеть, но: со розбоиниковымъ товаромъ. Отъ остальныхъ прилагательныхъ даже въ языкѣ пѣсенъ въ этихъ падежахъ являются тоже только формы по сложному склоненію. Форма р. ед. ж. р. прилагательныхъ по именному склоненію сохраняется еще въ языкѣ пѣсенъ: „у молоды жены“ и пр., но утрачена прилагательными на -овъ и -инъ, образующими этотъ падежъ по сложному склоненію. Въ остальныхъ падежахъ формы по именному склоненію сохраняются только въ языкѣ пѣсенъ и у прилагательныхъ притяжательныхъ (отъ которыхъ формы этихъ падежей по сложному склоненію не употребительны), а въ остальныхъ случаяхъ утрачены.

Какъ мы видимъ, именныя формы косвенныхъ падежей прилагательныхъ утрачены были не сразу и, выходя изъ употребленія, замѣнялись членными формами прилагательныхъ. Нѣсколько иную судьбу имѣли такія же формы причастій и прилагательныхъ въ сравнит. степени. Въ тѣхъ случаяхъ, когда причастіе должно было стоять въ косвенномъ пад., мы уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нерѣдко находимъ форму имен. ед. женск. р. или имен. множ.: Изборн. 1073 г. повелѣ мнѣ прѣмѣноу сътворити рѣчи инако навъдаште тождьство разоумъ запись; Житіе Феодосія Печ.: ономоу съповѣдающи ми 33, повелѣ ѥдиномоу ѿ братии... несъше въсъпати 52; Пантелеим. Еванг.: ꙗко самомоу вълѣзъше въ корабль сѣдѣти 67 об.; Синайскій

Патерикъ XII в.: видѣхомъ постьника сльзы изликающи 28 об.; Смол. грам. 1230 г.: правити ему поемъши; Русская Правда 1282 г.: урочи городнику закладаюче и т. п. Очевидно, въ живомъ языкѣ сохранялись въ это время только формы имен. пад. безчленныхъ причастій, и постановка ихъ въ косвенномъ падежѣ (чаще всего—въ книжной формѣ дат. самостоят.) представляла для писца трудности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда причастіе въ безчленной формѣ должно было стоять въ имен. пад., оно въ памятникахъ XI—XIII в. обыкновенно правильно согласовалось въ родѣ и числѣ съ тѣмъ именемъ, къ которому относилось [1]); исключенія, въ родѣ: помоливъши ся епископъ 74, исправя чтѣте (запись) въ Житіи Нифонта 1219 г., жены кланяются тако молвя—Новгор. Кормчая 1282 г., л. 520,—единичны. Но въ памятникахъ XIV в. чаще начинаютъ попадаться случаи несогласованія причастій съ именемъ и въ родѣ и числѣ: Еванг. 1354 г.: Іс҃ъ отшедши скрыся 157 об.; Лавр. лѣтоп.; забывъ молвяхуть (подъ 1177 г.) и др.; южнор. грамота 1387 г.: хто... слышить чтучи и т. д. А это смѣшеніе указываетъ, что причастія въ живомъ языкѣ уже утратили или стали утрачивать кромѣ формъ косвенныхъ падежей, уже утраченныхъ раньше, также и формы рода и числа, т. е. такимъ образомъ превратились или были на пути къ превращенію въ отглагольныя нарѣчія уже въ XIV в., какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Руси. Нынѣшнія отглагольныя нарѣчія, получившіяся изъ причастій, или такъ назыв. „дѣепричастія", какъ мы видимъ, восходятъ къ старымъ формамъ имен. пад., именно а) великор. дѣепричастія на *-а, -въ*: любя, сидя, неся, лёжа, писавъ, ходивъ, сидѣвъ и пр.—къ старому имен. ед. муж. р., а б) великор., малор. и бѣлор. дѣепричастія на *-чи, -ши* или *-че, -ше*: великор. идучи, знаючи, сидючи, знавши, бывши, лёгши, принёсши, пришочши и пр., малор. знаючи, мислячи, бравши и пр.—къ имен. ед. женск. р. или имен. множ. ч. муж. и женск. р.

§ 45. *Употребленіе формы род. пад. вмѣсто вин.* Объ употребленіи род. ед. вмѣсто вин. ед. отъ именъ одушевлён-

[1]) Впрочемъ, родъ правильно различался лишь въ единств. числѣ, а во множ. употреблялась одна форма на -е (-че, -ше), по происхожденію,—муж. р.

ныхъ предметовъ муж. р. и мѣстоименій, когда они обозначаютъ живыя существа или относятся къ именамъ, стоящимъ въ формѣ род. вмѣсто вин., см. § 11. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ встрѣчается это употребленіе наряду со старымъ употребленіемъ формы вин. пад., совпадающей съ имен., причёмъ въ памятникахъ нецерковнаго письма уже въ XII и XIII в. формы вин. = имен. очень рѣдки: такъ, въ Смол. грам. 1229 г. только: за лихии мужь; въ остальныхъ многочисленныхъ случаяхъ форма вин. ед. совпадаетъ съ род.: своего лучьшего попа, умьна мужа, имьть татя, его и пр. Въ другихъ грамотахъ и особенно въ Русской Правдѣ по списку 1282 г. формы вин. ед. = имен. чаще: убьють и, за боранъ 619, за холопъ 626 об., порежеть конь 625, переиметь чюжь холопъ 626 об. и т. п., но въ общемъ немногочисленны. Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ эти формы попадаются и въ грамотахъ XIV в.: за одинъ—Духовн. Семёна Гордаго и Димитрія Донского и т. п., а въ лѣтописяхъ по спискамъ XIV и XV в. онѣ нерѣдки, наприм., въ Лавр. лѣтописи даже въ части послѣ 1110 г.: посла Володимеръ сынъ свой Романа,... сынъ свой другый Андрѣя (подъ 1119 г.) и т. п., хотя формы вин. ед. = род. ед. чаще.

Въ общерусскую эпоху формы род. множ. стали также употребляться въ значеніи вин. множ. отъ всѣхъ названій лицъ, а діалектически, быть можетъ, и отъ названій вообще живыхъ существъ, безъ различія рода. Правда, въ памятникахъ до XV в. такое употребленіе очень рѣдко и притомъ, кромѣ единичнаго „мьтати жеребѣи кого напьрьдъ вѣсти... аже будуть людие из ыное земль *тѣхъ* посль вѣсти“ въ Смол. грам. 1229 г., всѣ остальные примѣры, извѣстные мнѣ, только въ великор. памятникахъ: а холопы и дольжникы и поручникы... *тѣхъ* выдаваю—Новг. грам. 1294—1301 г.; отпусти *ихъ* прочь—Новг. грам. 1304 и 1305—1308 г. и др.; Лавр. лѣтоп.: созва бояръ и кыянъ (подъ 1097 г.) и т. п. Но съ XV в. такое употребленіе становится обычнымъ, хотя въ то-же время продолжаютъ сохраняться и старыя формы вин. множ., встрѣчающіяся въ памятникахъ нецерковнаго письма еще въ XVI и даже въ XVII в. Теперь

какъ въ великор., такъ и въ бѣлор. и малор., форма вин. множ. отъ названій лицъ почти всегда совпадаетъ съ формою род. пад., за исключеніемъ немногихъ архаичныхъ случаевъ употребленія старой формы вин. множ. = имен. множ. (такіе случаи извѣстны преимущественно въ малор. и бѣлор.). Форма же вин. множ. отъ названій живыхъ существъ не лицъ совпадаетъ съ формою род. только въ великор. и нѣкоторыхъ восточно-украинскихъ малор. говорахъ, ср. великор.: онъ купилъ лошадей, коровъ, погналъ быковъ, зарѣжь пѣтуховъ и пр., малор.: купив коні, корови, погнавъ воли, бѣлор.: гани валы, падой каровы и т. д. Отъ мѣстоименій и прилагательныхъ форма род. пад. получила значеніе вин., если они относятся къ словамъ, имѣющимъ подобную же форму.

Старыя формы им.-в. ед. муж. и ср. р. мѣстоименія іь, je были русскимъ яз. утрачены, причемъ форма вин. ед. была замѣнена формой род. ед. jeго независимо отъ того, обозначался ли этимъ мѣстоименіемъ одушевлённый предметъ или нѣтъ. Ср. въ Смоленской грам. 1230 г.: понесеть его (= товаръ) домовь; Еванг. 1357 г.: Господь его (= жребя) требуеть 88; Чуд. Новый Завѣтъ 1383 г.: вы отрѣваете его (= слово Божье) 68 и др.

Такимъ же образомъ старыя формы вин. множ. всѣхъ родовъ того-же мѣстоименія были замѣнены въ р. яз. формой род. мн. jіхъ.

Форма вин. ед. ж. р. того же мѣстоименія jи тоже стала замѣняться во всёмъ р. яз. формой род. ед.; ср. въ нынѣшнихъ русскихъ язз. вин. ед. этого мѣстоименія: великор. еѣ или её, бѣлор. яѣ, малор. її, еї, неї, (ї—изъ ѣ), хотя діалектически сохраняется и старое „ю“ въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ и въ малор.; въ послѣднемъ старая форма даже болѣе употребительна. Въ памятникахъ еѣ въ значеніи вин. засвидѣтельствована, кажется, только съ XIV в.: Сборникъ XIV в. Румянц. Музея № 1548: бивъ ея 80; Двинскія грам. XV в.: вы выкупите ее № 7; Моск. грам. XV в. собр. Бѣляева № 16: что ѣе пашут; Вил. списокъ Литовск. лѣтоп. пошлеть ее; зап.-р. Сборникъ XV в. (Познанскій) ее малюють и т. п.

§ 46. *Совпаденіе формъ им. и вин. множ.* Въ о-сл. эти формы различались только въ муж. р., причемъ форма вин. множ. именъ и мѣстоименій муж. р. совпадала съ формою им.-вин. множ. женск. р. Въ русскомъ яз. по аналогіи со словами ж. р. форма вин. множ. именъ и мѣстоименій муж. р. стала употребляться въ значеніи имен. множ. и мало-по-малу почти вытѣснила старыя формы имен. множ. Въ памятникахъ случаи употребленія формъ вин. мн. вмѣсто имен. мн. встрѣчаются уже въ XI в.: Арх. Ев.: старьци людьскыи 98 об.; но до XIII в. такіе случаи очень рѣдки; съ XIII в. они чаще, первое время преимущественно въ сѣв.-русскихъ памятникахъ: Ростовское Ж. Нифонта 1219 г.: неислѣдованыя неизмѣрныя чины раставлени быша 113; 1-я Новгор. лѣтопись: вьрхы огорѣша и притворы (подъ 1217 г.), ядяху люди сосновую кору 81 б, и т. п., Новгор. грам. 1270 г. № 3: приѥхаша послы; Лавр. лѣтоп.: а сторожѣ изъимани, безбожныѣ же сынове измаилови и т. п. На то же употребленіе, вѣроятно, указываютъ и такія написанія, какъ вин. мн.: идѣмъ въ ближняя вьси и град*и* въ Милят. Ев. 1215 г. и т. п.; можно думать, что это—искусственно образованныя формы вслѣдствіе неумѣнія отличить вин. мн. отъ имен. Въ нынѣшнихъ русскихъ языкахъ окончанія имен. или имен.-вин. множ. обычно восходятъ къ о-сл. окончаніямъ вин. множ.: *великор.*: сады, морозы, старики, пороги, грѣхи (-ки, -ги, -хи,—изъ -кы, -гы, -хы фонетически), гвозди, голуби, пути, люди, бѣдные (-ые—изъ -ыѣ), всѣ и т. д.; *малор.*: козаки, кожухи (не „ци“ или „си“!), коні, горобці, всї (і или ї—изъ ѣ) и т. д.; бѣлор. гарады, дамы, жанцэ, касцэ, людзи и пр. Малор. им.-вин. множ. коти, лїси, городи и пр. тоже восходятъ къ старымъ вин. множ., какъ это видно изъ карпатско-угорскихъ говоровъ, гдѣ *ы* и *и* старыя не совпали: коты, лїсы, городы.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ старыя формы им. множ. продолжали сохраняться и уцѣлѣли до сихъ поръ. Таковы во всѣхъ русскихъ язз. имен. множ. на *-ане*: великор. горожане, крестьяне, млр. міщане и пр.; діалектически въ великор. и здѣсь являются формы на *-ны*: хресьяны, поѣзжаны и пр. Кромѣ того,

къ старымъ формамъ имен. множ. въ великор. восходятъ имен. множ. отъ нѣкоторыхъ имёнъ лицъ на *-е*: бояре, баре (діалектич. *бояря*, *баря*, гдѣ „я" фонетически изъ *е*), также, быть можетъ,—зятья, сыновья, кумовья, сѣв.-великор. былинныя татаровья, уланова; имен. множ. на *-и*: черти, сосѣди, бубни, хрести (въ картахъ); имен. множ. мѣстоименій: они, мои, твои, свои и т. п. (при діалектическихъ: оны, моѣ и т. п.) и, наконецъ, нѣкоторыя формы имен. множ., употребляющіяся исключительно, какъ сказуемыя: сыти, ради, діалектич. пьяни, голодни, богати и т. п.; сюда же относятся и формы множ. ч. прош. врем.: были, ходили, читали и т. д. Что касается имен. множ. кони, ножи, лучи, цари и т. п., то здѣсь могла быть аналогія со стороны такихъ имен. множ., какъ гуси, гости, звѣри, огни и пр. Въ малор. къ старымъ формамъ имен. множ. восходятъ, кромѣ имёнъ на -ане, также, быть можетъ, такія слова, какъ „люде", и діалектическія формы на -„ове", если онѣ не заимствованы съ польскаго или словацкаго: сусїдове, склепарьове и т. п.

§ 47. *Судьба формъ склоненія именъ на -ъ съ род. ед. на -и.* Начало взаимнаго вліянія склоненій имёнъ на *-ъ* съ род. ед. на *-а* и на *-и* относится еще къ о-сл. эпохѣ. Въ р. яз. послѣднее, какъ особая категорія, совсѣмъ утрачено, но нѣкоторыя окончанія этого склоненія распространились на имена, принадлежавшія раньше къ другому склоненію: а) род. ед. на *-у*, б) мѣстн. ед. на *-у* и в) род. мн. на *-овъ*. Первая изъ этихъ формъ стала употребляться отъ имёнъ собирательныхъ и вещественныхъ, преимущественно въ значеніи т. наз. род. раздѣлительнаго, а частью и отъ другихъ имёнъ, не обозначающихъ одушевлённые предметы (наприм., отъ названій мѣста и отвлечённыхъ понятій)[1]. Примѣры такого употребленія въ памятникахъ—съ XI—XII вв., ср. от

[1]) Распространеніе этой формы не на названія одушевлённыхъ предметовъ акад. А. А. Шахматовъ въ своёмъ Курсѣ объясняетъ тѣмъ, что отъ имёнъ одушевлённыхъ предметовъ употреблялся вин. ед. на *-а* (см. выше § 16), а подъ вліяніемъ вин. ед.—и род. ед. только на *-а*; имена же неодушевлённыхъ предметовъ, имѣвшіе въ род. ед. -и, сохранили это окончаніе; такимъ образомъ, возникло различіе между тѣми и другими въ формѣ род. ед., а это вызвало распространеніе формы род. ед. на -и и на другія имена неодушевлённыхъ предметовъ муж. р.

льноу Изборникъ 1073 г., ѿ бою Ж. Феодосія Печ. XII в. 47 об, вѣску Смол. грам. 1229, отъ лну Новгор. грам. 1265 г., солоду, гороху Р. Пр. 1282 г., пълку Лавр. лѣтоп. и др. Въ нынѣшнемъ *великор.*: народу, нашего полку прибыло, блюдо киселю, товару, хмелю, ячменю, съ возу, съ краю и пр.; *бѣлор.*: кисялю, пяску, торгу и пр.; *малор.*: роду, піску, бобу, року, розуму, чаю, звичаю и т. п.

Мѣстн. ед. на *-у* распространился главнымъ образомъ на имена неодушевлённыхъ предметовъ съ односложной (преимущественно непроизводной) основой съ подвижнымъ удареніемъ, а также на имена съ основою на задненёбную согласную; впрочемъ, съ теченіемъ времени въ нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчіяхъ, условія, при которыхъ является мѣстный ед. на *-у*, нѣсколько измѣнились, но эти измѣненія—не общерусскія. Ср. въ памятникахъ съ XIII в.: въ миру грам. 1229 г. (старая основа на -й?); на Торожку Новгор. грам. 1265 г.; въ гною Паримейникъ 1271 г. 186 об., на търгу Р. Пр. 1282 г., на снѣгу Пандекты 1296 г. и т. д. Въ нын. *великор.* въ полку́, въ роду́, на міру́, въ дому́, на возу́, на берегу́, на краю, на корню и т. п. (исключительно съ предлогами „въ“ и „на“; впрочемъ, также: при полку́); *ю.-великор.* на чердаку́, на большаку́, на ры́нку, на дѣви́шнику, въ садо́чку и пр.; *бѣлор.*: на коню́, на Дуна́ю, на ко́нику, у чорным шоўку, у Луцку и пр.; *малор.* в снігу́, в саду́, на краю, в куреню, чаю, у садочку, в барвіночку, на хло́пчику и пр.

Формы родит. множ. на *-овъ* отъ именъ муж. р. получили преобладаніе передъ формами на -ъ, -ь, и почти вытѣснили эти послѣднія. Въ памятникахъ церковнаго письма, наприм., въ Житіяхъ Феодосія Печерскаго и Бориса и Глѣба по спискамъ XII в. [1]) формы на *-овъ* еще рѣдки: Житіе Феод.: грѣховъ, 29 об, 67, пълковъ 38, бѣсовъ 38, ѿ манастыревъ 32 и нѣкот. др. при болѣе частыхъ формахъ на -ъ, -ь. Старыя формы чаще, чѣмъ формы на *-овъ*, *-евъ*, и въ Лавр. лѣтоп. (изъ формъ на *-овъ* отмѣт.

[1]) Формы на -овъ, -евъ, въ древнѣйшихъ спискахъ евангелій и т. п., какъ грѣховъ, врачевъ въ Остром. и Арханг. Еванг., могли перейти изъ ст.-сл. оригиналовъ, ср. тѣ-же и др. формы въ Зогр., Мар., Супр. и др.

между пр., городовъ, дневъ, сторожовъ — подъ 1096 г.), значительная часть которой восходитъ къ оригиналамъ XII и XIII в. Но въ памятникахъ дѣлового письма съ XIII в. формы на *-овъ* преобладаютъ: Смол. грам. около 1230 г.: розбоиниковъ (2) и: своихъ немѣчь; Риж. грам. около 1300 г.: ратмановъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, отчовъ; Р. Правда: хлѣбовъ 625 об., оуборoковъ 625 об., послуховъ и др., но также: локотъ 625 об., колико будеть возъ украдено 625. Въ Новгор. грамотахъ XIII и XIV в. старая форма род. только дѣдъ — грам. 1265 и др., но повозовъ — грам. 1265 г. № 1, закладниковъ — грам. 1265 г. № 2 и т. д., а также: купцевъ 1265 и др., новгородцевъ 1265 и др., закладневъ 1305 г. и др. рядомъ съ купьць 1305 и др. Ср. въ нын. *великор.* лѣсовъ, городовъ, купцовъ, краёвъ, обычаевъ и пр.; діалектич. рублёвъ, ножовъ, товарищевъ, пріятелевъ; *малор.* украинск. козаків, батьків, городів, хлопців, країв, дурнів, князів, сторожів и пр.

Старыя формы род. мн. безъ окончанія, восходящія къ о-р. формамъ на *-ъ*, *-ь*, сохранились теперь повсюду лишь отъ именъ съ основой на *-ан-*, *-ар-*, имѣющихъ въ ед. ч. суффиксъ *-ин-*: *великор.* мѣщанъ, горожанъ, бояръ, татаръ и пр.; *малор.* міщан, варошан и т. п.; кромѣ того, въ *малор.* сохранились такія формы отъ нѣкоторыхъ именъ при числительныхъ: п'ять (шість, сім и пр.) раз, рік (= лѣтъ), віз, чобіт, чоловік, ворог и пр.; то-же въ *бѣлор.*; въ *великор.* слѣды такого же употребленія мы видимъ въ род. мн.: разъ (пять разъ, сколько разъ и пр.), человѣкъ, аршинъ, но род. мн. глазъ, волосъ, сапогъ, чулокъ, солдатъ употребляются и безъ числительныхъ; ср. также діалектич. безъ зубъ, безъ рогъ.

Формы дат. ед. на *-ови* также въ о-р. распространились на основы, принадлежавшія раньше къ другимъ склоненіямъ, причемъ основы на мягкія получили окончаніе *-еви*. Судя по тому, что въ сѣв.-русскихъ памятникахъ XII—XIV в.в. формы на *-ови*, *-еви* встрѣчаются только отъ именъ лицъ, а въ ю-русскихъ, гдѣ онѣ, вообще, чаще, преимущественно отъ именъ лицъ и одушевлённыхъ предметовъ, можно думать, что первоначально окончаніе *-ови* (*-еви*) распространилось только на имена лицъ (и вообще одушевлённыхъ предметовъ?). Примѣры въ памятникахъ—съ XII в.:

Мстислав. грам. 1130 г.: геωргиеви; Смол. грам. 1240 г.: мастерови; Новг. грам. 1265 г. № 1: Иванкови; Смол. грам. 1284 г. гостеви и т. д. (другіе примѣры см. въ §§ 55 и др.).

Позднѣе формы на *-ови*, *-еви* въ великор. были утрачены (см § 55). О судьбѣ ихъ въ бѣлор. и малор. см. ниже.

О судьбѣ остальныхъ характерныхъ формъ склоненія имёнъ на *-ъ* съ род. ед. на *-и*, а именно: зв. на *-у*, имен. множ. на *-ове*, тв. мн. на *-ъми*, мѣстн. мн. на *-ъхъ* см. ниже.

§ 48. *Судьба формъ склоненія именъ на -ь съ род. ед. на -ї.* Имена муж. р. этого склоненія въ ед. ч. стали склоняться по образцу имёнъ муж. р. съ род. ед. на *-а*, ср. въ Смол. грам. 1229 г. и Р. Правдѣ 1282 г. татя, Смол. грам. около 1240 г. и Новг. грам. 1266 г.: гостю, Смол. грам. 1284 г. гостеви и т. п. Но въ то-же время и старыя формы род.-дат.-мѣстн. на *-и* отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ имёнъ продолжали употребляться довольно долго: дат. гости Новг. грам. 1317, 1325 и 1371 г., род. тести, дат. тьсти Лавр. лѣт. подъ 1159 и 1207 г. и Ипат. лѣт.; род. и дат. зяти Кормч. 1282 г., Новгор. лѣт., Ипат. лѣтоп. и др.; въ единичныхъ случаяхъ такія формы уцѣлѣли и до сихъ поръ, именно, въ великор. литерат. путь—пути и пр., діалектич. угрорусскомъ огни.

Во множ. ч. это склоненіе меньше подверглось вліянію другихъ склоненій. О появленіи въ дат., твор. и мѣстн. множ. окончаній *-амъ*, *-ами*, *-ахъ* см. ниже § 51. Наоборотъ, окончанія множ. ч. этого склоненія частью распространились на имена муж. р., принадлежавшія первоначально къ другимъ склоненіямъ. Такъ какъ это распространеніе въ великор., бѣлор. и малор. происходило не одинаково и неодновременно, то разсматривается ниже.

§ 49. *Судьба формъ склоненія именъ съ род. ед. на -е (общеиндоевроп. основы на согласныя и на -ū).* Какъ мы видѣли (см. выше § 22) эти имена въ о-сл. образовывали бо́льшую часть формъ такъ-же, какъ и имена на *-ь* съ род. ед. на *-ї*, отличаясь отъ нихъ только въ формахъ р.-м. ед. (на *-е*), р.-м. дв. (на *-и*), им. мн. (*-е*) и р. мн. (*-ъ*); этимъ сходствомъ еще въ о-сл. было

вызвано и дальнѣйшее сближеніе обоихъ склоненій; такъ, въ имен. ед. имена муж. р., оканчивавшіяся первоначально на *-у*, могли получать окончаніе *-ь*, присоединявшееся къ основѣ косвенныхъ падежей: *kamenь рядомъ съ *kamу; въ имен. множ. изъ имёнъ муж. р. сохраняли въ эпоху распаденія о-сл. яз. окончаніе *-е* только *dьnь и имена съ суффиксами -tel-, -ar-, -än-, а остальныя получили и въ этой формѣ окончаніе ьje: *kamenьje и пр.; повидимому, уже въ о-сл. могло быть и *dьnьje. Въ русскомъ яз. формы р.-м. ед. на *-е* всѣхъ родовъ стали замѣняться формами на *-и*: Арх. Ев. къ камени 12 об., ѿ кръви 117 об., каплꙗ кръви 95 об. и др.; три десꙗти 89 об.; Ж. Феодосія Печ. XII в. дни (род. и мѣстн.); Типогр. Еванг. № 6 род. ремени и пр. Ср. нын. великор. діалект. дни. Впрочемъ, старыя формы на *-е* продолжали сохраняться наряду съ формами на *-и*, ср. Лавр. лѣтоп. дне, имене, матере, церкве, крове; Ипат. корене, дне, матере, крове и др., Новгор. 1 лѣтоп. дне, племене, матере; Рижская грам. около 1300 г., гал. грам. 1389 г., грам. 1590 г. дне; Новгор. вкладная 1399 г. матере и др. Можетъ быть, къ старымъ формамъ на *-е* восходятъ и нынѣшнія формы род. ед. на *-е* въ карпатско-угорскихъ малор. говорахъ: камене, корене, дітяте, любве. Окончаніе *-е*, повидимому, могло проникать и въ склоненіе имёнъ на *-ъ* со старымъ род. ед. на -i, ср. въ спискахъ Д и Е Смоленской грам. 1229 г. путе, тате, въ Ипат. лѣтоп. зяте; впрочемъ, подобныя формы въ памятникахъ рѣдки.

Рядомъ съ формами на *-е* и *-и* имена муж. р. стали образовывать также формы ед. ч. по образцу имёнъ на *-ъ* съ род. ед. на *-а*. Старыхъ примѣровъ такихъ образованій изъ памятниковъ не могу привести; на то, что это явленіе общерусское, могли бы указывать великор. род. дня, камня, ремня, корня, дат. дню, камню, ремню, корню и пр.; бѣлор. род. дня, каменя; малор. дня, каменя, ременя, кореня, дат. дневі.

Въ род.-мѣстн. двойств. уже въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчается форма дьнью (Арх. Ев. 92, Ж. Феодосія XII в. и др.), но мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, была ли такая форма въ русскомъ яз. или перенесена въ эти памятники изъ ст.-сл. яз.

О судьбѣ формъ множ. ч. этого склоненія см. ниже, §§ 61, 62.

Имена ср. р. съ имен. ед. на *-о* и основой остальныхъ падежей на *-es-* еще въ о-сл. могли склоняться по образцу имёнъ ср. р. на *-о* съ род. ед. на *-а*, образуя всѣ падежи отъ основы имен. ед., гдѣ конечное *о* стало т. обр. окончаніемъ: тѣла, тѣлu и пр. Въ русскомъ яз. еще въ доисторическую эпоху формы отъ основъ на *-es-* были вовсе утрачены. На это можетъ указывать то обстоятельство, что въ грамотахъ эти формы не употребляются, а въ церковныхъ памятникахъ, не смѣшивающихъ *ѣ* и *е*, при правильномъ правописаніи формъ тѣла, тѣлоу и т. п., въ формахъ тѣлесе, тѣлеси и пр. нерѣдко пишется *е* вмѣсто *ѣ*, какъ и въ другихъ старословянскихъ словахъ, не существовавшихъ въ живомъ русскомъ яз.

§ 50. *Вліяніе твёрдыхъ основъ на мягкія.* Къ общерусскимъ явленіямъ этой категоріи относится, можетъ быть, замѣна окончанія *-и* въ мѣстн. ед. имёнъ муж. и ср. р. на *-ь*, *-е* съ род. на *-а* окончаніемъ *-ѣ*. Эта замѣна засвидѣтельствована сѣв.-русскими памятниками съ XI в., впрочемъ, въ единичныхъ примѣрахъ: Минея 1095 г.: кѫ члокѣчѣ образѣ (описка?) 81; болѣе рѣшительныя указанія на такую замѣну содержатъ памятники XIII в., напр., Новг. Кормч. 1282 г.: въ Ярославлѣ 575 и т. д. Ср. въ нынѣшнемъ великор. на конѣ, о царѣ, на ножѣ, о воробьѣ и т. п., малор. ковалї, дурнї, князї, сонцї и т. п. Впрочемъ, старыя формы мѣстн. на *-и* не были вытѣснены формами на *-ѣ*: онѣ продолжаютъ писаться и въ памятникахъ нецерковнаго письма и въ нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчіяхъ до сихъ поръ употребляются предпочтительно передъ формами на *ѣ*, какъ наприм., въ бѣлор. (см. ниже) и, частью, въ малор., особенно, въ зап.-малор. говорахъ. Конечное *-и* въ сѣв.-великор. говорахъ Арханг. губ. можетъ объясняться и фонетически изъ *-ѣ*.

Остальные случаи вліянія твердыхъ основъ на мягкія не общерусскіе.

§ 51. *Распространеніе формъ на -ама, -амъ, -ами, -ахъ.* Имена существ. муж. и средн. р., не принадлежавшія къ склоненію имёнъ съ род. ед. на *-і*, по аналогіи съ именами ж. р. на

-а, стали образовывать формы дат.-твор. двойств. и дат., твор. и мѣстн. множ. съ окончаніями *-ама*, *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*. Впервые эти формы проникаютъ въ письменность довольно поздно—въ сѣв.-русскихъ памятникахъ—во 2-ой половинѣ XIII в.: Паримейникъ 1271 г.: египтянамъ, безакониямъ, съ клобуками, матигорьцамъ—запись; Рязанская Кормчая 1284 г.: къ латинамъ; въ новгор. грамотахъ такія формы только съ XIV в. (по постояниямъ 1305, боярамъ, купцамъ 1371, дворянамъ 1371 и пр.); въ Двинскихъ грам. XIV в.: веламъ, хмелниками, ловищахъ; Лавр. лѣтоп. лицах. Въ зап.-русскихъ и южно-русскихъ памятникахъ—только съ XV в. Старыя формы продолжали употребляться рядомъ съ новыми довольно долго, по крайней мѣрѣ на письмѣ, ср. великор. Домострой по Конш. списку XVI—XVII в. по краемъ и по швомъ и по рукавомъ 50, сь яички 69 об., з блинцы и з грібы и съ рыжики 73 об., в займехъ и в долгѣхъ 43, в сундукѣхъ 53, на возѣхъ 68 об., в пирозехъ 74 и пр.; Уложеніе 1649 г.: помѣщикомъ, селомъ, приставы, въ мѣстѣхъ, въ городѣхъ, въ полкѣхъ и мн. др.; южно-русское Еванг. Тяпинскаго XVI в. ученикомъ, часомъ, вороты, в писмехъ, въ городехъ и др. Въ бѣлор. и малор. говорахъ до сихъ поръ рядомъ съ формами дат. мн. на *-амъ*, мѣстн. на *-ахъ* употребляются и формы на *-омъ* (бѣлор. *-ом*, малор. *-ім*, *-ум*) и, рѣже, формы на *-ѣхъ* (бѣлор. *-ех*, малор. *іх*) и *-ох* (изъ о.-р. *-ъхъ*?), но окончанія *-ам*, *-ами*, *-ах* являются и въ бѣлор. и малор. теперь болѣе обычными. Формы съ тѣми же окончаніями отъ именъ на *-ь* съ род. ед. на *-і* (гвоздям, костям, лошадям и пр.), повидимому, явились позднѣе и не являются о-русскими.

3. Великорусскія измѣненія формъ склоненія.

§ 52. *Утрата звательной формы.* Старыя, перешедшія изъ о-сл. звательныя формы сохранились въ малор. и бѣлор. (съ извѣстными измѣненіями) и по большей части утрачены въ великор. Въ грамотахъ, лѣтописяхъ и т. п. памятникахъ онѣ встрѣчаются до XVII в., но лишь въ стереотипныхъ формулахъ, въ силу литературной традиціи: господине, княже, сыне; въ Лавр.

лѣтоп. (XIV в.) рядомъ со старыми зват. формами встрѣчаемъ и: дружина, Ольга, господа. Въ нынѣшнемъ литерат. яз. употребляются зват. формы „Господи" и „Боже", заимствованныя изъ церковно-слав. яз.; въ народныхъ говорахъ эти формы обыкновенно не сознаются, какъ особая зват. форма. Впрочемъ, въ великор. говорахъ встрѣчаются и настоящіе остатки старой зват. формы; это сѣв.-великор. батюшко, Иванушко, при имен. батюшка, и пр.; въ былинѣ: „ой же ты ратаю-ратаюшко", гдѣ „ратаю" —архаизмъ неразговорной рѣчи; ю.-влкр. Рязанск. мамó, сястрó, Ванькó и пр.

§ 53. *Новыя звательныя формы.* Во многихъ великор. говорахъ возникли новыя зват. формы отъ именъ на *-а*, восходящія къ формамъ имен. пад. съ утратою падежнаго окончанія: Маш, Вань, тять, дѣдуш, матуш. Нѣкоторыя же имена, употребляющіяся особенно часто, какъ обращеніе, подверглись въ этомъ употребленіи еще большимъ сокращеніямъ, наприм. въ діалектич.: ма, дя, болѣ (мать, дядя, болѣзный или болѣзная) и т. п.

§ 54. *Формы на -кѣ, -гѣ, -хѣ.* О.-сл. формы мѣстн. ед. именъ муж. и ср. р., дат.-мѣстн. ед. женск. р. на *-цѣ, -зѣ, -сѣ* и мѣстн. множ. именъ муж. р. на *-цѣхъ, -зѣхъ, -сѣхъ* отъ именъ съ основами на задненебныя въ великор. нефонетически были замѣнены формами на *-кѣ, -гѣ, -хѣ* и *-кѣхъ, -гѣхъ, -хѣхъ* по аналогіи съ другими формами тѣхъ же именъ. Древнѣйшій примѣръ такой замѣны уже въ сѣверно-русской Минеѣ 1096: дꙑмꙑкѣ (запись), но еще въ Новгор. грамотахъ XIII—XIV в. подобныя формы рѣдки[1]): дългѣи грам. 1305—1308 г. № 6 и 7, городкѣ 1314 г. № 12, долгѣи 1371 г. № 8; при волоцѣ (во многихъ грам.), волзѣ 1372 г. № 13, 1373 г. № 17; городцѣ 1317 г. № 14. Въ грамотахъ сѣвернорусскихъ XV в. формы на *-кѣ, -гѣ, -хѣ* уже преобладаютъ, а Двинскія грамоты XIV—XV в. знаютъ

[1]) Раньше, и притомъ даже въ ю.-р. памятникахъ, появляются формы на *-скѣ*: Изборн. 1073 г. золокѣ женьскѣ, къ члокѣчьскѣи доуши, Слова Григорія Богосл. XI в. коскѣ, Типогр. Уставъ XI—XII в. № 15: глюбинѣ... морьскѣи 40 и пр. Но формы на *-сцѣ, -стѣ* продолжаютъ употребляться въ памятникахъ такъ-же долго, какъ и формы на *-цѣ* не послѣ *с*. Ср. между прочимъ окончаніе *-ще* изъ *-сцѣ* въ рижской грам. 1300 г.: Витебьще, Смоленьще и въ Псковскомъ Прологѣ 1383 г.: дъще (=доскѣ) 49.

только эти формы. Мѣстный на *-зѣхъ* встрѣчается еще въ Домострое: въ пирозѣхъ, при болѣе частыхъ формахъ на *-кѣхъ, -гѣхъ*; вѣроятно, это чисто книжная форма, какихъ въ Домострое не мало. Въ нынѣшнемъ великор. формы со свистящими неизвѣстны.

§ 55. *Дат. ед. на -ови.* Эта форма теперь въ великор. утрачена, но еще въ XIV в. въ новгородскомъ и полоцкомъ говорахъ употреблялись формы въ дат. ед. на *-ови, -еви* отъ именъ лицъ: полоцкая грам. ок. 1331 г. купцѣви, вѣсцѣви; Новгор. лѣтоп., Драгуилови, Михалеви, отцеви и др.

§ 56. *Взаимное вліяніе склоненій именъ съ основою на твёрдыя и мягкія согласныя.* Въ великор. имена на *-а* съ основою на мягкую подверглись вліянію именъ съ основою на твердую согласную; такимъ обр., явились окончанія дат.-мѣстн. ед. *-ѣ*, вмѣсто *-и*, твор. ед. *-ою*, вмѣсто *-ею*: землѣ, душѣ, землёю, душою. Тѣмъ же вліяніемъ твердыхъ основъ объясняется и окончаніе *-и* въ род.-ед. и имен.-вин. множ., вмѣсто стараго *-ѣ*, такъ какъ и въ другихъ случаяхъ звуку *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ соотвѣтствуетъ послѣ мягкихъ звукъ *и*. Съ другой стороны, въ великор. получили большое распространеніе и формы род. ед. на *-ѣ*, какъ отъ мягкихъ, такъ и отъ твердыхъ основъ: изъ землѣ, у сестрѣ, женѣ и пр. Указанныя измѣненія въ формахъ род. и дат.-мѣстн. ед. засвидѣтельствованы примѣрами въ сѣверно-русскихъ памятникахъ, начиная съ XI в.: Минея 1095 г.: из отроковичи 45, въ ветъсѣ одежѣ 93, с҃тѣи г҃жѣ б҃цѣ запись; имен.-вин. мн. на *-и* въ памятникахъ — съ XIII в.: Милят. Еванг. 1215 г. рабыни 103 и т. д. Измѣненіе окончанія твор. ед. *-ею* въ *-ою* въ памятникахъ не могло быть отмѣчено раньше времени отвердѣнія шипящихъ, вслѣдствіе отсутствія въ письмѣ особаго обозначенія для сочетанія мягкихъ согласныхъ съ *о*; поэтому примѣры на *-ою* вмѣсто *-ею* — только съ XIV в.: одежою Москов. Ев. 1393 г., душою Ипат. лѣтоп., землою Двинскія грам. XIV—XV в. Вѣроятно, позднѣе указанныхъ измѣненій въ сѣверно-великор. появились также формы дат.-мѣстн. ед. на *-ы* отъ твердыхъ основъ въ соотвѣтствіи съ формами на *-и* отъ мягкихъ: къ горы, на воды, на земли; такимъ образомъ, формы род. и дат.-мѣстн. ед. ж. р. въ части сѣв.-великор. говоровъ совпали. Древ-

нѣйшіе примѣры дат.-мѣстн. на *-ы* извѣстны мнѣ изъ Двинскихъ грамотъ XIV—XV в.: в татбы № 85, по лавкоты рѣки № 111, в тои малои юры рѣкы № 33. Въ именахъ муж. и ср. р. съ основою на мягкую вліяніе именъ съ основою на твёрдую согласную выразилось въ образованіи мѣстн. ед. на *-ѣ*: на конѣ, царѣ, ружьѣ, копьѣ и пр. (явленіе общерусское? ср. выше § 50) и мѣстн. множ. на *-ѣхъ*; ср. въ Лавр. лѣтоп.: кривичѣхъ (подъ 859 г.), конѣхъ (подъ 945 г.), сторожѣхъ (подъ 968 г.) и др. Позднѣе, формы мѣстн. множ. на *-ѣхъ* и *-ихъ* были утрачены во всёмъ великор., а формы мѣстн. на *-ѣ* почти вытѣснили старыя формы на *-и*, сохраняющіяся лишь въ единичныхъ случаяхъ, ср. литерат. „въ забытьи" [1]).

Въ говорахъ Архангельской и части Олонецкой губ. *-и*, является вмѣсто всякаго конечнаго *-ѣ*: на кони́, на земли́, на столи́, в руки́, вопчи́ и пр., что можетъ объясняться или фонетически или вліяніемъ мягкихъ основъ на твёрдыя.

У имёнъ прилагательныхъ окончанія *-ей* (какъ изъ стараго -еі̯, такъ и изъ -ы̯і), *-ею* замѣнились окончаніями *-ой*, *-ою* во всёмъ великор.: большой, чужой, діалектич. безъ ударенія на окончаніи: синёй и т. п.; но сохранилось *е* въ „самъ-третéй", вѣроятно, потому, что окончаніе *-ей* въ этомъ словѣ не могло ассоціироваться съ окончаніемъ *-ой* у другихъ прилагательныхъ, ср. „самъ-другъ", „самъ-пятъ", „самъ-шостъ" [2]).

§ 57. *Дат.-мѣстн. ед. на -ѣ отъ именъ женск. р. на -ь.* Эта форма, возникшая по аналогіи съ дат.-мѣстн. ед. именъ на *-а*, распространена теперь во многихъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ великор. говорахъ: въ грязѣ, на печѣ, въ тѣнѣ и т. п. Достовѣрные примѣры на такія формы въ письм. памятникахъ встрѣчаются съ XVI в.: Домострой Общ.: въ грязѣ 130 и т. п.

§ 58. *Имен.-вин. множ. на -и.* Вслѣдствіе общерусскаго совпаденія имен. и вин. множ. именъ муж. р. въ одной формѣ,

---

1) Орфографическое правило о правописаніи „и" послѣ „і" (знаніи, терпѣніи) никакой поддержки въ языкѣ для себя не находитъ.

2) И по происхожденію „третéй" можетъ быть безчленной формой, тк. к. здѣсь старая основа *tretьi̯-.

являющейся по происхожденію формою вин. множ., имен.-вин. множ. на -*и* въ великор. долженъ былъ получиться лишь у именъ муж. и жен. р. на -ъ съ род. ед. на -*и*: гости, голуби, звѣри, люди, кости, рѣчи и т. п. Но по аналогіи съ этими именами -*и* въ имен.-вин. множ. распространилось и на другія имена съ основою на мягкіе неслоговые звуки, совершенно вытѣснивъ общерусское -*ѣ*: кони, цари, рубли, кули, концы, лучи, земли, души, зори и пр. На распространеніе этой формы могли влiять 1) сохранившіяся еще, быть можетъ, старыя формы именъ множ. на -*и* отъ именъ муж. р.: кони, цари; 2) аналогія со стороны им.-вин. множ. на -*ы* отъ имёнъ съ основою на твёрдую согласную. Въ памятникахъ вин. мн. на -*и* вмѣсто -*ѣ* — съ XIII в.: Милят. Еванг. 1215 г.: князи 144 об., Рост. Жит. Нифонта 1219 г.: князи; Прологъ 1262 г.: держаще ножи и меци 35 об. и т. п.

§ 59. *Имен. множ. на -а отъ именъ несредняго рода.* Въ нынѣшнемъ великор. отъ многихъ имёнъ муж. р., имѣющихъ въ формахъ ед. ч. удареніе на основѣ, а въ формахъ множ. на окончаніи, повсемѣстно употребляется форма им. множ. на -á (съ удареніемъ на окончаніи); при этомъ составъ словъ съ имен. множ. на -á не вездѣ вполнѣ одинаковъ, т. е. есть слова, которыя въ однихъ говорахъ имѣютъ такую форму, въ другихъ нѣтъ. Діалектически въ ю.-великор. и сѣв.-великор. встрѣчается имен. множ. на -á и отъ имёнъ ж. р. на -ъ: пустошá, мелочá, податя́, зеленя́, лошадя́, матеря́ и т. п., и даже отъ имёнъ на -*а*: старостá и др. Эти формы возникли, повидимому, довольно поздно. Въ памятникахъ древнѣйшіе примѣры — конца XV в. и позднѣе: зап.-р. лѣтоп. Аврамки 1495 г. города; Домострой по списку Общ. Ист. и Др. Р. XVI в. таганá 125 (но въ Конш. тагáны 81, повары 83 об., потрохи 74); Уложеніе 1649 г.: тѣ лѣса; Стоглавъ въ Каз. изд. мѣсяца; Поэтич. пов. объ Азовскомъ сидѣніи, списки конца XVII в.: леса темныя (Орловъ, 98; то-же окончаніе и въ другихъ спискахъ).

Появленіе имен. множ. на -*á* вызвано разными причинами: 1) нѣкоторыя слова, означавшія парные предметы, сохранили въ значеніи имен.-вин. множ. старую форму двойств.: рукавá (един-

ственное слово съ имен. множ. на -á и съ удареніемъ въ ед. ч. на окончаніи), рогá, бокá, глазá, берегá, діалектич. вѣсá, усá, (ср. „вýса" им. мн. въ малор.); 2) та же форма им.-вин. двойств. отъ именъ, не обозначавшихъ парныхъ предметовъ, могла получить значеніе имен. множ., вѣроятно, сперва только при числительныхъ [1]), а затѣмъ и не при числительныхъ; 3) нѣкоторыя имена собирательныя женск. р. въ имен. ед. могли получать значеніе множ. ч., а этому способствовало употребленіе ихъ со сказуемымъ во множ. ч.: сторожá, господá, братья (литерат. брáтья), зятья́, шурья́, діалектич. княжья́, дружья́ и др. [2]); 4) такія формы, какъ учителя́, писаря́, зятья́ и, можетъ быть, князья́, мужья́ могли получаться и фонетически изъ учител'е, писар'е, зятьје и, по аналогіи съ этой формой, *князьје, *мужьје и т. п. съ переносомъ ударенія на конецъ слова (ср. á въ есмя́, меня́); 5) при утратѣ различія по родамъ во множ. ч. могла дѣйствовать аналогія со стороны им.-вин. множ. именъ ср. р., подкрѣпляемая аналогіей формъ, названныхъ въ п.п. 1—3. Формы им. множ. сыновья́, кумовья́ получились изъ старыхъ сынове и т. п. (откуда фонетически — сыновя) по аналогіи съ братья, зятья, шурья и пр. [3]).

---

[1]) Конечно, только въ томъ случаѣ, если по самому значенію своему эти имена могли стоять въ двойств. ч. и съ числительными; поэтому имена муж. р. вещественныя, собирательныя и т. п., не употреблявшіяся въ двойств. ч. или съ числительными, обыкновенно не образуютъ имен. множ. на *-á*: дары, лады, меды, зады, пиры, полы и т. п.

[2]) Ср. ст.-сл. стража; въ р. сторожá удареніе перенесено (впрочемъ, ср. стражá, стражю́ въ Чуд. Н. Завѣтѣ 1383 г.), ср. сторóжа им. ед. ж. р. съ утратой собирательнаго значенія; *господá*, им. ед. ж. р. ср. въ Р. Пр. 1282 г. ѿ господы, Новг. грам. 1270 на господу, Новг. 1 лѣт. господѣ своеи, Псков. Прологъ 1383 господы своея и др.; *братья*, ср. Поуч. Влад. Моном. отъ братья моея, чти молодыя яко братью и пр.; *княжья*: Лавр. лѣтоп. от всякоя княжья, Новг. лѣтоп. позванъ Полотьскою княжьею; *зятья*: Дух. вел. кн. Ивана Иван. кого ми дасть Богъ зятью; *шурья*: Ипат. у шюрьи своея, Дв. грам. с шуріею своею, грам. 1625 г. в шурьѣ своее мѣсто и т. д. Примѣры употребленія сказуемаго и опредѣленія во множ. ч. при именахъ собирательныхъ: Сказ. о Борисѣ и Гл. XII в. приобрѣтоша братиꙗ; Посл. митр. Никифора: отвръжени быша латина; Вопр. Кирика 1282 господа вяжють; Лавр. лѣтоп. изъбраша ся 3 братья, отвѣщавше дружина рекоша; Ипат. лѣтоп. братья русции, сѣдяху княжья 12 об.; Новг. грам. 1456 наши братіа; Служебн. прп. Сергія XIV в. готовлющихся братьи нашихъ и т. д.

[3]) Діалектическія сѣв.-великор. сыновá, сватовá (Новгор., Олон.), сѣв.-великор. (Новгор., Олон., Вятск. и др.) и бѣлор. сватовьё, сыновьё со значеніемъ им. множ. также могли получиться изъ „сынове" и т. п. подъ вліяніемъ другихъ сходныхъ образованій. А. И. Соболевскій (Лекціи [4] 218, 220) предполагаетъ, что нѣкогда существовали собирательныя ед. ч. сыновá, сыновье и т. п., но надобности въ такомъ предположеніи нѣтъ.

Нѣкоторыя имена муж. р. въ великор. образуютъ им. множ. на *-а*, *-ја* съ удареніемъ на основѣ: 1) Немногія изъ этихъ формъ, какъ братья, хозяева, могутъ восходить къ им. ед. именъ собирательныхъ ж. р.; 2) большая часть им.-множ. на *-ја* съ удареніемъ на основѣ, какъ каменья, коренья[1]), листья, колья, зубья, брусья, клинья, стулья, діалектич. волосья, поясья и т. п. получилась изъ им. ед. именъ собирательныхъ ср. р. на *-ьје* (*-ја* изъ *-је* получалось фонетически); такого же происхожденія и имен. множ. на *-ја* отъ именъ ср. р.: деревья, полѣнья; въ части сѣв.-великор. говоровъ, гдѣ конечное *-је* перешло въ *-јо*, формы кореньё, кольё и пр. сохраняются со значеніемъ им. ед. собирательныхъ именъ; 3) такія формы, какъ діалектич. крестьяна, мѣщана, поѣзжана, бояра и пр. могли получиться изъ крестьяня, мѣщаня, поѣзжаня, бояря (гдѣ „я“ фонетически изъ „е“) подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей съ основой на твёрдыя согласныя: крестьянъ, бояръ, крестьянамъ, боярамъ и пр. (а въ косв. падд. *н*, *р* твёрдыя — изъ род. множ.).

§ 60. *Им. множ. на -ы отъ именъ ср. р.* Окончаніе *-а* въ им. множ. именъ ср. р. вообще въ великор. сохранилось только при удареніи въ этой формѣ на окончаніи, а при удареніи на основѣ замѣнилось окончаніемъ *-ы* по аналогіи съ именами муж. р.: озёры, воро́ты, болоты, брёвны, окны, гнѣзды, сёлы, кольцы и т. п., также: колечки, крылушки и пр.; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор. говорахъ извѣстно и *-а*: воро́та, брёвна, коле́чка, крылышка. Въ литературномъ правописаніи (но не въ живой рѣчи) по традиціи продолжаютъ писать (не послѣ *к*) *-а*.

§ 61. *Род. множ. на -овъ и ей.* Распространеніе род. мн. на *-овъ* на имена муж. р. не только съ основою на твёрдые, но и на мягкіе звуки—явленіе общерусское. Позднѣе, окончаніе *-овъ*, послѣ мягкихъ согласныхъ въ великор. частью было вытѣснено окончаніемъ *-ей*. Зато окончаніе *-овъ* діалектически распространилось на имена ж. и ср. р. Въ нынѣшнемъ литерат. языкѣ род. множ. на *-овъ* (*-евъ*) отъ именъ ж. р. вовсе не употребляется,

[1]) Врядъ-ли коренья, каменья слѣдуетъ разсматривать, какъ старую форму им. множ., такъ какъ она еще въ о.-р. должна была замѣниться формой вин. множ.

а отъ имёнъ ср. р. можетъ употребляться, между прочимъ, если основа оканчивается на *-j-* или *-и-* при удареніи на основѣ: ружьевъ, кушаньевъ, солнцевъ, оконцевъ и т. п., но колéцъ, сердéцъ. Въ другихъ великор. говорахъ род. мн. на *-овъ* отъ имёнъ ср. р. болѣе употребителёнъ: мѣстóвъ, дѣлóвъ, озёровъ, гнѣздовъ, болóтóвъ, сѣменóвъ, кóльцевъ, серцóвъ, полёвъ и пр.; рѣже встрѣчается род. мн. на *-овъ* отъ имёнъ ж. р.; но есть говоры, какъ сѣв.-великор. (въ Вологодской, Вятской губ. и др.), такъ и ю.-великор. (въ Ряз., Ворон. губ. и др.), гдѣ это окончаніе является обычнымъ какъ у имёнъ муж. и ср. р., такъ и у имёнъ ж. р.: дѣвковъ, пáлковъ, сéстровъ, звѣздовъ, кни́говъ, кóмнатовъ, бáрышневъ, пѣсневъ, боронóвъ и т. п.

Имена муж. и ср. р. съ основами на мягкія въ великор. стали также образовывать род. мн. на *-ей*, по аналогіи со старыми род. мн. гостей, лебедей, ночей и т. п.[1]): коней, царей, рублей, князей, писарей, учителей, морей, полей, камней, дней и пр.[2]). То-же окончаніе получили и тѣ существительныя муж. р., у которыхъ основа оканчивалась на мягкую согласную только въ им. множ. (кромѣ имёнъ на -анинъ, -аринъ): сосѣдей, чертей, діалектич. комарей (при им. мн. комари), крестей (въ картахъ), поясей и т. п. При этихъ формахъ отъ тѣхъ же имёнъ въ великор. діалектически продолжаютъ сохраняться и старыя формы род. множ.: поль, дёнъ, сыновъ и пр., или являются формы на *-овъ*: рублёвъ, камневъ, сусѣдовъ и т. п.

Часто встрѣчаются въ говорахъ (какъ сѣв.-великор., такъ и ю.-великор.) формы на *-овъ* (*-евъ*) при болѣе распространённыхъ формахъ на *-ей* отъ основъ на шипящія: ножей, барышей, ключей, лещей, товарищей и пр. и: ножовъ, барышовъ, ключовъ, това-

---

[1]) Въ этой формѣ окончаніе *-ей* въ великор. получилось фонетически изъ -ьі̯, а это последнее—изъ о.-сл. *-ьѣ*.

[2]) Впрочемъ, род. мн. дней, камней могутъ восходить еще къ о.-сл. *dьпьіь, *kamепьіь; въ малор.—днів, камені́в—новообразованія. Форма род. мн. коней можетъ считаться общерусской въ виду малор. коней, бѣлор. коній; повидимому, въ о.-р., или только въ малор. и бѣлор. это имя и нѣкот. другія стали склоняться во множ. ч. по образцу такихъ имёнъ, какъ гости, люди и пр., ср. малор. твор. мн. кіньми, что не привело къ распространенію окончаній *-ей* (-ий), *-ми* и пр. на всѣ имена съ основами на мягкія, какъ въ великор.

рищевъ и пр. Имена ср. р. съ основами на шипящія обыкновенно не образуютъ род. мн. на *-ей* и *-овъ*, а сохраняютъ старую форму: плечъ, пожарищъ, топорищъ. Отъ именъ муж. р. съ основою на *-ц* род. мн. на *-ей* явился лишь въ тѣхъ сѣв.-великор. говорахъ, гдѣ сохранилось мягкое *-ц*, т. е. въ Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской и части Новгородской губ.: купцей, концей, пальцей, мѣсяцей и т. п.; въ остальныхъ великор. говорахъ *-цовъ* (*-цевъ*), какъ и въ малор. и бѣлор. Отъ именъ съ основами на -i̯- или *-j-*, а также, частью, отъ тѣхъ именъ, у которыхъ основа оканчивается на i̯ или *j* только въ имен. множ., теперь въ великор. обычны формы на *-овъ*, *-евъ*: краёвъ, случаевъ, злодѣевъ, воробьёвъ, муравьёвъ, кореньевъ, зятьёвъ, листьевъ, братьевъ, діалектич. сыновьёвъ, дружьёвъ, недружьевъ; впрочемъ, отъ нѣкоторыхъ именъ, имѣющихъ основу на *-j* только во множ. ч. (съ им. множ. на *-ja*), встрѣчаются и формы на *-ей*, ср. литерат. сыновей, друзей, князей, діалектич. сыновьей. Отъ именъ ср. р. съ основой на *-j-* въ литерат. яз. сохранились по большей части старыя формы на *-ей* (пишется также „-ій"), гдѣ *-ей* относится по происхожденію къ основѣ, а не окончанію: ружей, кушаній, знаній и пр., хотя употребляются и формы на *-евъ*: платьевъ, ружьевъ, кушаньевъ (въ литерат. яз. XVIII и 1-ой половины XIX в. такихъ формъ было больше [1]), но въ говорахъ такія формы часты. Въ великорусскихъ письменныхъ памятникахъ род. множ. на *-ий* отъ именъ муж. р. съ основой на мягкую встрѣчается уже въ XIII в.: Еванг. 1270 г. пѣнязии, Кормчая 1282 г. без стихарии и т. п., Переясл. грам. 1356 г. князии, Лавр. мужии, князии.

Окончаніе род. множ. *-ей* распространилось и на имена ж. р. на *-а*, но въ гораздо меньшей степени. Въ литерат. яз. теперь употребительны только формы свѣчей (рядомъ со „свѣчъ"), возжей, ноздрей, юношей [2]); у Пушкина также: бурей, вельможей, сплетней;

[1]) Напр. у Сумарокова, Хоревъ: подозрѣніевъ; Державинъ, Прог. въ С. Селѣ: зданіевъ; В. Майковъ: желаніевъ, дѣйствіевъ и пр.

[2]) Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ народныхъ великор. говорахъ имен. ед. отъ послѣдняго имени обыкновенно звучитъ, какъ „юношъ" или „вьюношъ", род. „юноша", дат. „юношу" и т. д.

въ народныхъ говорахъ встрѣчаются и другія формы на *-ей*, даже отъ основъ на твёрдую согласную: свадьбей и т. п.

§ 62. *Формы дат., твор. и мѣстн. множ. на -ёмъ, -ьми, -ёхъ.* Старыя формы дат., твор. и мѣстн. множ. именъ на *-ь* съ род. ед. на *-і* стали замѣняться, какъ и соотвѣтствующія формы другихъ склоненій, формами на *-амъ -ами, -ахъ*: гостямъ, костями, лошадяхъ и пр., но при этомъ старыя формы этого склоненія оказались болѣе устойчивыми, чѣмъ старыя формы другихъ склоненій, и, частью, сохранились до сихъ поръ, ср. московскія формы твор. множ.: лошадьми, дверьми, плетьми, діалектич. сѣв.-великор. и ю.-великор. дат. мн. лошадём, гостём, костём, мѣст. лошадёх, костёх, в санёх и т. п. при болѣе обычныхъ формахъ на *-амъ, -ами, -ахъ.* Та-же замѣна извѣстна и въ малор. и бѣлорусскихъ говорахъ, но въ меньшихъ размѣрахъ и не повсемѣстно. Въ великор. памятникахъ (лѣтописяхъ, грамотахъ и пр.) еще въ XV в. формы на *-амъ, -ами, -ахъ* отъ именъ на *-ь* почти не встрѣчаются (Шахматовъ въ литогр. курсѣ приводитъ Ипат. персямъ, грам. XV в. Арх. Кал. № 156 пустошамъ), а въ XVI в. еще очень рѣдки, ср. Конш. Домострой: в гостяхъ 54, но: в печехъ 105 об. и др.

По аналогіи съ формами на *-ми* кое-гдѣ возникли новообразованія: кнутьми́, свѣчми́, слезьми́, душми́; впрочемъ, такія формы въ великор. очень рѣдки.

§ 63. *Окончанія дат. и твор. множ. въ сѣв.-великор.* Окончаніе *-ми* (-ами, -ыми, -ими и пр.) въ твор. множ. сохранилось безъ измѣненія въ ю.-великор. и нѣкоторыхъ сѣверно-великор. и переходныхъ говорахъ, а въ остальныхъ сѣв.-великор. и переходныхъ говорахъ замѣнилось окончаніями *-мы, -ма, -мя* и *м*; въ послѣднемъ случаѣ форма твор. множ. совпала съ формой дат. множ. Изъ названныхъ формъ теперь наиболѣе распространены формы твор. множ. на *-м*, являющіяся въ бо́льшей части сѣв.-великор. и въ значительной части переходныхъ говоровъ; причемъ эти формы образуются какъ отъ именъ существительныхъ, такъ и отъ прилагательныхъ и мѣстоименій: с рука́м, с нога́м, сапоги со скоба́м, умывалась горю́ци́м слеза́м, за двём ночам, со свои́м друзья́м, с нам и пр. Формы на *-мы* теперь употребительны только

въ говорахъ Архангельской и Олонецкой губ., преимущественно отъ имёнъ существительныхъ: с ногáмы, с пескамы рудожолтыма, но также: намы, вамы. Формы на *-ма* (по происхожденію—старыя формы двойств. ч. со значеніемъ множ.) отъ имёнъ существительныхъ: съ дѣвкима, съ робятома, за кóнима и пр.—только въ Архангельской губ., а отъ имёнъ прилагательныхъ и мѣстоименій также—въ нѣкоторыхъ говорахъ Олонецкой, Вологодской и Новгородской губ.: всѣмá, со пивныма стокáшоцьками, золотыма ключами и пр. Наконецъ, формы твор. мн. на *-мя* отъ числительныхъ два, три и четыре теперь въ сѣв.-великор. и переходныхъ говорахъ почти повсемѣстны; тѣ-же формы являются и въ литературномъ яз. [1]): двумя́, тремя́, четырьмя́; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ говорахъ Вологодской и Вятской губ. употребительны формы твор. мн. на *-мя* отъ мѣстоименій: тѣмя́, имя́ („што с ымя́ говорить" и т. п.), всѣмя́, значительно рѣже—отъ прилагательныхъ: с большимя павками, за добрымя людям, худымя рукам и пр. Окончаніе *-мя*, вѣроятно, получилось изъ болѣе стараго *-ма* подъ вліяніемъ мягкости *м* въ окончаніи *-ми*.

Въ части говоровъ, въ которыхъ дат. и твор. множ. совпали въ одной формѣ на *-м*, подъ вліяніемъ говоровъ, различающихъ эти два падежа, явились вновь формы на *-ми*, но употребляются рядомъ съ формами на *-мъ* безразлично въ обоихъ падежахъ: къ нами, по полями, къ людьми и пр. [2]).

§ 64. *Судьба формъ склоненія имёнъ средняго р. на -а* (-„я"). Имена ср. р. съ им. ед. на *-а* и основой остальныхъ падежей на *-ат-* (о.-сл. -ęt), кромѣ „дитя", въ великор. вовсе утратили формы ед. ч., уцѣлѣвшія только въ нѣкоторыхъ пословицахъ [3]) (не въ разговорной рѣчи), но сохранили формы множ. ч.: телята, жеребята, поросята, ребята, щенята, мышата и пр. (или: теляты,

[1]) Въ ю.-великор. являются въ твор. множ. только формы на *-ми*: двуми, треми или трюми, четырьми.

[2]) Такое употребленіе, по замѣчанію наблюдателей, свойственно, главнымъ образомъ, школьникамъ и др. людямъ, пытающимся говорить „по-образованному".

[3]) Напр. „Ласковое теля двухъ матокъ сосётъ", „Дай Богъ нашему теляти волка поймати" и др. Возможно, что первая изъ этихъ пословицъ малорусскаго, а вторая книжнаго происхожденія. Отмѣтимъ, что Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ считаетъ еще правильными такія формы, какъ жеребя, щеня и пр.

жеребяты и пр.; ср. выше, § 60). Формы ед. ч. этихъ имёнъ стали замѣняться формами ед. ч. уменьшительныхъ на *-ёнокъ*: телёнокъ, жеребёнокъ, поросёнокъ, ребёнокъ, мышонокъ и т. п., рѣже — уменьшительныхъ на *-окъ* и др.: щенóкъ, телóкъ (=телёнокъ) и пр.; отъ этихъ уменьшительныхъ существуютъ въ великор. и формы множ. ч. съ тѣми же суфф.: телёнки, мышóнки, щенки и пр., но, кромѣ множ. щенки, эти формы мало употребительны въ великор. говорахъ. Благодаря существованію формъ множ. ч. на *-ата* (*-аты*) и пр. при формахъ ед. ч. на *-ёнокъ*, во многихъ великор. говорахъ возникли формы множ. ч. „опята" и пр. отъ существительнаго „опёнокъ".

Слово „дитя" частью стало склоняться, какъ существительное женскаго р.: дат.-мѣстн. дитѣ, тв. дитей [1]), частью измѣнилось въ „дитё" и стало склоняться, какъ другія имена ср. р. на *-о*: р. дитя́, дат. дитю́ и т. д. Формы „дитяти" и пр. — чисто книжныя; въ литературномъ яз. онѣ мало употребительны (род. ед. дитяти и тв. ед. дитятей встрѣчаются, между прочимъ, у Пушкина), а въ народныхъ великор. говорахъ вовсе отсутствуютъ.

Имена ср. р. на *-мя* стали склоняться въ ед. ч. такъ-же, какъ имена ср. р. на *-е*, образуя косвенные падежи отъ основы им. ед., гдѣ конечное *-а* стало сознаваться, какъ окончаніе: род. и́мя, сѣмя и пр., дат. имю, сѣмю..., тв. имемъ, сѣмемъ и т. д.; въ самомъ им. ед. конечное *-а* въ части сѣв.-великор. говоровъ (Вологодской, Вятской, Костромской, Новгор., Владим. и др. губ.) измѣнилось въ *-о*: имё, сѣмё, времё и пр. Въ литературномъ яз. сохранились формы отъ основъ на *-мен-*: имени, сѣмени, времени, именемъ, сѣменемъ, временемъ и т. д., вѣроятно, книжнаго происхожденія; формъ же въ родѣ „нѣтъ время", „въ прошломъ времѣ", „въ пламѣ", „со знамемъ", „къ темю" и т. п., обычныхъ уже у писателей XVIII в. и у Крылова, позднѣйшіе писатели (или ихъ издатели) обыкновенно избѣгаютъ. Во множ. ч. въ великор. сохранились старыя формы множ. отъ основъ на *-мен-*: имена, времена, имёнъ, времёнъ и пр. Діалектически еще не позже XIV в.

[1]) Ср. у Грибоѣдова въ „Горѣ отъ ума": „Дитей возили на поклонъ", д. II, явл. 5, и „А! помню. Ты дитей съ нимъ часто танцовала", д. III, явл. 10.

въ сѣв.-великор. *-ен-* въ окончаніи основы измѣнялось въ *-ан-*, можетъ быть, по аналогіи съ *-а* въ им. ед.; ср. въ Двинскихъ грам. XV в.: племяни № 5, 7, сѣмяна, сѣмянъ № 116, Лавр. лѣт. врѣмяне и др.; въ нынѣшнихъ сѣв.-великор. говорахъ Олон., Волог., Вятской, Арх. и Новг. губ.: имянъ, времянъ, знамянъ, сѣмянъ; форма „сѣмянъ" является и въ нынѣшнемъ литерат. яз.; литературному яз. XVIII и нач. XIX в. была извѣстна и форма „времянъ" (ср. у Пушкина въ Евг. Он. IV, 7, въ рифму съ „обезьянъ"). Въ нѣкоторыхъ говорахъ явились и формы множ. ч. отъ основы им. ед.: им.-в. множ. сѣмя́, племя́, время́, дат. времям и т. п., но эти формы вообще довольно рѣдки.

§ 65. *Склоненіе имёнъ „мать" и „дочь"*. Старыя формы имен. ед. этихъ имёнъ на *-и* сохранились лишь въ части сѣв.-великор. говоровъ (Арх., Олон., Волог., Новг., Вят. губ.) въ видѣ „ма́ти", „дочи́"; въ остальныхъ великор. говорахъ конечное *-и* отпало, вѣроятно, сперва въ словѣ „мать", а затѣмъ, по аналогіи, и въ „дочь". Въ немногихъ сѣв.-великор. говорахъ въ им. ед. по аналогіи съ косвенными падежами явились формы „матерь", „дочерь" (Новг., Арх., Олон. губ.). Съ другой стороны, подъ вліяніемъ совпаденія формъ имен. и вин. ед. отъ именъ на *-ь*, формы „мать", „дочь" во многихъ великор. говорахъ стали употребляться и въ значеніи вин. ед.; такое употребленіе перешло между прочимъ и въ литературный языкъ. Но старыя формы вин. ед. „матере", „дочере" частью сохранились въ ю.-великор. говорахъ въ видѣ „матеря", „дочеря", частью измѣнились въ „матерю", „дочерю"—формы вин. ед., наиболѣе обычныя въ ю.-великор.,—по аналогіи съ вин. ед. отъ имёнъ на *-а*. Той же аналогіей имёнъ на *-а* вызваны въ ю.-великор. и формы твор. ед. на *уі*: матерьюй, дочерьюй или матерюй, дочерюй. Во множ. ч. матери, дочери, діалектич. матеря́, дочеря́ (кое-гдѣ въ ю.-великор.) склоняются такъ-же, какъ и другія имена ж. р. на *-ь* во множ. ч.

§ 66. *Склоненіе мѣстоименій личныхъ и возвратнаго.*

Формы род.-вин. ед. личныхъ и возвратнаго мѣстоименій въ ю.-великор. сохранились въ видѣ мене́, тебе́, себе́ съ *е́* на концѣ,

а въ сѣв.-великор. обычно въ видѣ меня́, тебя́, себя́ съ *-á* (впрочемъ, въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор. говорахъ, наприм., въ Олон. губ. и др., извѣстны и формы на *-é*); различія между этими формами вызваны, повидимому, фонетическими причинами. Діалектически довольно рано возникли, вѣроятно, подъ вліяніемъ формъ дат. и твор., формы род.-вин. мѣне, тобе, собе, откуда позднѣе сѣв.-великор. діалектич. *мня* (Арх., Олон., Костр., Новг. губ.; здѣсь *-а* нефонетически, по аналогіи съ меня, тебя, себя), *тобя, собя* (Арх., Вятск., Перм. губ.); въ великор. памятникахъ формы род.-вин. тобе, собе,—съ XIV в.: оу тобе, близъ тобе, оувѣдѣти тобе Лавр., безъ тобе Догов. 1362 г., тобя Догов. 1428 г., у тобя Моск. грам. XV в. Бѣл. № 16, пред тобя Конш. Домострой и т. д.

Въ дат.-мѣстн. мѣстоименія 1-го л. ед. въ значительной части сѣв.-великор., а также въ переходныхъ говорахъ и въ литерат. яз. сохранилась старая форма *мнѣ*, а въ остальныхъ сѣв.-великор. и въ ю.-великор. получила преобладаніе форма *менѣ́*, совпавшая по произношенію съ формой род.-вин. пад. мене́; о происхожденіи ея см. выше, § 31. Въ дат.-мѣстн. мѣстоименій 2 л. ед. и возвратнаго большое распространеніе получили формы *тебѣ́*, *себѣ́*, вытѣснившія формы тобѣ́, собѣ́ изъ литерат. яз., большинства переходныхъ и части непереходныхъ сѣв.-великор. и ю.-великор. говоровъ. Но діалектически во многихъ сѣв.-великор. и ю.-великор. говорахъ сохранились формы *тобѣ, собѣ* (ю.-великор. табѣ́, сабѣ́). Въ великор. нецерковныхъ памятникахъ до XVII в., напр., въ Новгор., Двинскихъ, Моск. и Ряз. грамотахъ XIV—XVI в., въ Домостроѣ и т. п. употребляются въ дат.-мѣстн. почти исключительно формы тобѣ́, собѣ́.

Старыя формы дат. *ми, ти, си* и род.-вин. *мя, тя, ся* вообще (если не считать окончаній -ся и -си въ возвратныхъ глаголахъ) въ великор. были утрачены и сохранились лишь въ такихъ выраженіяхъ, какъ „я те дамъ“ („те“ вмѣсто „ти“ подъ вліяніемъ дат. „тебѣ“), а также съ предлогомъ *у*: у мя, у тя, и въ немногихъ другихъ случаяхъ.

Къ новообразованіямъ чисто великорусскимъ принадлежатъ распространённыя въ сѣв.-великор. говорахъ формы род-вин. *тея́*,

сея, дат. *теѣ*, *сеѣ*; въ нѣкоторыхъ ю.-великор. говорахъ встрѣчаются также формы дат. *таѣ*, *саѣ* (въ Курской губ., Новосильск. у. Тульской губ. и др.).

Мѣстоимённое и сложное склоненіе.

§ 67. *Взаимное вліяніе твёрдыхъ и мягкихъ мѣстоимённыхъ основъ.* По аналогіи съ кѣмъ[1]), тѣмъ, всѣмъ окончаніе *-ѣм* явилось и въ формахъ твор. ед. чѣмъ, сѣмъ (наприм., въ выраженіи „и тѣмъ и сѣмъ"); древнѣйшій примѣръ написанія „чѣмъ"—во второй Духовной Димитрія Донского; впрочемъ, въ части сѣв.-великор. говоровъ сохранилась и старая форма чимъ; въ твор. ед. „имъ" звукъ *и* сохранился во всёмъ великор. Во множ. ч. формы съ *ѣ*: до сѣхъ поръ, моѣмъ, твоѣмъ, чьѣхъ и пр. по аналогіи съ тѣхъ, тѣмъ, всѣхъ, всѣмъ и т. п. явились въ великор. лишь діалектически въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор. и переходныхъ говорахъ (наприм., во Владим., Тверской, Моск. губ. и др.), ср. до сѣхъ мѣстъ въ моск. грамотахъ XV в. Наоборотъ, *и* вмѣсто *ѣ* по аналогіи съ формами имъ, ими, ихъ, моимъ, моими, твоихъ, чьихъ и пр. явилось въ литерат. яз., а также въ ю.-великор. и многихъ сѣв.-великор. говорахъ въ формахъ: однимъ, одними, однихъ, самимъ, самими, самихъ (при діалектич. однѣхъ и т. п.), и въ сѣв.-великор. говорахъ въ формахъ: всихъ, всимъ, всими[2]). Ср. въ памятникахъ: всимь Дух. Климента XIII в., всихъ Ряз. Кормчая 1284 г., всими Дух. Ивана Калиты и пр., самимъ Лавр. лѣтоп. Въ формахъ род.-дат. ед. ж. р. ей, всей, моей, чьей и т. п. звукъ *е* замѣнился звукомъ *о*—ёй, всёй, моёй, чьёй и т. д.—по аналогіи съ той, одной, самой и т. п. только въ части великор. говоровъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, тогда какъ въ другихъ говорахъ и въ литерат. яз. сохранилось *е*.

§ 68. *Род. ед. муж. и ср. р. мѣстоименій и прилагательныхъ.* Окончаніе *-ого* (*-его*) въ части северновеликор. говоровъ,

[1]) *к* въ „кѣмъ" явилось въ великор. нефонетически вмѣсто *и*. Древнѣйшіе примѣры этой формы съ *к* въ памятникахъ—съ XIV в.

[2]) На появленіе *и* въ этихъ формахъ могло повліять также *и* въ им. мн.: одни, сами, вси.

именно, въ говорахъ восточныхъ, Владимирскихъ и Поволжскихъ фонетически замѣнилось черезъ *-ово* (черезъ посредство -оһо > о'о > оцо). При удареніи не на концѣ вмѣсто *-ово* въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ явилось позднѣе *-ова*: этова, бѣлова, злова, повидимому, (тамъ, гдѣ конечное *-о* не переходитъ фонетически въ *а*) по аналогіи съ формою род. ед. именъ существительныхъ и прилагательныхъ притяжательныхъ. Благодаря тому, что формы род. на *-ово, -ова* съ *в* проникли въ Московскій говоръ, онѣ получили большое распространеніе и въ другихъ сѣв.-великор. и ю.-великор. говорахъ и, частью, вытѣснили старыя формы съ *γ*. Примѣры на *-ово* изъ памятниковъ см. въ Фонетикѣ.

§ 69. *Употребленіе род. „чего" въ значеніи имен. и вин. пад.* Форма род. „чего" во многихъ великор. говорахъ стала употребляться въ значеніи имен. и вин. падежей: „чего-то случилось", „ты чего знаешь?", „въ чего", „на чего и т. д. (Моск. губ. и др.). Когда возникло такое употребленіе, сказать трудно; но можно думать, что встрѣчающаяся уже въ Двинскихъ грам. XV в. въ значеніи имен. и вин. пад. форма „чо": о Карпови участки чо княжоостровчи купили № 88 и др., употребляющаяся въ томъ же значеніи и въ нынѣшнихъ говорахъ Вологодской губ., по происхожденію—стяжонная форма род. пад.

§ 70. *Вин. ед. ж. р. мѣстоименій.* Подобно формѣ род. ед. „еѣ" въ великор. стали употребляться въ значеніи вин. также и формы всеѣ, тоѣ, одноѣ, самоѣ, откуда фонетически въ части великор. говоровъ: всеё, тоё, одноё, самоё. Теперь употребленіе этихъ формъ въ значеніи вин. ед. распространено чуть ли не во всёмъ великор. яз. (въ литерат. только—её, самоё, но уже въ подмосковныхъ говорахъ—тоё, всеё, одноё). Старыя формы вин. ед. всю, ту, одну продолжаютъ употребляться въ значительной части великор. говоровъ наряду съ новыми.

Въ нѣкоторыхъ великор. (южныхъ и сѣверныхъ) говорахъ формы её, всеё, тоё и пр. въ значеніи вин. ед. измѣнились въ ею, всею, тою, одною, самою по аналогіи съ вин. ед. мою, твою, свою, чью, сію. Ср. еще въ Двинск. грам. XV в. выменялъ ею № 7, въ нынѣшнемъ литерат. яз. у Л. Толстого: „неловко за самою себя" (Анна Кар.).

§ 71. *Окончаніе вин. ед. ж. р. прилагательныхъ.* Въ ю.-великор. окончаніе *-ую* измѣнилось подъ удареніемъ въ *-у́я*: зиляну́я, худу́я и пр., а безъ ударенія въ *-аю* (съ *а* редуцированнымъ или другимъ редуцированнымъ нелабіализованнымъ звукомъ): бѣднаю, добраю, синію и пр.

§ 72. *Род. ед. ж. р. мѣстоименій и прилагательныхъ.* Формы род. ед. на *-ѣ* въ большинствѣ великор. говоровъ были утрачены и замѣнены формами на i̯, т. е. род. ед. такимъ образомъ совпалъ съ дат.-мѣстн.: ей (у ней и пр.), всей, той, одной, моей, бѣлой, злой, синей и т. п. Въ памятникахъ это измѣненіе засвидѣтельствовано уже съ XIII в., ср. Вопр. Кирика из нѣкоторои, Р. Пр. 1282 г. пьрвои, ѡдинои, ѿ бортьнои. Изъ старыхъ формъ на *-ѣ* наиболѣе устойчиво сохраняется въ говорахъ со значеніемъ род. ед. форма *еѣ* или *её*[1]; въ литерат. яз. „ей" въ род. ед. допускается только съ предлогами: у ней (и „у нея"), отъ ней (и „отъ нея"), но „ея счастье", „ея не было дома"; въ народныхъ говорахъ форма „ей" въ значеніи род. ед. болѣе употребительна. Что же касается формъ всеё, тоё, самоё, одноё и пр. (или всеѣ, тоѣ и пр.), то онѣ получили почти вездѣ значеніе только вин. ед. Но въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор. говорахъ (Арханг., Олон. губ.) сохранились формы род. ед. прилагательныхъ на *-ыѣ, -іѣ* (или *-ые, -іе*), употребляющіяся въ этихъ говорахъ также и въ значеніи дат.-мѣстн. пад.: ко сестрицы родимые, на кроваточки тесовые и т. п., рядомъ съ формами на -oi̯.

§ 73. *Твор. и мѣстн. ед. муж. и ср. р. мѣстоименій и прилагательныхъ.* Въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор., переходныхъ и ю.-великор. говорахъ форма мѣстн. ед. прилагательныхъ и, отчасти, мѣстоименій стала замѣняться формою твор. ед., и такимъ образомъ, произошло совпаденіе обѣихъ формъ: въ яровы́мъ, на желты́мъ песочку, на тѣмъ берегу́, въ одни́мъ мѣстѣ и т. п. Ср. подобное же явленіе въ бѣлор. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ стала употребляться форма мѣстн.

[1]) Литературное „ея"—искусственное правописаніе, перешедшее изъ церковнословянскаго письма.

ед.: ёмъ, комъ вмѣсто твор. ед.: за нёмъ, съ комъ, за комъ и т. п., но только съ предлогами.

§ 74. *Имен. множ. мѣстоименій и прилагательныхъ.* Въ о.-р. первоначально въ имен. множ. мѣстоименій и прилагательныхъ различались формы всѣхъ трёхъ родовъ; затѣмъ это различіе было повсюду (и въ великор., и въ бѣлор., и въ малор.) утрачено, и въ значеніи имен. множ. всѣхъ родовъ стала употребляться какая-ниб. одна форма, именно, отъ прилагательныхъ обычно — старая форма вин. множ. муж. р. = им.-вин. множ. ж. р. (объ измѣненіяхъ въ этой формѣ см. ниже): добрыѣ, худыѣ и пр., а отъ мѣстоименій — частью та же форма: оны, одны, ты, самы, всѣ и т. п., частью — старая форма имен. множ. муж. р.: они, одни, сами, вси, мои, твои, чьи, наши и пр. Великор. діалектич. тѣ, онѣ, однѣ[1]) вмѣсто старыхъ ти, они, одни явились по аналогіи съ „всѣ“ и подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей: тѣхъ, однѣхъ и пр. Сѣв.-великор. діалектич. моѣ, твоѣ, своѣ, чьѣ могли бы считаться старыми формами вин. множ. муж. р. или имен.-вин. мн. ж. р., но въ виду того, что эти формы извѣстны въ тѣхъ говорахъ, гдѣ въ формахъ род.-вин. ед. ж. р. — окончаніе *jo* изъ о.-р. *ѩ*: её, тоё, самоё, я думаю, что онѣ возникли сравнительно поздно по аналогіи съ существовавшими уже тѣ, онѣ, однѣ и старымъ всѣ. Понятно, что вслѣдствіе совпаденія им. и вин. множ. отъ имёнъ неодушевлённыхъ предметовъ, старыя формы им. мн. могли получить и значеніе вин. множ. Въ памятникахъ: *тѣ* (цари) им. мн. Кормчая 1282 г., *тѣ* люди им. мн. Дух. Сим. Горд., *тѣ* села Дух. Ив. Ив. и Дим. Донск., *тѣ* (овца) вин. мн. Ев. 1355 и т. д.; *онѣ* им. мн. муж. р. Лавр. лѣт., Ев. 1357 г., Дв. грам. № 11; *мои* вин. мн. Новг. грам. 1314 г.; с тѣми селы котор*ыѣ* Дух. Дим. Донского, врата желѣзн*ыя* вин. мн. Апост. 1391 г. и т. д. Старыя формы им.-вин. мн. ср. р. встрѣчаются въ великор. грамотахъ еще въ XV и даже, изрѣдка, въ XVI в.: по которая мѣста грам. 1517 г.

---

[1]) Литературное правописаніе „эти“ при „тѣ“, а также „онѣ“, „однѣ“ въ значеніи им. мн. ж. р. не оправдывается живымъ языкомъ: говорятъ во всѣхъ родахъ или „они“, „одни“ (таково и литературное произношеніе) или „онѣ“, „однѣ“ или „оны“, „одны“.

Окончаніе им.-вин. множ. прилагательныхъ *-ыѣ* (послѣ *к, г, х* фонетически *-иѣ*) сохранилось во многихъ сѣв.-великор. и ю.-великор. говорахъ (съ фонетическимъ измѣненіемъ конечнаго неударяемаго *-ѣ* въ *-jo, -je, -ja*: добрыё, добрые, добрыя и пр. [1]), въ другихъ говорахъ измѣнилось въ *-ыи* по аналогіи съ им.-вин. множ. существительныхъ и мѣстоименій (наприм.: случаи, обычаи, судьи, мои, твои, чьи и т. п.): бѣлыи, злыи и пр.; такое произношеніе является, между прочимъ, и въ литературномъ яз. Въ нѣкоторыхъ акающихъ говорахъ (Моск., Тульск., Ряз. и др. губ.) окончаніе *-ыи* при удареніи на основѣ измѣнилось вслѣдствіе фонетической диссимиляціи въ *-аи*: добраи, бѣднаи и пр. (со звукомъ *а* или *ъ*). Отъ прилагательныхъ съ основами на мягкія окончаніе *-ьѣ* еще очень рано нефонетически измѣнялось въ *-иѣ* по аналогіи съ прилагательными, имѣющими основы на твёрдыя согласныя; въ тѣхъ говорахъ, гдѣ окончаніе *-ыѣ* измѣнилось въ *ыи*, отъ основъ на мягкія явилось *-ии*: синіи, ближніи и пр.

§ 75. *Формы прилагательныхъ и мѣстоименій на -эй, -эхъ и пр.* Въ формахъ род.-дат.-мѣстн. ед. ж. р., рѣже въ формахъ имен. множ. и род.-мѣстн. множ. въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор. говорахъ, преимущественно западныхъ (Олон. губ.), явились окончанія *-эй*, *-эи*, *-эх* (т. е. съ *е* послѣ твёрдой согласной): тэй, однэй, молодэй, такэй или такей, рѣже: молодэи, молодэх. Такія же формы въ говорахъ Псковской и Калужской губ., повидимому, бѣлорусскаго происхожденія.

4. Бѣлорусскія измѣненія формъ склоненія.

А. Явленія, общія бѣлор. яз. съ малорусскимъ.

§ 76. Свистящія *ц, з, с* передъ *-ѣ* въ формахъ склоненія именъ съ основою на задненёбныя сохранились: в гарóсѣ, у лýзѣ, на руцѣ́, назѣ́, на дарóзѣ, маладýсѣ, сасѣ́ и пр. Въ мѣстн. ед. именъ муж. р., впрочемъ, формы со свистящими встрѣчаются

[1]) Орфографическое правило о правописаніи *-ые* въ муж. р. и *-ыя* въ ж. и ср. р. не оправдывается языкомъ. По происхожденію написаніе *-ые* явилось вмѣсто болѣе стараго *-ыѣ*, а *-ыя* восходитъ къ церк.-слов. -ыѩ (передающему русское произношеніе старословянскаго -ꙑѩ): оба окончанія вин.-мн. муж. и им.-в. ж. р.

не часто, такъ какъ предпочитается мѣстн. на *-у*: на ко́нику, в садо́чку, у кажуху́, на лугу́ и пр.

§ 77. Сохранилась о.-р. звательная форма: по́пя, ку́мя, бра́ця (= брате), Иване, мамо и пр.; отъ имёнъ муж. р. съ основою на задненёбныя и шипящія и на мягкіе неслоговые звуки зват. форма оканчивается теперь на *-у*, какъ и въ малор.: сынку, голу́бочку (но также: чалавѣ́че, воцче, дзя́че и др.), ко́ню, нигадзя́ю, мужу и пр.

§ 78. Формы мѣстн. и дат.-мѣстн. на *-ѣ* не распространились, какъ и въ малор., на имена съ основами на мягкія (или бывшія ранѣе мягкими) согласныя: на кони́, па зямли́, дзяжы́ и т. п.

§ 79. Форма мѣстн. ед. на *-у* стала употребляться, между прочимъ, отъ имёнъ съ основою на задненёбныя (см. § 76) и отъ нѣкоторыхъ имёнъ ср. р.

§ 80. Имен. множ. отъ имёнъ несредн. рода на *-а* въ бѣлор., какъ и въ малор., неизвѣстенъ.

§ 81. Дат. ед. имёнъ муж. р. на *-ови*, *-еви* сохранился въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ бѣлор. говорахъ, но употребляется теперь лишь отъ имёнъ лицъ: бацькави, дзяцькави, сынави, кавалёви. Ср. въ зап.-р. грамотѣ 1330 г.: купцѣви, вѣсцѣви; въ Четьѣ 1489 г.: мужеви, огневи; Сборн. XV в. зап.-р.: волкови.

§ 82. Твор. ед. отъ имёнъ женск. р. типа „кость“ и т. п. можетъ оканчиваться не только на *-у* съ удлиненіемъ предшествующей согласной (изъ о.-р. *-ju*, о.-сл. *-ьѭ*): но́ччу, со́ллю, жи́зню, но и на *-ою* или *-ой* (безъ ударенія *-ай*, *-аю* и т. п.): нацо́ю и нацо́й, ко́сцей или касцёй и пр., по аналогіи съ именами на *-а*.

§ 83. Сохранился въ ю.-бѣлор. говорахъ им.-вин. множ. на *-ѣ* отъ имёнъ и мѣстоименій съ основой на мягкую: кавалѣ, рублѣ, жанцѣ, маѣ, тваѣ и т. п. Впрочемъ, формы на *-ѣ* отъ имёнъ существительныхъ очень рѣдки, и обычно употребляются формы на *-и*, а конечное *-ѣ* въ мѣстоименіяхъ могло бы объясняться и аналогіей (ср. выше, § 74, „маѣ“ въ великор.).

§ 84. Род. мн. на -і̯ (-еі) не получилъ большого распространенія; окончаніе *-ей* въ этой формѣ употребляется въ бѣлор. теперь обыкновенно только отъ имёнъ, принадлежащихъ или принадлежавшихъ къ склоненію на *-і*: касц'ей, начей, гасц'ей,

людзей и т. п.; по аналогіи съ ними только: коній (коняй), грошей (какъ и въ малор.), дней, рѣдко акуней, палей (отъ им. ед. поле) и т. п., но также и канёц, акунёц, поль и палёц, мароц (= морей), дзён и днёц и постоянно: рублёц, мужóц, лябядзёц, учыцяляц, писарóц и т. ц.

§ 85. Форма род. множ. получила значеніе вин. множ. только отъ имёнъ лицъ; названія же животныхъ имѣютъ форму вин. множ. = имен.: дайця карóвы, гани́ валы́, закладывайця кони и т. п.

§ 86. Сохранились формы имен. двойств. на *-ѣ* при числит. „двѣ“ отъ имёнъ на *-а* и *-о*: дзвѣ руцѣ, паласѣ, сасѣ, дзвѣ селѣ. По аналогіи — та же форма и при числит. „тры“. Наоборотъ, форма имен. двойств. на *-а* отъ имёнъ муж. р., какъ и въ малор., замѣнена формою имен. множ.: два браты, чалавѣки, сталы.

§ 87. Сохранились старыя формы склоненія имёнъ ср. р. на *-я* съ род. ед. на *-яти*: жарабя́, ц'еля́, дзиця́, воцча́, дзѣцча́ и пр., род. жарабяци, ц'еляци и пр.

§ 88. Въ склоненіи личныхъ мѣстоименій можно отмѣтить отсутствіе, какъ и въ малор., формы дат.-мѣстн. тебѣ и себѣ съ *е* (немногіе отмѣченные наблюдателями случаи, вѣроятно, — заимствованія изъ великор.); употребляются исключительно формы *табѣ*, *сабѣ*.

§ 89. Склоненіе мѣстоименій неличныхъ частью совпало по формамъ со склоненіемъ имёнъ прилагательныхъ, ср. формы мѣстоименій той, гэтый, геный, адзин (= одинъ) и нѣк. др.: им. ед. той, тая, тое; вин. ед. ж. р. тую, твор. ед. м. р. тым, множ. ч. тыя, тых, тым, тыми, и т. п.; им. ед. муж. р. „нашый“ рядомъ съ „наш“.

§ 90. Числительныя пять, шесть и пр. стали образовывать формы косвенныхъ падежей, какъ формы множ. числа: пяцёх, шасцёх, пяцём, шасцём и пр.

В. Явленія, общія бѣлорусскому съ великорусскимъ.

§ 91. Дат. и мѣстн. ед. имёнъ и мѣстоименій муж. р. не подверглись такому смѣшенію, какъ въ малор.: мѣстн. ед. на *-ови* отсутствуетъ даже въ южныхъ бѣлор. говорахъ; мѣстн. ед. муж. р. мѣстоименій и прилагат. никогда не оканчивается на *-ому*.

§ 92. Форма род. множ. на *-ей*, хоть и рѣдко, стала образовываться и отъ имёнъ средн. р. съ основой на мягкую и *-р-*: палей, марэй (см. выше, § 61 и 84).

§ 93. Діалектически, впрочемъ, только по сосѣдству съ великор., въ переходныхъ говорахъ, возникли новыя зват. формы отъ имёнъ на *-а* безъ окончанія: мам, цёт (= тётка) и т. п.

§ 94. Діалектически въ сѣв.-бѣлор. говорахъ (сѣверная часть Витебской и Смоленской губ.), сосѣднихъ съ переходными сѣв.-великор. по основѣ говорами форма твор. множ. совпала съ формой дат. множ.: рукам, ныгам, гарадам, с залатым кальцам и пр.

§ 95. Въ окончаніяхъ твор. ед. имёнъ существительныхъ и дат.-мѣстн. и твор. ед. мѣстоименій ж. р. съ основою на мягкіе неслоговые звуки нефонетически явилось *о* вмѣсто *е* по аналогіи съ основами на твёрдыя: зямлёю, маёй, всёй. Какъ и въ великор., *о* въ этихъ формахъ у имёнъ существ. является теперь повсемѣстно, а у мѣстоименій—діалектически, хотя вообще формы на *-ой*, *-ою* распространены больше, чѣмъ на *-ей*, *-ею*.

§ 96. Въ вин. ед. ж. р. прилагательныхъ при удареніи на основѣ является окончаніе *-аю* съ его фонетическими измѣненіями (*-ыю*, *-ію* и т. п.).

§ 97. Род. ед. мѣстоименія всеѐ, еѐ въ бѣлор. можетъ употребляться въ значеніи вин. ед. рядомъ съ формами яю́, ану́, всю.

С. Остальныя бѣлорусскія явленія.

Здѣсь я назову нѣкоторыя явленія, или свойственныя одному бѣлор. языку или встрѣчающіяся одновременно діалектически кромѣ бѣлор. также и въ великор., и малор. говорахъ, но внѣ непосредственной связи съ бѣлор.

§ 98. Отъ имёнъ муж. р. на *-а* нѣкоторыя формы въ бѣлор. стали образовываться такъ-же, какъ и отъ имёнъ муж. р. съ имен. ед. на согласную; при старыхъ род. ед. старшыны, старосты, пъяницы, вин. ед. старшыну, старосту, пъяницу и пр. возникли формы дат. ед. старосту и т. п., твор. ед. старшыном, судзём (= судьей), старостам, пъяницам, по аналогіи съ батюшку, батюшком или мужыку, мужыком; род. мн.: старшыноц, судзёц,

старостац, пъяницац и пр., между прочимъ, и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ отъ имёнъ женск. р. род. мн. на *-овъ* не образуется.

§ 99. По аналогіи съ именами съ основами на мягкіе неслоговые звуки, окончаніе *-ѣ* въ род. ед. ж. р. и им.-в. множ. распространилось діалектически и на имена съ основою на твёрдыя согласныя, преимущественно, на задненёбныя, причемъ согласныя твёрдыя передъ этимъ окончаніемъ не смягчились, кромѣ задненёбныхъ, перешедшихъ въ мягкія средненёбныя: сястрэ, вадэ, травэ, изъ рукѣ (но также и: прынёс вадзѣ), мужикѣ, гаршкѣ, мяхѣ, лугѣ, жанкѣ, дзяцкѣ и пр., южнобѣлор. валыэ, дубыэ, братыэ и т. д., ср. зямлѣ, кавалѣ, жанцѣ, касцѣ и пр. Быть можетъ, эти формы отразились на такихъ написаніяхъ памятниковъ, какъ трусѣ, дворѣ, поткѣ въ Лѣтописи Авраамки XV в., игрѣ — Библ. книги XVI в.

§ 100. Сохранились по большей части старыя формы множ. ч. склоненія имёнъ типа „зять“, „кость“ и т. п; не только род. мн. гасц'ей, людзей, начей и пр., но и дат. гасцём, людзём, нач́ом, сянём, дзвяром (= дверямъ), твор. гасцьми́, дзвярми́, сяньми́, мѣстн. гасцёх, сянёх, начох, дзвярох, у лапцёх и пр.; рядомъ съ этими формами существуютъ и новыя формы дат., твор. и мѣстн. мн. на *-ам, -ами, -ах*. Сравн. подобныя формы въ великор. и малор. говорахъ. Въ бѣлор., какъ и въ малор., по этому же склоненію образуютъ падежныя формы множ. ч. имена „конь“ и „грошъ“: коняй, грошай; канём, грашом; коньми, грошми.

§ 101. Во многихъ среднебѣлор. и южнобѣлор. говорахъ уцѣлѣли формы дат. множ. имёнъ существительныхъ муж. р. на *-ом*, рядомъ съ новыми формами на *-ам*: папо́м, брато́м, бацько́м, пастухо́м, жанцо́м, шаццо́м, кавалём, сталяро́м, дубо́м, зубо́м и пр., и: папа́м, брата́м и т. д.

§ 102. Въ тѣхъ же говорахъ распространилась и форма мѣстн. множ. на *-ох*: папо́х, лясо́х, лядо́х, садо́х, дубо́х, питухо́х, брато́х, касцо́х, жанцо́х, капачох, караблёх; отъ имёнъ ср. р. — по болото́х. Сравн. въ грамотахъ 1432 г.: у Троцох, члонкох, роздѣлох, мѣстичох, Минея 1489 г.: о вченикох. На распространеніе этой формы могли вліять а) остатки старой формы на *-ъхъ* склоненія на *-у*: сынох, дубох и т. п.; б) аналогія со стороны

имёнъ съ основою на мягкую, принадлежавшихъ ранѣе къ склоненію на *-i*; в) аналогія со стороны формъ род. и дат. множ. съ гласною *-о*. Рядомъ съ формою на *-ох* существуетъ въ бѣлор. и форма на *-ах*.

§ 103. Род. множ. на *-овъ* кромѣ имёнъ муж. р. стали образовывать многія имена средн. р., обыкновенно, при удареніи на основѣ: варо́тац, пи́сьмац, но вядзёр и пр., а діалектически, главнымъ образомъ, въ юго-зап. говорахъ, и имена женск. р. при удареніи въ другихъ формахъ множ. ч. на основѣ: саро́кац, сёстрац, маладзицац, лиси́цац, но: дачо́к, дзяво́к. Ср. овцовъ въ Библ. кн. XVII в.

§ 104. Большое распространеніе въ бѣлор. получили формы мѣстоименій и прилагательныхъ на *-эй*: тэй, аднэй, сляпэй, другей; по аналогіи съ ними въ нѣкоторыхъ бѣлор. говорахъ стали образовываться и формы твор. ед. имёнъ существительныхъ женск. р. на *-эй*: галавэй и т. п. Первоначально окончаніе *-эй* получалось, быть можетъ, фонетически (?) въ имен. ед. муж. р. вмѣсто *-ый* и въ род. ед. женск. р. вмѣсто *-ыѣ*, а затѣмъ распространилось и на другіе падежи. Ср. такія же окончанія въ великор., гдѣ они являются лишь діалектически въ говорахъ Олонецкой губ. (въ Заонежьѣ) и въ нѣкоторыхъ западныхъ южновеликорусскихъ, повидимому, по происхожденію переходныхъ съ бѣлорусской основой, преимущественно отъ мѣстоименій: тэй, однэй; рѣже—молодэй.

§ 105. Форма мѣстн. ед. муж. и ср. р. мѣстоименій и прилагательныхъ въ значительной части говоровъ, преимущественно среднебѣлор. и сѣвернобѣлор. совпала съ формой твор. ед.: аб адны́м, на тым, на вараны́м конику и т. п. Ср. аналогичное явленіе въ сѣверновеликор. и переходныхъ великор. говоровъ.

5. Малорусскія измѣненія формъ склоненія.

§ 106. *Зват. форма* въ малор. сохранилась, какъ и въ бѣлор.: синку́, добродїю, чоловіче, мамо, жінко и пр.

§ 107. *Свистящія передъ ѣ* въ склоненіи имёнъ съ основою на задненёбную сохранились, какъ и въ бѣлор.: в лузї, у кожусї, на ріцї и пр.

§ 108. *Вин. множ.* Отъ имёнъ лицъ въ малор., какъ и бѣлор. и великор., въ значеніи вин. мн. стала употребляться форма род. мн.: чоловіків, жінок, дочок и пр.; отъ имёнъ животныхъ, по большей части, сохранилась старая форма вин. мн., совпадающая съ имен.: воли, коні, корови и пр., какъ въ бѣлор. (см. § 45).

§ 109. *Судьба формъ двойств. числа.* Старыя формы двойств. на *-а* отъ имёнъ муж. р. при числительныхъ „два", „оба" были утрачены и замѣнены формами имен. множ.: два воли, городи и пр.; за то сохранились формы двойств. на *-ѣ* отъ имёнъ ж. и ср. р.: дві нозї, руцї, відрі рядомъ съ дві ноги, руки, два відра. По аналогіи тѣ же формы стали употребляться и при числительныхъ три и чотири: три корові, чотири селі.

§ 110. *Дат. ед. на -ови, -еви.* Уже въ древнѣйшую эпоху дат. ед. на *-ови* въ южнорусскихъ и нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говорахъ могъ образовываться не только отъ имёнъ, принадлежавшихъ первоначально къ склоненію основъ на -u, но и отъ другихъ имёнъ муж. р. на *-ъ*; по аналогіи съ ними имена на *-ь* могли имѣть форму дат. ед. на *-еви*, ср. въ Мстиславовой грамотѣ 1130 года „Георгиеви" и т. д. Позднѣе въ сѣв.-русскихъ говорахъ эта форма была утрачена, а въ малор. получила большое распространеніе и даже стала употребляться предпочтительно передъ формою на *-у*, ср. нын. украинск.: козакові, дубові, вісові, батькові, ковалеві, коневі, ножеві, богачеві, товаришові и пр., и даже, хотя и рѣдко, отъ имёнъ ср. р. на *-о, -е*: містові, полеві, мореві, сонцеві, життеві и пр. Окончанія *-ови, -еви* въ вост.-малор. говорахъ очень рано, не позже XIV в., нефонетически измѣнились въ *-овѣ, -евѣ*, (откуда нын. *-ові, -еві*), по аналогіи съ *-ѣ* въ дат. ед. личныхъ мѣстоименій и имёнъ женск. рода. На это измѣненіе могутъ указывать формы дат. ед. на *-овѣ, -евѣ* въ нѣкоторыхъ южнорусскихъ памятникахъ XV в. Въ зап.-малор. (точнѣе: сѣв.-малор., зап.-укр., галицкихъ и угорскихъ) говорахъ *и* въ этихъ окончаніяхъ осталось. Кромѣ того, звукъ *е* въ окончаніи *-еві* или *-еви* во многихъ (преимущественно западныхъ) малор. говорахъ нефонетически замѣнёнъ звукомъ *о*, причемъ сосласныя передъ нимъ стали мягкими, если онѣ мягки въ другихъ падежныхъ

формахъ: ковальови, коньови, гостьови, ножови, польови, морьови, життьови и пр. (ср. мягкія согласныя въ коваля, коня и пр.), по аналогіи съ *о* въ козакови, містови и т. п.

§ 111. *Мѣстный ед. имёнъ муж. и ср. р.* Формы мѣстн. ед. на *-ѣ* частью сохранились (съ фонетическимъ измѣненіемъ *ѣ* въ *і*), частью были замѣнены формами на *-у*, которыя, между прочимъ, стали образовываться и отъ имёнъ ср. р. Теперь мѣстн. на *-у* употребляется въ малор. преимущественно отъ имёнъ муж. р. съ суфф. *-ък-* и *-ик-*: в садочку, на хлопчику и т. п., рѣже — отъ основъ на мягкія: в куреню, на звірю и пр. Позднѣе, благодаря совпаденію дат. и мѣстн. на *-у* и, можетъ быть, по аналогіи съ именами женск. р., гдѣ дат. и мѣстн. тоже совпадаютъ, стало возможнымъ употребленіе дат. ед. муж., а діалектически и ср. р. на *-ові, -еві* (или *-ови, -еви*) въ значеніи мѣстн., причемъ отъ нѣкоторыхъ имёнъ формы мѣстн. на *-ові* и т. д. употребляются теперь даже предпочтительно передъ другими формами того-же падежа. Примѣры: украинск.: в вінкові, на батькові, на півневі (пивень — пѣтухъ) и т. п., угорск. синови, польови, житьови и пр. Наконецъ, вслѣдствіе возможности совпаденія дат. и мѣстн. ед. муж. и ср. р. имёнъ существительныхъ, въ сѣв.-малор. и украинскомъ стали употребляться въ значеніи мѣстн. и формы дат. ед. муж. р. мѣстоименій и прилагательныхъ: у всьому городі, в вишневому садочку и пр., рядомъ со старыми формами.

§ 112. *Имен. множ. на -ове.* Формы имен. множ. на *-ове* и, по аналогіи съ ними, на *-еве* отъ основъ на мягкую, повидимому, сохранялись въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ въ XII в. и позднѣе, причемъ употреблялись отъ нѣкоторыхъ имёнъ, принадлежавшихъ, повидимому, еще въ о.-сл. къ склоненію на -ŭ (сюда, мож. быть, относится „борове“ въ Ипат. лѣт. отъ слова „боръ“ — лѣсъ, сосна), а также отъ имёнъ лицъ: попове, татарове, ляхове и пр. Затѣмъ формы на *-ове* отъ имёнъ неодушевлённыхъ предметовъ были утрачены во всёмъ русскомъ яз., а отъ имёнъ лицъ сохранились лишь въ нѣкоторыхъ сѣверномалор. (подляшскихъ), галицкихъ и угорскихъ говорахъ: синове, склепарьове, товаришове, сусідове и т. п. Возможно, что эти формы возникли

уже въ малор. говорахъ подъ вліяніемъ польскаго или словацкаго язз. Въ украинскомъ онѣ неизвѣстны.

§ 113. *Род. мн. именъ существительныхъ.* Род. мн. на *-овъ* (укр. *-ів*, сѣв.-малор. и уг. *-ув*) въ большинствѣ говоровъ теперь образуется только отъ имёнъ муж. р. съ основою какъ на твёрдые, такъ и на мягкіе неслоговые звуки: волів, краïв, ножів, царів и пр. Діалектически формы на *-овъ* стали образовывать и нѣкоторыя имена ср. р., ср. подольск. полів, угорск. морів, ягнятув, и даже, хотя рѣдко, женск. р.: волынск. матерів, но обычно имена средн. и женск. р. не образуютъ род. мн. на *-овъ*. Имена на *-ь* муж. р. типа „гость", „зять" и пр., по большей части стали склоняться такъ-же, какъ и другія имена муж. р. съ основою на мягкіе звуки, т. е. образуютъ род. мн. тоже на *-овъ*: локтів (угорск. локтюв), гостів (гостюв); наоборотъ „конь" и „грошъ" склоняются во множ. по образцу имёнъ женск. р. на *-ь*: коней, грошей (рѣже: конів, грошів). Діалектически въ угорскихъ и др. говорахъ род. множ. на *-ий* стали образовывать имена муж. р. на *-рь*, *-ль*: ліварий, учителий. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ карпатскихъ и угорскихъ говорахъ возникли формы род. множ. на *-ах*: морях, ключах, сонцях, волосях, локтях и пр. по аналогіи съ формами мѣстн. множ. подъ вліяніемъ совпаденія этихъ формъ у мѣстоименій и прилагательныхъ.

§ 114. *Дат. множ. на -омъ (-емъ) и мѣстн. на -ѣхъ и -ъхъ.* Эти формы отъ имёнъ муж. и средн. р. сохранились въ малор. лишь діалектически, главнымъ образомъ въ Прикарпатскихъ и Угорскихъ говорахъ; впрочемъ, форма мѣстн. на *-іх* (=ѣхъ) по большей части вытѣснена формою на *-ох* (=ъхъ): дат. лісум, чоловікум, сынум, конюм, ліварюм, містум, тїлум, морюм, сонцюм, ключум; мѣстн. лісох, чоловікох, сынох, коньох, ліварьох, тілох, сонцьох, ключох (рѣже: лісïх и пр.); въ сѣв.-малор. и украинскомъ формы на *-ум* или *-ім* (изъ -омъ, -емъ) и на *-іх* (изъ -ѣхъ) теперь очень рѣдки, преимущественно отъ нѣкоторыхъ имёнъ съ основою на мягкую: сѣв.-малор. дат. хлопцюм, конюм и пр., украин. хлопцім, конім, грошім, гостім (здѣсь *-ім*—по аналогіи), мѣстн. хлопціх, коніх, грошіх (здѣсь это окончаніе явилось, ко-

нечно, нефонетически), лісіх и лісох. Украинскія формы дат. множ. на *-ем* или *-ом* и мѣстн. на *-ех* или *-ох* отъ именъ: коні, гроші, гості и т. п. см. ниже.

§ 115. *Судьба формъ род. ед. имёнъ женск. р. и имен.-вин. множ. муж. и женск. р. на -ѣ (изъ о.-сл. ѧ носового).* Эти формы вообще въ малор. сохранились повсемѣстно: украинск. род. ед. землї, динї, бурі, им. мн. землї и пр., конї, ковалі, князї, сѣв.-малор. род. ед. земліе..., им. мн. клуніе, пісніе, ножіе, купціе. По аналогіи съ конѣ, мужѣ и т. п. имен.-вин. на *-ѣ* въ малор. сталъ образовываться и отъ другихъ имёнъ муж. р. съ основой на мягкія согласныя; ср. украинск. звірі, ведмеді, гості, гвоздї (рѣже—со старымъ *-и*: гости, гвозди) и т. п. Діалектически окончаніе *-і* (= стар. *ѣ*) стало употребляться и отъ имёнъ женск. р. на -ь, преимущественно въ имен. множ.: ночі, кості и т. п.

§ 116. *Твор. ед. имёнъ женск. р.* Окончаніе *-ою*, *-ею* діалектически распространилось на имена ж. р. на -ь: при обычномъ восточноукраинск. ніччу, річчу, сіллю (= солью) и т. п. на западѣ, преимущественно, въ угорскихъ и прикарпатскихъ говорахъ, рѣже въ галицкихъ и западномалор. говорятъ также: ночою (Подольск. губ.), костею и костьою и т. п. Въ нѣкоторыхъ угорскихъ и прикарпатскихъ говорахъ окончаніе *-ою* вслѣдствіе выпаденія ḭ между гласными измѣнились въ *оу* съ *у* неслоговымъ: бойк. жоноў, рукоў, дыньоў, кустьоў, любовйоў и т. п. (*у* въ кустьоў изъ болѣе ранней формы кустю, ср. украин. кістю). Изъ этого *-оу* въ говорѣ лемковъ получилось *-ом*: жоном, руком, дыньом, землъом, честьом и пр.

§ 117. *Формы множ. ч. склоненія на -і.* Слова муж. р. этого склоненія въ малор. по большей части утратили старыя падежныя формы, замѣнивъ ихъ другими, ср. украинск. род. мн. зьвірів, ведмедів, дат. зьвірям, ведмедям, гостям, твор. зьвірями, ведмедями, гостями и пр. Какъ архаизмъ, сохранились только старыя формы имен.-вин., род. и твор. множ. имёнъ: гости, гвозди, (при обычныхъ: гості, гвозді), люди (и люде), род. гостей, гвоздей, людей, твор. людьми, рѣже: гістьми, гвіздьми; по аналогіи съ этими именами стали образовывать косв. падд. имена коні, гроші: род. коней, грошей, твор. кіньми (уг. куньми), грішми (уг. грушми);

діалектически тѣ же окончанія теперь встрѣчаются и отъ другихъ именъ съ основою на мягкую и шипящую, но рѣдко. Слова ж. р. по большей части сохранили изъ старыхъ формъ только формы имен. и род. множ.: кости и пр. (сюда же: дїти), род. костей, дїтей и пр.; въ остальныхъ же падежахъ получили окончанія *-ам, -ами, -ах*, по аналогіи съ именами на *-а*: костям, костями, костях. Старая форма твор. множ. на *-ми* стала употребляться значительно рѣже, чѣмъ новая на *-ами*, хотя и сохранилась почти повсемѣстно: укр. кістьми и пр., уг. кустьми и пр. Формы дат. множ. на *-ем* и *-ом* (изъ общер. *-ьмъ*) и мѣстн. *-ех* и *-ох* (изъ общер. *-ьхъ*) сохранились лишь діалектически и то при болѣе частыхъ формахъ на *-ам, -ах*: вост.-укр. гостем, людем, костем и пр., костех и т. д., сѣв.-малор. и зап.-укр. гостьом, людьом, коньом, костьом, гостьох, людьох, коньох, дїтьох и пр. Встрѣчаются также въ укр. формы дат. мн. на *-ім*: дверім, сїнїм, рѣже — мѣстн. на *-іх*: грудїх.

§ 118. *Звуки е и о послѣ мягкихъ въ окончаніяхъ падежныхъ формъ.* Звукъ *е* въ окончаніяхъ падежныхъ формъ (но не въ концѣ слова) во многихъ малор. говорахъ, преимущественно въ зап.-малор., нефонетически замѣнился звукомъ *о* съ мягкою или шипящею согласною передъ нимъ, ср. вост.-малор. коневі, богачеві, ковалем, землею и т. п., зап.-малор. коньови, богачови, ковальом, земльою и пр. по аналогіи съ основами на твердыя, какъ напр. чоловікови, волом, рукою и пр.

§ 119. *Склоненіе именъ съ о.-сл. основой на -ę, -ęt-.* Въ малор. формы этого склоненія сохранились съ небольшими измѣненіями: въ род. ед. окончаніе *-ate* замѣнилось окончаніемъ *-ати* (повидимому, еще въ о.-р. эпоху), хотя діалектически является и *-ате*: теляти и теляте; въ дат. и мѣстн. ед. окончаніе *-ати* въ однихъ говорахъ и *-аті*—въ другихъ; въ послѣднемъ случаѣ *і*— по аналогіи съ именами женск. р.: теляти и теляті. Въ твор. ед. окончаніе *-ем* (-атем) нефонетически въ западныхъ говорахъ замѣнилось *-ом* (-атьом и -атом): телятем (вост.), телятьом и телятом; возникли также формы, образованныя непосредственно отъ основы имен.-вин. пад.: телям, ягням.

§ 120. *Имен. ед. прилагательныхъ.* Окончаніе имен. ед. муж. р. *-ый, -ій* вообще сохранилось безъ измѣненія, но конечное i̯ послѣ *ы* или *и* во многихъ говорахъ можетъ отпадать: добрий, синий и добри, сини. Въ именит. единств. женск. р. вслѣдствіе выпаденія i̯ между двумя *а* получилась стяжённая форма: добра, біла и пр. (ср. въ вин. ед. ж. р. добру, білу), хотя діалектически сохраняются кое-гдѣ и нестяжённыя формы на аі̯а. Въ имен. ед. ср. р. въ большей части малор. говоровъ вслѣдствіе выпаденія i̯ въ окончаніи -оі̯е или -еі̯е получилось стяженіе, причемъ *-ое* и *-ее* перешли въ *-е*: добре, біле и пр.; рядомъ съ этими формами сохранились и нестяжённыя: доброе, білое, чаще добрее, білее. Въ угорскихъ и нѣкоторыхъ прикарпатскихъ говорахъ вмѣсто украинскаго *-е* получилось въ имен. ед. прилагательныхъ ср. р. окончаніе *-ой*, очевидно, изъ *-оі̯е* послѣ выпаденія i̯ черезъ посредство *ое* съ *е* неслоговымъ: доброй, бідной, такой: такой чудо, слово Божой и т. п.

§ 121. *Род. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. прилагательныхъ.* Въ малор. сохранились старыя формы на *-оѣ, -еѣ* (см. выше § 41, 4), откуда нынѣшнія украинскія формы на *-ої, -еї*: доброї, синеї. Въ дат.-мѣстн. ед. женск. р. фонетически изъ о.-р. -оі̯ получилось въ украинскомъ *-ій* откуда одно *-і*: добрі и пр.; въ сѣв.-малор. и угорск. *-уй*: добруй и пр.

§ 122. *Склоненіе числительныхъ.* Числительныя отъ пяти до десяти и сложныя съ „десять" въ малор., какъ и въ бѣлор., стали образовывать падежныя формы по мѣстоименному склоненію и согласоваться въ числѣ съ опредѣляемыми ими словами: пятьох (род.-мѣстн.), пятьом, пятьма и пр.; впрочемъ, сохраняются и старыя формы: пяти, шести и пр.

Исторія формъ спряженія въ русскомъ языкѣ.

1. Формы спряженія, перешедшія въ русскій языкъ изъ общесловянскаго.

§ 123. Въ словахъ общесловянскаго и общерусскаго языковъ, называемыхъ въ грамматикахъ глаголами, слѣдуетъ различать собственно глаголы, т. е. спрягаемыя слова, и тѣ глагольныя слова, которыя, имѣя основу, общую съ основами формъ спряженія, не являются сами формами спряженія. Къ такимъ глагольнымъ словамъ относятся а) причастія, б) инфинитивы, называемые „неопредѣленнымъ наклоненіемъ", хотя по значенію инфинитивъ не имѣетъ ничего общаго съ формами наклоненія въ глаголахъ, и в) супины, называемые неточно „достигательнымъ наклоненіемъ"; уже на почвѣ русскаго языка позднѣе развилась новая категорія глагольныхъ словъ—такъ наз. „дѣепричастія", т. е. отглагольныя нарѣчія. Нѣкоторыя причастія, а также инфинитивы, не будучи сами по себѣ формами спряженія, еще въ о.-сл. входили въ составъ сложныхъ или описательныхъ формъ спряженія.

§ 124. Формы спряженія, перешедшія въ общерусскій языкъ изъ о.-сл., состояли изъ формъ лица съ ихъ различіями по числу и формъ сказуемости, т. е. наклоненія и времени. Формами лица въ глаголахъ обозначалось отношеніе признака, выраженнаго глагольной основой, къ извѣстному лицу рѣчи; приэтомъ глаголъ въ формахъ 1-го и 2-го лица всѣхъ трехъ чиселъ (единств., двойств. и множ.) не предполагалъ при себѣ въ качествѣ подлежащаго слова, обозначающаго 1-е или 2-е лицо рѣчи,—такъ какъ эти лица подразумѣвались уже самой формой 1-го или 2-го лица глагола: наприм. о.-сл. „дамь", „даси" по значенію совпадали съ нынѣшними русскими: „я дамъ", „ты дашь". Формами сказуемости

въ глаголѣ называются такія формы, которыя дѣлаютъ его грамматическимъ сказуемымъ, т. е. обозначаютъ предметъ мысли, обозначенный основою глагола, въ открываемомъ мыслью сочетаніи его съ другимъ предметомъ мысли. Къ формамъ сказуемости въ глаголѣ о.-сл. яз. принадлежали формы наклоненій: изъявительнаго и двухъ косвенныхъ: повелительнаго и условнаго, и формы времени: настоящаго, аориста, имперфекта, прошедшаго сложнаго или перфекта, преждепрошедшаго или Plusquamperfect'а, будущаго 1-го и будущаго 2-го (условнаго).

§ 125. Что касается формъ залога и вида, то эти формы по своему значенію являются формами не словоизмѣненія, а словообразованія, но въ о.-сл. яз. въ связи съ различіями по залогамъ и по видамъ стояли и извѣстныя различія въ образованіи и значеніи самихъ формъ спряженія. Изъ формъ залога въ о.-сл. яз., въ эпоху его распаденія, сохранялись полностью лишь формы залога дѣйствительнаго; глаголы, имѣвшіе эти формы, по значенію были частью переходными, частью непереходными. Кромѣ формъ дѣйств. залога въ общерусскій яз. перешли изъ о.-сл. причастія наст. и прош. врем. страд. залога. Отсутствіе формъ спряженія возвр. и страд. залоговъ возмѣщалось описательными выраженіями: 1) сочетаніемъ формъ дѣйств. залога съ возвратнымъ мѣстоименіемъ въ вин. пад. -sę — для обозначенія прямого возвратнаго дѣйствія и въ дат. пад. -si — для обозначенія непрямого возвратнаго дѣйствія; 2) сочетаніемъ причастій страд. залога съ формами спряженія вспомогательнаго глагола *byti для описанія страд. залога. Описательная форма возвр. залога уже въ о.-сл. могла получать значеніе страдательнаго.

Видовыя значенія въ глагольныя основы въ о.-сл. вносились различнымъ образомъ: или 1) извѣстными словообразовательными суффиксами, или 2) сложеніемъ простыхъ глагольныхъ основъ съ приставками. Въ случаяхъ перваго рода въ зависимости отъ присутствія или отсутствія тѣхъ или другихъ суффиксовъ въ глагольныхъ основахъ различались формы вида кратнаго и некратнаго съ извѣстными подраздѣленіями. Во второмъ случаѣ, въ глаголахъ, сложенныхъ съ приставками, эти приставки могли измѣнять зна-

ченіе несовершеннаго вида простыхъ основъ въ значеніе вида совершеннаго, внося приэтомъ и другія, невидовыя измѣненія въ значеніе простыхъ основъ.

О видахъ славянскихъ и, въ частности, русскихъ глаголовъ см. изслѣдованія: *Г. К. Ульяновъ*, Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ, II. Основы, обозначающія различія по видамъ. Варш. 1895; 341 стр.; *Ф. Ѳ. Фортунатовъ*, Критическій разборъ сочиненія Г. К. Ульянова... Спб. 1897 (Сборникъ Отдѣл. русск. яз. и словесн. Импер. Академіи Наукъ, т. LXIV); *его-же* замѣчанія по поводу книги Агрелля въ Отчетѣ Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ за 1910 г., стр. 15—19.

§ 126. Всѣ глаголы о.-сл. языка можно раздѣлить на 2 класса, унаслѣдованные имъ отъ о.-индоевроп. яз.: а) глаголы нетематическаго спряженія, у которыхъ окончанія личныхъ формъ наст. врем. присоединялись непосредственно къ непроизводной основѣ; это—глаголы *jesmь, *ѣmь, *damь, *vѣmь, *imamь; и б) глаголы тематическаго спряженія, у которыхъ передъ окончаніемъ почти всѣхъ личныхъ формъ настоящаго времени (кромѣ 1-го л. ед. и 3 множ.) являлись гласныя *e* или *i*, представлявшія первоначально суффиксы основы наст. врем.: 2-е л. ед. *nes*e*ši (-ь), *xval*i*ši (-ь), 3-е л.: *nes*e*tь, *xval*i*tь и пр. По характеру этой гласной въ глаголахъ тематическаго спряженія въ о.-сл. можно различать, какъ и въ нынѣшнемъ русскомъ яз., тоже 2 класса: 1-е тематическое спряженіе, съ гласной *e*, и 2-е тематическое спряженіе, съ гласной *i*.

Бо́льшая часть глаголовъ образовывала формы спряженія, а также инфинитивы, супины и причастія отъ двухъ основъ, называемыхъ а) основой настоящаго времени и б) основой инфинитива; эти двѣ основы различались между собой или суффиксами основы или характеромъ гласной основы или и тѣмъ и другимъ; часть глаголовъ имѣла одну и ту-же основу наст. врем. и инфинитива. По присутствію или отсутствію различій между этими основами и по самому характеру этихъ различій глаголы могутъ быть раздѣлены на нѣсколько классовъ. Не перечисляя этихъ классовъ, укажу, что въ тѣхъ случаяхъ, когда основы различались только по характеру гласной, въ основѣ наст. врем. могла быть или болѣе краткая гласная, чѣмъ въ основѣ инфинитива: *mьrǫ, инф.

*merti, или носовая гласная при неносовой въ основѣ инфинитива: *lęgǫ (русск. лягу), *sędǫ (русск. сяду), ср. аористъ (образов. отъ инфинитивной основы)—*legoxъ, *sědoxъ и пр. Если же основы различались суффиксами, то въ 1-мъ тематическомъ спряженіи основа настоящаго времени отличалась отъ инфинитивной или присутствіемъ суффикса j, отсутствовавшаго въ основѣ инфинитива: *znajǫ (русск. знаю)—*znati, *kol'ǫ (изъ *koljǫ, русск. колю)—*kolti (р. колоть) и т. п., или отсутствіемъ суффикса *-a-*, присутствовавшаго въ инфинитивной основѣ: *rъvǫ (р. рву)—*rъvati, *dějǫ—dějati и т. п., или же и тѣмъ и другимъ: *plačǫ (изъ *plakjǫ, р. плачу)—*plakati, *or'ǫ (изъ *orjǫ, р. орю)—*orati, *pirujǫ (изъ *piroujǫ, р. пирую)—*pirovati. Глаголы съ суфф. *-n-* (изъ о.-индоевр. ne—no) въ основѣ наст. врем. имѣли основу инфинитива или безъ этого суфф. *stanǫ—*stati, *dvignǫ (или *dvinǫ, р. двину)—аористъ: *dvigъ, *dvigoxъ, или съ суфф. nǫ: *dvignǫti (dvinǫti). Глаголы съ основой наст. врем. на согласную и основой инфинитива на *-a-* могли въ этой основѣ имѣть гласную болѣе краткую, чѣмъ въ основѣ наст. врем.: *berǫ (р. беру)—*bьrati (р. брать) и т. п. Глаголы 2-го спряженія образовывали основу инфинитива съ суфф. *-i-*, *-ѣ-* и *-a-* (одинъ глаголъ *sъpati), а въ основѣ наст. вр. имѣли суфф. *j* передъ гласными и *i* передъ согласными звуками личныхъ окончаній.

§ 127. Отъ основы наст. врем. образовывались кромѣ формъ настоящаго времени также формы повелит. наклоненія и причастія наст. врем. дѣйств. и страд. залога; отъ основы инфинитива—формы аориста и имперфекта, а также инфинитивъ, супинъ и причастія прошедшаго врем. дѣйствит. и страд. залога.

§ 128. *Личныя формы настоящаго времени* имѣли въ о.-сл. слѣдующія окончанія: Ед. ч. 1 л. отъ глаголовъ нетематическаго спряженія -mь, отъ глаголовъ тематическаго спряженія -ǫ (безъ тематической гласной передъ этимъ окончаніемъ): *damь, *imamь, *berǫ, *xval'ǫ; въ остальныхъ формахъ кромѣ 3 л. множ. въ тематическомъ спряженіи передъ окончаніями были гласныя *-e-*, *-i-*; 2 л. отъ глаголовъ нетематич. спряженія съ первоначальной основой на согласную—-si, отъ остальныхъ—-ši или -šь: *dasi,

*imaši (-ь), *berеši (-ь) и пр.; 3 л. -tь (и -tъ); это окончаніе у глаголовъ тематическаго спряженія и у глагола *jesmь могло отсутствовать: *dastь, *imatь, *jestь, *beretь, *xvalitь и *je, *bere, *xvali. Двойств. ч. 1 л. -vѣ, 2 л. -ta, 3 л. -ta и -te (-tѣ?). Множ. ч. 1 л. -mъ, -mo, -me; 2 л. -te; 3 л. отъ глаголовъ 1-го тематич. спряженія -ǫtь (и -ǫtъ): *berǫtь и т. п., отъ глаголовъ 2-го тематич. спряженія -ętь (и -ętъ): *xvalętь; отъ глаголовъ нетематич. спряженія эти формы были слѣдующія: *sǫtь, *ědętь, *dadętь, *vědętь, *imǫtь; окончаніе -tь въ 3 л. множ., по крайней мѣрѣ, тематическихъ глаголовъ и глагола *jesmь, могло отсутствовать.

§ 129. Въ русскихъ памятникахъ съ XIV в. встрѣчается нерѣдко форма 1 л. ед. „есми“ (Грам. Андрея Полоцкаго до 1399 г., Двинскія грам. XV в. и др.) повидимому, эта форма съ конечнымъ -*і* перешла въ о.-р. яз. изъ о.-сл., гдѣ она, можетъ быть, являлась вмѣсто формы „jesmь“ въ положеніи передъ *і*.

§ 130. Форма 2-го л. ед. у глаголовъ тематическаго спряженія и глагола *imaтъ въ о.-сл., повидимому, являлась, какъ съ окончаніемъ -ši, перешедшимъ въ ст.-сл. яз., такъ и съ окончаніемъ -šь, на которое указываютъ всѣ остальные словянскіе языки, въ томъ числѣ и русскій, имѣющіе въ этой формѣ только окончаніе -š, ср. польское niesiesz, masz, чешск. neseš и пр., сербск. несеш, болг. несешъ, дадешъ и пр. Формы съ окончаніемъ -*ши*, впрочемъ, сохранились въ одномъ изъ малор. прикарпатскихъ говоровъ; въ остальныхъ же великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ теперь извѣстны только формы на -*ш*, восходящія къ старымъ формамъ на -*шь*. Въ древнерусскихъ церковныхъ памятникахъ въ силу церковной и книжной традиціи обычны формы на -*ши*, а формы на -*шь* сравнительно рѣдки; древнѣйшіе примѣры — XII—XIII в. (тружаешь—Еванг. XII в. Кіевскаго Музея, прѣтъкнешь—Еванг. Румянц. Муз. № 104, XII—XIII в.; низъвецешь я 87 об., забудешь мя 15, попрешь лва 147—Типогр. Псалтырь XIII в. № 27 и др.; довольно часты формы на -*шь* въ сѣвернорусскомъ спискѣ Кормчей 1282 г.: будешь, переступишь, стоишь и мн. др.); но въ грамотахъ и другихъ памятникахъ нецерковнаго письма съ XIII в. (до XIII в.

формы 2-го л. ед. въ такихъ памятникахъ вовсе не встрѣчаются) обычны формы на *-шъ*, а формы на *-ши* являются очень рѣдко, очевидно, подъ вліяніемъ церковнаго письма: посулишь—Смол. грам. 1229 г., будешь, поѣдешь—Новгор. грам. 1304 г. и т. д.

§ 131. На о.-сл. -tь въ окончаніи 3-го л. ед. и множ. указываетъ русскій языкъ: въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ и церковнаго и дѣлового письма эти формы пишутся почти исключительно съ окончаніемъ *-ть*; къ о.-сл. -tь слѣдуетъ также возводить не только *-т* мягкое въ окончаніи 3-го л. въ вост.-малор. и ю.-великор. и *-ц* мягкое въ бѣлор., но и *-т* твёрдое въ сѣв.-великор. и зап.-малор., въ виду показаній древнихъ сѣв.-русскихъ и ю.-русскихъ памятниковъ, знающихъ только *-ть*; это *-т* твёрдое объясняется позднѣйшимъ отвердѣніемъ конечныхъ согласныхъ. Въ ст.-сл. формы 3-го л. съ окончаніемъ *-ть* являлись лишь діалектически только отъ глаголовъ нетематическихъ и, можетъ быть, отъ глаголовъ 2-го тематическаго спряженія въ ед. ч. [1]); впрочемъ, въ нѣкоторыхъ ст.-сл. говорахъ, повидимому, были употребительны формы на *-ть* отъ всѣхъ глаголовъ; представителями этихъ говоровъ являлись недошедшіе до насъ оригиналы старословянскихъ памятниковъ русскаго извода (Остромир. Еванг. и др.). Въ остальныхъ случаяхъ формы 3-го л. ед. и множ. ч. наст. врем. въ ст.-сл. памятникахъ являются только съ окончаніемъ -тъ, которое можно возводить къ о.-сл. діалектическому -tъ. Нынѣшнее болгарское *-тъ* въ окончаніи 3-го л. множ. и, частью, ед. ч. наст. врем. можетъ восходить и къ о.-сл. -tъ и къ о.-сл. -tь. Остальнымъ словянскимъ языкамъ тѣ-же формы извѣстны издавна

---

1) Интересно отмѣтить, что *-ть* въ этихъ ст.-сл. говорахъ являлось именно въ той категоріи глаголовъ, въ которой русскій языкъ знаетъ только формы съ окончаніемъ *-ть* (или *-т*): ср. §§ 166, 184, 194; тѣ-же глаголы, которые въ русскомъ яз. могутъ имѣть 3 ед. безъ *-т*, въ этихъ говорахъ являлись только съ окончаніемъ -тъ. Повидимому, эти ст.-сл. и русскіе говоры одинаково восходятъ къ такимъ говорамъ о.-сл. яз., въ которыхъ окончаніе -tь могло отсутствовать въ ед. ч. именно у тематическихъ глаголовъ 1-го спряженія. Если такъ, то это соотношеніе между русскими и нѣкоторыми ст.-сл. говорами служитъ подтвержденіемъ мнѣнія акад. Ф. Ф. Фортунатова (Старославянское -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ—Изв. Отд. р. яз. и слов. 1908, 2), что ст.-сл. тъ восходитъ къ о.-сл. -tъ изъ ta^{o}s, приставлявшагося первоначально только къ формамъ 3 л. съ суфф. -t, отпадавшимъ въ этой формѣ фонетически, но не съ суфф. -ti.

только безъ окончанія (-tь или -tъ) кромѣ 3-го л. ед. „есть" (срб. јест, польск. jest и пр.). Формы безъ -tь отъ глагола *jesmь и глаголовъ тематическаго спряженія перешли, между прочимъ, изъ о.-сл. и въ нѣкоторые говоры ст.-сл. языка (ср. формы безъ -тъ въ Супр. рукоп.) и въ русскій языкъ. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ церковнаго письма формы безъ *-тъ* очень рѣдки: напише—запись Остром. Еванг., обращє—запись Минеи 1095 г., ѥ, буде, умираѥ, боли, соу и пр. Изборн. 1073 г.; что ѥ тебѣ 22, приде 22 об. 1 поч. Арх. Ев.; въ лѣтописяхъ и грамотахъ чаще; теперь такія формы употребительны въ малор. и части бѣлор. и великор. (сѣверныхъ и южныхъ) говоровъ.

Окончаніе -tь передъ *і* еще въ о.-сл. могло фонетически измѣняться въ -ti; формы на -ti въ этомъ положеніи перешли и въ русскій яз. и встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ, преимущественно южныхъ, наприм. въ 1 поч. Арх. Ев. ѥмлети и 57, дасти и 51, оубиюти и 38 об. и др.; въ Усп. Сб. и др.

§ 132. Форма 1 л. множ. въ о.-сл. могла оканчиваться на -mъ, -mo, -me и -my. Окончаніе -mъ перешло изъ о.-сл. между прочимъ въ ст.-сл. и русскій яз., ср. ст.-сл. ѥсмъ, дамъ, несемъ, хвалимъ и пр., русск. несемъ, хвалимъ и т. п.; окончаніе -mo — въ сербскій и словенскій язз. и въ южные говоры о.-русскаго яз., ср. нын. малор. дамо, ї̈мо, несемо и т. п.; окончаніе -me — въ чешскій, словацкій и болгарскій язз., а также, по крайней мѣрѣ, въ формѣ „jesme" (1 мн. отъ глагола jesmь) — въ сѣверные говоры о.-русскаго яз. Окончаніе -my, являющееся теперь въ польскомъ и лужицкихъ язз. и извѣстное также памятникамъ ст.-слов. и древне-русскаго язз., первоначально, вѣроятно, являлось только передъ *і*, вслѣдствіе фонетическаго измѣненія конечнаго *ъ*, какъ показываютъ нѣкоторые ст.-сл. и древне-русскіе памятники, въ которыхъ формы на *-мꙑ* употребляются именно въ этомъ положеніи (ср. въ 1 поч. Арх. Ев. оубиѥмꙑ и 43), хотя въ другихъ памятникахъ окончаніе *-мꙑ* является и независимо отъ этого положенія.

Наиболѣе обычнымъ окончаніемъ 1 л. множ. въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ и церковнаго и дѣлового письма является *-мъ*, какъ и въ ст.-сл. Формы на *-мо* нерѣдки въ ю.-русскихъ и

зап.-русскихъ памятникахъ съ XIV в. и обычны въ нын. малор. и бѣлор. рядомъ съ формами на *-м*. Форма „юсме“ въ сѣв.-русскихъ памятникахъ — съ XIII в. (сѣв.-р. Хлудовскій Прологъ 1262 г., новгор. грам. 1265 г. и позднѣе). Формы на *-мы* въ нын. русскомъ яз. не сохранились, но еще въ XIII и XIV вв. встрѣчаются какъ въ церковныхъ памятникахъ, такъ и въ грамотахъ; при этомъ не передъ *і*—преимущественно отъ нетемат. глаголовъ: дамы, продамы—грам. рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г., а то юсмы положили—дог. Тверского кн. Мих. Ал. съ Новгородомъ ок. 1370 г., дали есмы—ю.-р. грам. Панка 1387 г.

§ 133. *Повелительное наклоненіе* образовывалось отъ основы наст. врем. и имѣло формы всѣхъ лицъ кромѣ 1-го л. ед. и 3 л. множ. Форма 2 и 3 л. ед. отъ нетематич. глаголовъ: *bǫdi, *ědjь, *dadjь, *vědjь; такъ же образовывалась форма 2 и 3 л. ед. повелит. отъ глагола *viděti: *vidjь, ср. ст.-сл. бѫди, ѣждь или іаждь, даждь, вѣждь, виждь, др.-русск. буди, ѣжь, дажь, вѣжь, вижь; отъ остальныхъ глаголовъ форма 2-го и 3 л. ед. имѣла суффиксъ *-і*: *nesi, *znaji, *piši, *xvali и пр. Остальныя формы повелит. наклоненія имѣли передъ окончаніями суффиксъ *-ѣ-* у глаголовъ 1-го тематическаго спряженія съ основою на твёрдую согласную: *nesěmъ, *nesěte и пр., и суфф. *-і-* у остальныхъ глаголовъ: *pišimъ, *znajimъ, *xvalimъ. У глаголовъ нетематич. спряженія окончанія присоединялись къ основамъ: *bǫdě-, *ědi-, *dadi-, *vědi-. Окончанія—тѣ же, что и въ наст. врем.: 1 дв. -vě, 2 и 3 дв. -ta, 1 мн. -mъ, -mo, -me; 2 мн. -te. Согласныя задненёбныя передъ суфф. *-і* въ ед. и передъ *-ѣ-* въ дв. и множ. переходили въ свистящія: *рьci, *рьcěte и пр. Форма 2 и 3 ед. впослѣдствіи утратила значеніе 3-го л. и сохранилась лишь, какъ форма повелит. 2 ед.

§ 134. *Аористъ* въ о.-сл. образовывался отъ инфинитивной основы; при этомъ различались двѣ формы аориста: а) аор. простой, личныя формы котораго образовывались черезъ присоединеніе личныхъ окончаній непосредственно къ инфинитивной основѣ, и б) аор. сигматическій, образовывавшійся съ помощью суфф. *-s-*. Простой аористъ образовывался только отъ глаголовъ тематиче-

скаго спряженія съ основою на согласную несонорную и отъ глаголовъ съ суфф. -nǫ-, отпадавшимъ въ этой формѣ. Тѣ же глаголы имѣли и формы аориста сигматическаго; остальные глаголы образовывали только сигматическій аористъ. Въ эпоху распаденія о.-сл. формы аор. простого отъ упомянутыхъ глаголовъ, кромѣ формъ 2-го и 3-го л. ед., были, повидимому, менѣе употребительны, чѣмъ фф. сигматическаго, тк. к. въ большей части славянскихъ языковъ утрачены еще въ доисторическую эпоху. Сигматич. аор. въ эпоху распаденія о.-сл. образовывался отъ основъ на гласную и согласную сонорную черезъ присоединеніе суфф. -s- (съ его фонетическими измѣненіями въ x и š) непосредственно къ инфинитивной основѣ, а отъ основъ на согласную несонорную двоякимъ способомъ: 1) или непосредственно къ основѣ съ удлиненіемъ гласной основы: *čisъ (отъ *čьtǫ), *basъ (отъ *bodǫ), *nѣsъ (отъ nesǫ), *rѣxъ (отъ *rekǫ) и др., или 2) съ помощью тематической гласной *-o-*: *čьtoxъ, *bodoxъ, *nesoxъ, *rekoxъ. Глаголы нетематическаго спряженія по образованію аориста не отличались отъ тематическихъ: *byxъ, *daxъ, *vѣdѣxъ, *ѣsъ и *ѣdoxъ (при инфинитивахъ: *byti, *dati, *vѣdѣti, *ѣsti), вмѣсто *ѣsъ, *ѣsę еще въ говорахъ о.-сл. яз. могло являться *ѣxъ, *ѣšę по аналогіи съ аористами на *-хъ*. Глаголъ *dati, быть можетъ, еще въ говорахъ о.-сл. яз. могъ образовывать форму аориста также отъ основы наст. врем.: *dadoxъ, 2 л. *dade, сохранившуюся въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ и извѣстную также изъ старыхъ памятниковъ чешскаго яз. и позднихъ церковно-славянскихъ памятниковъ русскаго извода (въ послѣднихъ —только въ формѣ 2 и 3 л. ед.).

Русскимъ языкомъ изъ о.-сл. несомнѣнно были получены только формы аориста сигматическаго, при этомъ отъ глаголовъ съ основою на согласную—только формы съ тематической гласною *-o-* [1]: чьтохъ, несохъ и пр., кромѣ формъ 2 и 3 л. ед., которыя образовывались въ древне-русскомъ такъ же, какъ въ ст.-сл., и представляли собою формы аориста простого (несигматическаго). Что касается остальныхъ формъ аориста несигматическаго и

[1]) Впрочемъ, отъ глаг. „ѣсти" въ древнихъ русскихъ памятникахъ встрѣчаются и формы ѣхъ, изъѣ, ѣша при обычныхъ ѣдохъ, съѣде, ѣдоша.

аориста сигматическаго отъ основъ на согласныя безъ тематической гласной *o*, то въ русскихъ оригинальныхъ памятникахъ онѣ вовсе не встрѣчаются, а въ русскихъ спискахъ со ст.-сл. оригиналовъ очень рѣдко.

§ 135. Разсмотрю только тѣ формы аориста, которыя несомнѣнно перешли въ русскій яз. изъ о.-сл. Личныя окончанія сигматическаго аориста съ гласной или сонорной согласной передъ суффиксомъ -s- аориста въ о.-сл. были слѣдующія (разсматриваю эти окончанія вмѣстѣ съ суфф. -s- или -os-): Ед. ч. 1 л. -sъ, -хъ, -охъ; 2 и 3 л. -e, если основа оканчивалась на согласную несонорную: *nese, *reče и пр.; если же основа оканчивалась на согласную сонорную или на гласную, то форма 2 и 3 л. ед. совпадала съ основой: *da, *zna, *bi, *vidѣ, *xvali, *ję, (*kol, *mer) и пр. Дв. ч.: 1 л. — sovѣ, -xovѣ, -oxovѣ: *jęsovѣ, *daxovѣ, *nesoxovѣ; 2 и 3 л. -sta, -osta. Мн. ч. 1 л. -somъ, -xomъ, -oxomъ; рядомъ съ -mъ въ этомъ окончаніи являлось также -mo, -me, -my, 2 л. -ste, -oste; 3 л. -sę, -šę, -ošę: jęsę, dašę, vedošę. Звукъ *s* въ окончаніяхъ 1 л. ед., дв. и множ. и 3 мн. являлся только въ образованіяхъ аориста безъ соединительной гласной *o* отъ основъ на согласную неплавную и на ę, причёмъ отъ основъ на ę формы съ *s* уже въ говорахъ о.-сл. яз. замѣнялись формами съ *x* и š по аналогіи съ формами аориста другихъ глаголовъ; въ ст.-сл. яз. перешли и тѣ и другія: ѩсъ, ѩсомъ, ѩсѧ и ѩхъ, ѩхомъ, ѩшѧ и т. п., но въ древнерусскихъ памятникахъ встрѣчаются только формы съ *x* и *ш*: възѧхъ, приѩхомъ, начаша и т. п.

§ 136. Къ односложнымъ фф. 2 и 3 ед. аор. еще въ говорахъ о.-сл. яз. могло присоединяться окончаніе *-tъ*, ср. ст.-сл. ѥстъ, дастъ, бꙑстъ (въ дастъ и бꙑстъ *-с-* по аналогіи съ ѥстъ), питъ, поѩтъ и др. Въ русскихъ памятникахъ обычны формы безъ этого окончанія: бы, да, изъѣ, нача, възя и т. п., но въ памятникахъ церковнаго и литературнаго характера, между прочимъ, въ оригинальныхъ житіяхъ и лѣтописяхъ встрѣчаются формы 2 и 3 л. аор. отъ нетематическихъ глаголовъ на *-стъ*: бысть, дасть, съѣсть, а въ нѣкоторыхъ памятникахъ — и формы на *-тъ* отъ глаголовъ тематич. спряженія: приѧтъ 30 об., начатъ 30, оумрѣтъ 62 об. и

мн. др. — Житіе Феодосія Печ. по списку XII в. Повидимому, и тѣ и другія формы были заимствованы изъ ст.-сл. яз., а -ь въ окончаніи *-сть* явилось по аналогіи съ *ь* въ наст. врем.

§ 137. *Имперфектъ* въ о.-сл. образовывался двумя способами: 1) черезъ присоединеніе окончаній *-ахъ*, *-aše* и пр. къ инфинитивной основѣ, если эта основа оканчивалась на гласныя *-а* или *-ѣ*; 2) черезъ присоединеніе окончаній *-ѣахъ*, *ѣaše* и пр. къ основѣ настоящ. врем. въ остальныхъ случаяхъ. Окончаніе *-ѣахъ* измѣнялось въ *-аахъ*, если основа инфин. оканчивалась на мягкій неслоговой звукъ или на задненёбную согласную вслѣдствіе перехода этой согласной передъ гласною передняго ряда въ шипящую. Этотъ переходъ показываетъ, что *-ѣ-* въ окончаніи имперф.—изъ болѣе ранняго ē, а не *oį*, и что форма имперфекта въ о.-сл. возникла до того времени, какъ дифтонгъ oį измѣнился въ гласную передняго ряда. Нетематическіе глаголы *byti, *ěsti, *věděti образовывали имперфектъ отъ основъ *b-, *ěd-, *vědě-: *běахъ, *ěděахъ, *věděахъ и пр. О.-сл. образованія имперф. сохранились въ ст.-сл. яз., а въ русскомъ еще въ доисторическую эпоху претерпѣли извѣстныя измѣненія, о которыхъ см. ниже, § 152. Личныя окончанія имперфекта въ о.-сл. были слѣдующія (суф. -x-, -s-, -š- имперф. отношу къ окончанію). Ед. ч. 1 л. -хъ; 2 и 3 л. -še. Дв. ч. 1 л. xově, 2 л. -sta или -šeta (-šьta?), 3 л. -ste, -šete (-šьte?) и -sta, -šeta (-šьta?). Мн. ч. 1 л. -xomъ (-mo, -me, -my); 2 л. -ste, -šete (-šьte?); 3 л. -xǫ.

§ 138. Въ формахъ 3 л. ед. и мн. въ о.-р. могло являться окончаніе *-тъ*. Ср. уже въ Остром. Еванг. моуждашеть 279, Арх. Еванг. оугнѣтахоуть и 138 об., нарицахоуть и 167 об.; Житіе Феодосія Печ. по списку XII в.: идяшеть 31, имяшеть 36, творяхоуть 36, исходяхоуть 59 об., и мн. др.; Лавр. лѣтоп.: оучашеть (подъ 955 г.), предяшеть (подъ 986 г.), изимахоуть (подъ 941 г.) несяхоуть (подъ 1019 г.) и мн. др.; вообще, въ памятникахъ XII—XIV в. это окончаніе нерѣдко. Повидимому, формы съ окончаніемъ *-тъ* въ имперфектѣ восходятъ еще къ о.-сл. эпохѣ; правда, въ ст.-сл. ихъ нѣтъ, кромѣ единичнаго запрещашетъ въ Сав. кн., но онѣ встрѣчаются въ старосербскихъ памятникахъ.

§ 139. Формы 2 и 3 л. двойств. и 2 л. множ. въ ст.-сл. памятникахъ русскаго извода XI—XII в. являются исключительно съ окончаніями -ста и -сте: Остром. Ев. бѣаста 60 и др., зьрмаста 17, помышляасте 248 и др.; Арханг. Еванг.: идяста 83; тѣ-же окончанія и въ оригинальныхъ русскихъ сочиненіяхъ: Житіе Феодосія Печ. по списку XII в.: видяста 58, но въ Лавр. лѣтоп. рядомъ съ живяста (подъ 1091 г.) и т. п. также: оубивашета, отимашета (подъ 1071 г.), примерзняшета (подъ 1074 г.); въ сѣв.-р. памятникахъ XIII—XIV в. встрѣчаются формы на *-шьте*, *-шьта*: Житіе Нифонта (пис. въ Ростовѣ) 1219 г.: стояшьте (3 дв.), Пандекты 1296 г.: пояшта, Еванг. 1357 г.: зряшьта, идяшьта, хожашьта и др. Ак. А. И. Соболевскій сопоставляетъ эти формы со сходными формами въ старочешскомъ и лужицкихъ язз.

§ 140. *Причастія наст. врем. дѣйствит. залога* отъ глаголовъ нетематич. и 1-го тематич. спряженія образовывались съ помощью суфф. -ǫtj-, а отъ глаголовъ 2-го тематич. спряженія— суфф. -ętj-, присоединявшагося къ основѣ наст. врем.; въ имен. ед. они имѣли суфф. -у, -ę (см. выше § 28).

§ 141. *Причастія наст. врем. страдат. залога* отъ глаголовъ 1-го тематич. спряженія образовывались съ помощью суфф. -om- послѣ твёрдыхъ согласныхъ и -em- послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ: *nesomъ, *bьjemъ, *pišemъ, а отъ глаголовъ 2-го спряженія съ помощью суфф. -im-: *xvalimъ и пр.; эти суффиксы присоединялись къ основѣ наст. врем.; отъ глаголовъ *ěsti и *věděti причастія эти—*ědomъ, *vědomъ.

§ 142. *Причастіе прош. врем. 1-е дѣйств. залога* образовывалось черезъ присоединеніе къ основѣ инфинитива суфф. -ъ въ имен. ед. муж. р. и -ъš- въ остальныхъ формахъ склоненія, если основа оканчивалась на согласную (въ томъ числѣ и на *r* и носовую): *ědъ, *nesъ, *(u)mьrъ, *načьnъ, и т. п., и суфф. *-vъ-*, *-vъš-*, если основа оканчивалась на гласную: *byvъ, *davъ, *znavъ, *pisavъ, *věděvъ, *xvalivъ и пр.; отъ глаголовъ 2-го тематическаго спряженія съ основой инфинитива на *-i-* то-же причастіе могло образовываться съ суфф. -ь-, -ьš- (ь—изъ ъ послѣ j), причёмъ конечное *i* въ основѣ переходило въ *j* съ его дальнѣйшими

измѣненіями послѣ согласныхъ. Въ русскомъ яз. въ историческую эпоху причастія прош. врем. на -ъ не употреблялись, а употреблялись только причастія на -ъ (отъ основъ на согласныя) и *-въ*.

§ 143. *Причастіе прош. врем. 2-е* образовывалось черезъ присоединеніе къ инфинитивной основѣ суфф. -l-. Основы на согласныя зубныя взрывныя -t- и -d- утрачивали эти согласныя передъ l въ тѣхъ говорахъ о.-сл. яз., къ которымъ восходятъ языки русскіе и южнословянскіе. Это причастіе въ о.-сл. употреблялось исключительно въ составномъ сказуемомъ въ формѣ имен. пад.

§ 144. *Причастія прош. врем. страд. залога* образовывались отъ инфинитивной основы съ помощью суффиксовъ -t- и -n- (-en-):

1. Причастія съ суфф. -t-—отъ непроизводныхъ основъ на плавную, носовую или гласныя i, ѣ, u, y, а также отъ основъ съ суфф. -nǫ-; отъ всѣхъ этихъ основъ, кромѣ основъ на -r- и на носовую, въ о.-сл., какъ показываетъ ст.-сл. языкъ, могли образовываться и причастія съ суфф. -n.

2. Причастія съ суфф. -n-—отъ остальныхъ, а частью—и отъ тѣхъ-же основъ; при этомъ а) отъ глаголовъ съ инфинитивной основой на а, ѣ и l суффиксомъ этого причастія являлось одно -n-; б) отъ глаголовъ съ основою инфинитива на согласную и на гласныя i, u, y причастія образовывались съ суффиксомъ -en-; гласная i въ окончаніи основы глаголовъ 2-го тематич. спряженія, переходила въ j съ его дальнѣйшими измѣненіями, а у непроизводныхъ глаголовъ основы на i, u, y замѣнялись основами на -ьį-, -ьv-, -uv-, -ъv-, ср. ст.-сл. биıенъ, шьвенъ, обоувенъ, покрывенъ; въ русскомъ яз. причастія съ суфф. -n- отъ непроизводныхъ основъ на гласныя i, ѣ, u, y неизвѣстны.

§ 145. *Инфинитивъ* оканчивался въ о.-сл. на -ti и, быть можетъ, на -tь (съ соотвѣтствующими фонетическими измѣненіями этихъ суффиксовъ въ образованіяхъ инфинитива отъ основъ на задненёбныя). Формы на -ti при удареніи на окончаніи въ русскомъ яз. сохранились почти повсюду, а при удареніи на основѣ —въ малор. и въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор. и бѣлор. говорахъ, а также въ языкѣ пѣсенъ, что указываетъ на бо́льшую употребительность ихъ раньше. Формы на *-т* мягкое (въ бѣлор. *ц*

мягкое) теперь распространены во всёмъ русскомъ яз., но въ малор. менѣе употребительны, чѣмъ формы на *-ти*. Существованіе еще въ о.-сл. яз. инфинитивовъ на *-ть* можно предполагать на основаніи не только русскаго, но и польскаго яз., въ которомъ издавна извѣстны инфинитивы только на ć (изъ о.-сл. -tь): brać, nieść, chodzić и пр., и лужицкихъ яззъ. Въ русскихъ письменныхъ памятникахъ инфинитивы на *-ть* засвидѣтельствованы съ XI в.: Остром. Еванг. наплънить 213, Изборн. 1073 г. почрьпать 257, Арханг. Ев. възкоусить 80 об. (вездѣ по одному случаю). Но вообще, въ древнѣйшихъ памятникахъ они рѣдки: Добрил. Еванг. 1164 г.: рость, мнить ся, помолить ся, взать; Житіе Феодосія Печ. XII в.: наплънить 54 об. и т. д. Не чаще они и въ грамотахъ: Смол. грам. 1229 г.: усадить, взяте (= взять) при многочисленныхъ инфинитивахъ на *-ти*; въ Новгор. грам. XIII—XIV вв. ихъ вовсе нѣтъ, а изъ 87 Двинскихъ XIV—XV в. только въ трёхъ; но въ зап.-русскихъ и московскихъ памятникахъ съ XV в. они нерѣдки. Повидимому, въ древнѣйшихъ ю.-русскихъ говорахъ и говорахъ Новгор. и Двинскомъ инфинитивы на *-ти* были болѣе употребительны, ср. ихъ потомковъ: малор. яз. и нынѣшніе говоры Арханг. и Волог. губ.

§ 146. *Супинъ* образовывался въ о.-сл. отъ инфинитивной основы съ помощью суфф. -tъ; т. е. отличался отъ инфинитива только конечной гласной.

Составныя формы спряженія въ о.-сл.

§ 147. *Перфектъ* (прошедшее сложное) въ о.-сл. выражался съ помощью сочетанія причастія прош. врем. 2-го (на -lъ) спрягаемаго глагола съ личными формами наст. врем. вспомогат. глагола *byti.

§ 148. *Plusquamperfectum* (преждепрошедшее) выражалось посредствомъ соединенія того же причастія на -lъ спрягаемаго глагола съ личными формами имперфекта вспомогат. глагола *byti (*bѣахъ и пр.) или аориста *bѣхъ, ср. еще въ Лавр. лѣтоп. (подъ 988 годомъ): еще бо не бяху приняли святаго крещенья.

§ 149. *Будущее 1-е сложное* выражалось въ о.-сл. сочетаніемъ инфинитива спрягаемаго глагола съ личными формами вспомогательныхъ глаголовъ *imamь (или *ьmǫ) *xotjǫ, *nacьnǫ и, можетъ быть, *bǫdǫ. Первые три способа образованія будущаго времени были извѣстны ст.-словянскому и древнерусскому языку; обороты съ „хочу“ теперь употребляются въ болгарскомъ и сербскомъ язз. (болг. -шта, сербск. -ħу), а съ глаголомъ „иму“—въ малор., бѣлор. и нѣкот. сѣв.-великор. говорахъ. Образованія будущаго времени 1-го съ глаг. „буду“ теперь являются въ русскомъ (см. § 175, 189, 198) и зап.-словянскихъ язз., но въ русскомъ эти образованія, можетъ быть, новыя, а въ польскомъ являются рядомъ съ формами буд. 2-го; поэтому въ обоихъ язз. употребленіе глагола „буду“ въ формѣ будущ. 1-го могло бы объясняться вліяніемъ формъ будущаго 2-го.

§ 150. *Будущее 2-е* выражалось сочетаніемъ причастія прош. врем. на -lъ съ личными формами глагола *bǫdǫ, употреблялось только во временныхъ и условныхъ предложеніяхъ для обозначенія дѣйствія, которое должно предшествовать въ будущемъ другому дѣйствію, и было близко по значенію къ условному наклоненію. Въ древнер. яз. оно еще сохранялось, ср. въ Дух. Симеона Горд.: кого буду прикупилъ или хто ми ся буде въ винѣ досталъ и т. д. Изъ нынѣшнихъ словянскихъ язз. оно сохранилось въ болг. со старымъ значеніемъ и въ сербскомъ (у хорватъ), польскомъ и словинскомъ въ значеніи одинаковомъ съ будущимъ 1-мъ.

§ 151. *Условное наклоненіе* выражалось сочетаніемъ причастія на -lъ спрягаемаго глагола съ личными формами аориста вспомогательнаго глагола *byti—*byхъ и пр. или условнаго наклоненія того же глагола—*bimь и пр. Въ русскомъ яз. въ древнѣйшую эпоху были извѣстны только обороты съ „быхъ“. Остаткомъ ихъ въ нынѣшнемъ русскомъ яз. является употребленіе частицы „бы“ (по происхожденію—2 и 3 л. ед. аориста) съ формами прош. врем. въ значеніи условнаго наклоненія. Никакихъ слѣдовъ употребленія оборотовъ съ “бимь“ въ русскомъ яз. ни древнемъ, ни новомъ не находимъ.

2. Общерусскія измѣненія формъ спряженія.

§ 152. *Измѣненія въ образованіи имперфекта.* Еще въ доисторическую эпоху фонетически *ѣ* въ окончаніи *-ѣахъ*, ассимилируясь слѣдующему *а*, переходило въ *а* съ мягкостью предшествующей согласной: бляхъ, горяахъ, идяаше, живяаше и пр.; затѣмъ, нѣсколько позднѣе, наступало стяженіе *-аа-* въ *-а*, ср. Изборн. 1076: бяше; Арханг. Еванг.: кѣдаше, идяхоу, хотяше и др. Кромѣ того, шипящія согласныя и сочетанія „губная + l'" въ концѣ основы, получавшіяся изъ сочетаній зубныхъ (t, d, s, z) или губныхъ съ *j*, у глаголовъ 2-го тематическаго спряженія съ основою инфинитива на *-i-* могли нефонетически замѣняться мягкими зубными нешипящими и губными (безъ l'): Арх. Еванг. исходяаше 150, Житіе Феодосія по сп. XII в.: прославяше 38 об., коупяше 29 об., отпоустяаше 49 об., исходяахоуть 59 об. и др.

§ 153. *Утрата имперфекта.* Имперфектъ встрѣчается въ спискахъ русскихъ житій святыхъ и лѣтописей, составленныхъ въ XI—XII в., и это присутствіе въ нихъ формы имперфекта и притомъ нѣсколько отличной отъ старослав. формы, повидимому, говоритъ за то, что имперфектъ существовалъ въ русскомъ яз. еще въ XI—XII в.; но въ грамотахъ, Русской Правдѣ и другихъ памятникахъ дѣлового (нецерковнаго) языка, имперфектъ не встрѣчается ни разу; можно думать, что онъ былъ утраченъ живымъ языкомъ не позже XII в.

§ 154. *Утрата аориста.* Аористъ въ южнорусскихъ и западнорусскихъ говорахъ былъ утраченъ очень рано, такъ какъ изъ памятниковъ, писанныхъ въ области этихъ говоровъ, встрѣчается лишь въ сочиненіяхъ церковнаго характера и лѣтописяхъ и вовсе отсутствуетъ въ грамотахъ и другихъ памятникахъ дѣлового письма [1]). Но въ сѣвернорусскихъ говорахъ аористъ, повидимому, сохранялся нѣсколько дольше. Сѣвернорусскій списокъ Русской Правды 1282 г., гдѣ находимъ два случая употребленія аориста: отложиша, уставиша, конечно, на это сохраненіе не ука-

[1]) Уже въ древнѣйшей, Мстиславовой, грамотѣ 1130 г. встрѣчаются формы только прош. сложнаго.

зываетъ, тк. к. эти формы могли принадлежать еще южнорусскому протографу XI в., но такія указанія даютъ новгородскія и двинскія грамоты, въ которыхъ формы аориста, правда, больше въ традиціонныхъ формулахъ, попадаются изрѣдка еще въ XIV и XV вв.: пояша—Новг. грам. 1314 г., повелѣше, послаше—1372 г., се дахъ, се дасть, се выкупи, посадники вспросиша, а даша, обиниша, се роздилиша—Двинскія грам. XIV—XV вв.

§ 155. *Судьба plusquamperfect'а.* Старая описательная форма plusquamperf. была утрачена не позже того времени, когда произошла утрата формъ имперфекта, причёмъ замѣнилась другимъ описательнымъ оборотомъ: сочетаніемъ причастія на *-лъ* спрягаемаго глагола съ прошедшимъ сложнымъ (перфектомъ) вспомогательнаго глагола: былъ отъялъ—Новгор. грам. 1265 г., ишьло было—Смол. грам. 1284 г. и т. п. Древнѣйшіе примѣры новой формы plsqprf.—XIII в.; старая же форма встрѣчается и въ XIV в. и даже позднѣе, но только въ спискахъ памятниковъ, восходящихъ къ XI—XII вв., наприм., въ лѣтописяхъ.

§ 156. *Судьба формъ перфекта (прошедшаго сложнаго).* Въ формахъ 3 л. всѣхъ чиселъ вспомогат. глаголъ могъ опускаться еще въ о.-сл. Въ русскомъ яз. отсутствіе его въ этихъ формахъ составляетъ правило уже для древнѣйшей эпохи (XII—XIII в.); правда, въ лѣтописяхъ, особенно древнѣйшихъ, онъ встрѣчается еще довольно часто, хотя и рѣже, чѣмъ отсутствуетъ, но это употребленіе могло быть вызвано вліяніемъ книжнаго языка. Въ формахъ 1-го и 2-го лица вспомогательный глаголъ сталъ опускаться въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо было обозначено личнымъ мѣстоименіемъ; употребленіе же личныхъ мѣстоименій при глаголахъ съ теченіемъ времени стало чаще, чѣмъ раньше. Ср. уже въ Мстислав. грам. 1130 г.: а ꙗзъ далъ роукою своѥю, рядомъ съ „а ꙗ всеволодъ далъ ѥсмь" и др.

§ 157. *Исторія формъ условнаго наклоненія.* Спрягаемыя формы аориста вспомогат. глагола быхъ, быхомъ, быша и пр., входившія въ составъ описательной формы условнаго наклоненія, въ русскомъ яз. замѣнились неизмѣняемой частицей „бы", представляющей по происхожденію форму 2 и 3 л. ед. ч. аориста

вспомогат. глагола: еслибы мы знали, я бы далъ и т. п., малор. я би продав, ви би мали и пр. Древнѣйшіе примѣры такой замѣны въ памятникахъ—XIII в.: Милятино Еванг. 1215 г.; аще бы въ Турѣ быша силы былы и пр. Но въ Смоленскихъ и зап.-р. грамотахъ, лѣтописяхъ и т. п. правильныя старыя образованія условнаго наклоненія продолжаютъ употребляться довольно долго, ср. рижскую грамоту около 1300 г.: а бысте пустили жито; зап.-русскую грам. 1341 г.: а быхомъ васъ пустили; грам. 1445 г.: што быхъ опять отдалъ. Формы 2 л. ед. и множ. условнаго наклоненія въ этихъ памятникахъ съ XV в. начинаютъ замѣняться оборотами съ „бы еси", „бы есте", гдѣ „бы" уже превратилось въ частицу: ани смѣли бы есте взяти—грам. 1440 г., а бы еси собралъ—Позн. Сборн. XVI в. Но формы 1-го л. ед. и множ. въ въ зап.-р. памятникахъ сохраняются еще въ XVI в.: ани быхъ поглѣдел (Скорина), а быхмо... не жаловали (Катихизисъ 1562 г.); быхмо—зап.-русское новообразованіе 1 множ. аориста, возникшее не позже XV в. Въ т. наз. придаточныхъ и условныхъ предложеніяхъ съ союзами что, да, какъ, хотя, если частица „бы" слилась съ ними въ одно слово, образовавъ такимъ образомъ новые союзы: чтобы, дабы, какъ-бы, кабы, хотябы, еслибы и т. п.

Въ великор., вслѣдствіе того, что параллельно съ такъ наз. придаточными, условными и т. п. предложеніями въ языкѣ употребляются обороты съ инфинитивами и причастіями, приблизительно совпадающіе съ ними по значенію, частица „бы" перешла и въ эти обороты, внося въ нихъ значеніе условности. Употребленіе „бы" при инфинитивѣ извѣстно какъ литературному яз., такъ и народнымъ говорамъ: „я поѣду въ городъ, чтобы повидаться съ родными", „какъ бы мнѣ это сдѣлать?" и т. д. Рѣже, и притомъ только въ литературномъ яз., употребляется „бы" въ оборотахъ съ причастіями, не признанныхъ еще нашими школьными грамматиками. Ср. у Гоголя: „Боже! и погубить такъ безжалостно всѣ лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ быть, теплившагося въ груди, можетъ быть, *развившагося бы* теперь въ величіи и красотѣ, можетъ быть, также *исторгнувшаго бы* слезы изумленія и благодарности!" (Портретъ, 1-я ред.,

§ 1) или „Спитъ умъ, можетъ быть, *обрѣвшій бы* внезапный родникъ великихъ средствъ“ (Мёртвыя Души, ч. I, гл. XI); у Достоевскаго: „По-моему, еслибы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ-нибудь комбинацій, никоимъ образомъ не могли бы стать извѣстными людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и т. д. человѣкъ, *мѣшавшихъ бы* этому открытію или *ставшихъ бы* на пути, какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ бы право... устранить эти десять или сто человѣкъ (Преступленіе и Наказаніе).

§ 158. *Утрата двойств. ч. въ спряженіи* въ живомъ русскомъ яз. произошла, повидимому, судя по памятникамъ, въ XIII в., но въ книжномъ яз. двойств. ч. употреблялось болѣе или менѣе правильно еще довольно долго (до XV в. и дольше).

§ 159. *Утрата супина.* Употребленіе инфинитива вмѣсто супина встрѣчается въ русскихъ памм. еще въ XI в., ср. Остр. Ев. посъла призвати 80, но окончательная утрата супина значительно позже: правильное употребленіе его мы находимъ еще въ грамотахъ XIII и XIV в., ср. Смол. гр. 1229 г.: позвати на поле русина битъ ся и др. (но тамъ же: ѥхали твердити миръ), Новг. гр. 1265 г. ѥздити звѣри гонитъ; грам. Кейстута 1341 г. пустили тръговатъ и пр. Позднѣе XIV в. супинъ въ русскихъ памятникахъ не встрѣчается.

---

3. Великорусскія измѣненія формъ спряженія.

Личныя формы глаголовъ нетематическаго спряженія.

§ 160. Формы 2 ед. ѣси, даси сохранились лишь въ части сѣв.-великор. говоровъ (въ Олон., Арх., Новг. и части Волог. губ.), въ остальныхъ-же сѣв.-великор. говорахъ и въ ю.-великор. онѣ замѣнились новообразованіями даш, ѣш, возникшими по аналогіи съ формами глаголовъ тематическаго спряженія и совпавшими по произношенію со старыми формами повелит. дажь, ѣжь (о формѣ „дажь“ см. ниже § 169). Эти формы могли возникнуть очень рано, ср. малор. діалектич. даш, їш. Въ памятникахъ форма

„ѣш“ въ видѣ „ѣши“ является впервые въ XIV в.: Псалт. И. Публ. Б-ки *F.* 4: до избытка ѣши 5.

§ 161. Въ 3 ед. и мн. конечное *т* (изъ -ть) въ ѣсть, дасть, ѣдять, дадуть отвердѣло въ сѣв.-великор., но осталось мягкимъ въ 3 ед. „есть“, можетъ быть, подъ вліяніемъ мягкаго *т* въ 3 ед. „есте“ и „ести“. Въ ю.-великор. *т* мягкое во всѣхъ формахъ 3 л.

Форма 3 ед. *je* сохранилась лишь въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор. говорахъ (Арх., Олон., Новг. губ.) рядомъ съ формами „есть“ и „естя“. Въ остальныхъ сѣв.-великор. говорахъ и въ ю.-великор. сохранилась только форма „есть“. Къ формѣ *je* восходитъ также отрицаніе „нѣтъ“ нѣ (= не je) + ту.

§ 162. Форма 1 мн. отъ глагола „есмь“ въ великор. нецерковныхъ памятникахъ XIV—XVII вв. встрѣчается почти исключительно въ видѣ „есме“ (напр. въ Новгор. лѣтописяхъ и грам. XIII—XVII в., между прочимъ, еще въ грам. 1614 г., въ Пск. апост. 1307 г. и др.) и „есмя“ (въ Двинскихъ грамотахъ XIV—XV в., Московскихъ грамотахъ и другихъ московскихъ памятникахъ XIV—XVII в. и т. п.). Послѣдняя форма, вѣроятно, получилась вслѣдствіе фонетическаго перехода конечнаго *е* въ *а* (ср. такое же *а* въ великор. меня, тебя, себя). Формы на *-мо* великор. памятникамъ не извѣстны.

§ 163. Формы 1 и 2 множ. отъ глаголовъ „дамь“ и „ѣмь“, полученныя изъ о.-сл., замѣнены въ великор. новообразованіями отъ той основы, какая является въ 3 множ.: дадим, ѣдим, дадите, ѣдите. На образованіе этихъ формъ, вѣроятно, оказали вліяніе тожественныя съ ними формы повелит. наклоненія. По памятникамъ эти формы отмѣчены съ XIV в.: не выдадите Новг. лѣтоп.

§ 164. Въ 3 множ. старая форма „дадять“ измѣнилась, какъ и въ малор. и бѣлор., въ „дадуть“ (откуда нын. ю.-великор. дадуть, сѣв.-великор. дадутъ), можетъ быть, подъ вліяніемъ причастныхъ формъ съ *у*. Повидимому, это измѣненіе относится къ очень старому времени, такъ какъ является о.-русскимъ, но еще въ великор. грамотахъ XIII в. встрѣчается старая форма „дадять“: дадять ему корму и подводы Новг. грам. 1294 г. и др.; форма „дадуть“ извѣстна по памятникамъ, кажется, только съ XIV в.:

коли мои села князя великого дадутъ, тогды и митрополичи дадутъ Уст. грам. Вас. Дм. 1392 г. и т. д.

Отъ глагола „ѣсть“ въ великор. сохранилась старая форма 3 мн.: ю.-великор. ѣдя́ть, сѣв.-великор. ѣдя́тъ или ѣдя́ (послѣдняя форма—только въ нѣкоторыхъ говорахъ Арх., Олон., Новгор. и Волог. губ.).

§ 165. Формы глагола „есмь“ въ великор. вообще не сохранились кромѣ 3 ед. (есть, е), вслѣдствіе того, что вообще личныя формы этого глагола при подлежащемъ въ русскомъ яз. издавна опускались, а при формахъ 1 и 2 л. въ великор. съ извѣстнаго времени стали обязательно употребляться въ качествѣ подлежащаго личныя мѣстоименія; форма 3 ед. сохранилась благодаря употребленію ея въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголъ „быть“ не являлся только связкой, а обозначалъ существованіе предмета. Утрату формъ 1 и 2 лица глагола „есмь“ въ великор. можно относить приблизительно къ XVI в.: до этого времени онѣ встрѣчаются не только въ памятникахъ литературнаго языка, но и въ грамотахъ, частной перепискѣ и т. п.

Личныя формы глагола „имамь“ по нетематическому спряженію утрачены, повидимому, еще въ общерусскую эпоху.

Личныя формы наст. врем. глаголовъ тематическаго спряженія.

§ 166. *3-е л. ед. и множ.* Въ великор. эти формы перешли изъ о.-русск. какъ съ окончаніемъ *-тъ*, такъ и безъ *-тъ*. Формы безъ *-тъ* сохранились лишь въ сѣв.-великор. говорахъ Арханг., Олон., Новгор. и Вологод. губ. и въ бо́льшей части ю.-великор. Въ названныхъ говорахъ формы 3 л. безъ *-т* употребляются тепе́рь въ ед. ч. только отъ глаголовъ 1 спряженія: онъ зна́е, несе́, но во́зитъ, сто́итъ и пр., а во множ. (значительно рѣже) —только отъ глаголовъ 2 спряженія: оны хо́дя, говоря́, но: зна́ютъ, несу́тъ. Въ Двинскихъ грам. XIV—XV в. формы 3 ед. безъ *-тъ* встрѣчаются не только отъ глаголовъ 1 спр.: изоиде 15 и др., но и отъ глаголовъ 2 спр.: поруши 86, 88, но при этомъ употребляются только въ условныхъ предложеніяхъ: а хто сии рядъ поруши 86, а хто почне наступати 90, а буде тируну не до

земли 36 и пр. Ср. въ соврем. литер. яз. единственную форму безъ *-т*: „буде" въ томъ же значеніи. Въ нынѣшнихъ сѣв.-великор. говорахъ различія по значенію между формами на *-т* и безъ *-т* нѣтъ. Въ ю.-великор. 3 ед. безъ *-ть* образуютъ не только глаголы 1 спр.: он зна́я, несе́, но и глаголы 2 спр. съ удареніемъ на основѣ: он хо́дя, нося, но говори́ть, стайть; во мн. ч. иногда тоже образуются фф. безъ *-ть*, но только отъ глаголовъ 2 спр. при удареніи на окончаніи: они глядя́, говоря́, но знають, несуть, ходють. Отъ тѣхъ-же глаголовъ и въ тѣхъ же говорахъ употребляются и формы на *-ть* или *-тъ*.

Конечное *-т* въ 3 ед. и мн. изъ о.-р. *-ть*, бывшее въ о.-р. послѣ утраты конечнаго *-ъ* полумягкимъ, затѣмъ отвердѣло въ сѣв.-великор. и стало мягкимъ въ ю.-великор. О времени отвердѣнія *-т* въ сѣв.-великор. можно до нѣкоторой степени судить по написаніямъ съ *-тъ* въ памятникахъ дѣлового (нецерковнаго) письма[1]). Въ московскихъ грамотахъ до 2-й половины XIV в. пишется въ 3 л. ед. и мн. послѣдовательно только *-ть*; впервые формы на *-тъ* въ достаточномъ количествѣ появляются въ Дух. Дим. Донского: вѣдаетъ, перемѣнитъ, имутъ, потянутъ; въ новгородскихъ грамотахъ и другихъ памятникахъ XIII—XV в. — только *-ть*; то-же — въ Двинскихъ грамотахъ XIV—XV в., но въ нѣкоторыхъ Двинскихъ грам. XV в. является окончаніе *-тъ*. Отсюда можно заключить, что отвердѣніе *-т* въ 3 л. въ сѣв.-великор. происходило не одновременно. Въ 3 мн. 1-го спр. *-т* до сихъ поръ мягко въ нѣкоторыхъ говорахъ Олон. губ.: идуть, несуть и т. п.

§ 167. Во 2 множ. въ о.-сл. многіе глаголы съ непроизводной основой имѣли удареніе на концѣ: *pьjeté, *sъpíté и пр.; въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор. говорахъ (Арх., Олон., Волог., Новгор., Вятской губ.) это удареніе сохранилось, въ остальныхъ же, какъ сѣв.-великор., такъ и южно-великор., перенесено на основу, ср. Арханг. спите́, Вологод. спитѐ съ литерат. спи́те.

---

1) Формы на *-тъ* въ церковныхъ памятникахъ XIV в., какъ Еванг. 1354, 1355, 1357 г., могутъ и не быть отраженіемъ живого произношенія.

§ 168. Различіе между глаголами 1-го и 2-го спряженія въ формахъ наст. врем. сохранилось въ сѣв.-великор., а въ южно-великор.—только при удареніи на окончаніи: несёш, встаёш—стойш, говориш; несуть, встають—стоять, говорять. При удареніи же на основѣ тематическія гласныя *е* и *и* въ формахъ 2 ед., 3 ед. на *-тъ* и 1 и 2 мн. фонетически совпали въ одномъ звукѣ, а въ формахъ 3 ед. безъ *-тъ* и 3 мн. глаголы 2 спряженія получили окончанія *-а* (*я*), *-утъ* по аналогіи съ глаголами 1-го спряженія, и такимъ образомъ формы обоихъ спряженій совпали; ср., наприм., глаголы 1-го спряж. зна́ю, полю́ (инфин. поло́ть) и 2 спряж. ви́жу, солю́: 2 ед. зна́иш, по́лиш, ви́диш, со́лиш; 3 ед. зна́ить, по́лить, ви́дить, со́лить и зна́я, по́ля, ви́дя, со́ля; 1 мн. зна́им, по́лим, ви́дим, со́лим; 2 мн. зна́итя, по́литя, ви́дитя, со́литя; 3 мн. зна́ють, по́лють, ви́дють, со́лють.

§ 169. У глаголовъ 1 спряженія фонетически тематическая гласная въ великор. должна была бы являться въ видѣ *о* передъ твёрдыми согласными и *е*—передъ мягкими: идёш (*ш* въ великор. отвердѣло раньше перехода *е* въ *о*), идём; быть можетъ, въ сѣв.-великор. также идёт (3 ед.), если *т* твёрдое въ этой формѣ появилось до окончательнаго перехода *е* въ *о*, но идеть (ю.-великор.), иде́те (ю.-великор. и сѣв.-великор.). Но благодаря вліянію однихъ формъ на другія такое чередованіе *е* и *о* сохранилось лишь въ немногихъ великор. говорахъ (наприм., въ Тотемскомъ Волог. губ. и нѣкот. др., гдѣ говорятъ: пасёш, пасе́т, пасём, пасе́тё); въ большинствѣ же говоровъ во всѣхъ 4 формахъ является одна и та же гласная, именно: въ большинствѣ сѣв.-великор. и переходныхъ и во многихъ ю.-великор.[1])—*о*: несёш, несётъ, несёть или несё, несём, несёте, а въ остальныхъ сѣв.-великор. и въ архаичныхъ (менѣе подвергшихся московскому вліянію) ю.-великор.[2]) —*е*: несе́ш, несе́ть или несе́ (рѣдко сѣв.-великор. несе́тъ), несе́м, несе́те.

---

[1]) Понятно, что въ акающихъ говорахъ *о*—только подъ удареніемъ.

[2]) Такіе говоры существуютъ въ Ряз., Тульской, Орл., Ворон., Тамб., Курской губ., Обл. в. Донского; въ тѣхъ же губ. есть и говоры съ произношеніемъ несёш и пр.

Судьба формъ повелительнаго наклоненія.

§ 170. Во 2 ед. повелит. наклоненія изъ старыхъ формъ на -ъ сохранилась только „ѣжь“ (пишется „ѣшь“); форма „дажь“ еще въ XIV в. была непонятна и замѣняется въ памятникахъ выраженіемъ „дай же“; теперь употребляется только „дай“; „вижь“ сохранилось, какъ частица, а въ значеніи повелит. наклоненія замѣнилось другими образованіями. Въ формѣ 2 ед. на *-и* это *-и* при удареніи на основѣ могло отпадать еще въ о.-р.: будь, стань, сядь, рѣжь и пр. Позднѣе въ великор. неударяемое *-и* въ окончаніи этой формы по большей части утрачено и сохранилось только въ немногихъ случаяхъ вродѣ: молви, наполни и т. п., а также въ сложныхъ съ *вы-*: выгляни, выложи, выкупи. Формы на *-и* съ удареніемъ на концѣ по большей части сохранились, хотя діалектически возникли формы съ переносомъ ударенія на основу и отпаденіемъ конечнаго *-и*: положь, напой, católico становь, подь и т. п.

§ 171. Форма 1 множ. повелит. въ тѣхъ случахъ, когда она отличалась отъ 1 множ. наст. врем. изъявит. наклоненія, замѣнена формою наст. врем. изъявит. наклоненія; вмѣсто: идѣмъ, берѣмъ, споимъ, сдѣлаимъ и т. п., стали говорить: берем, идем, споем, сдѣлаем. Въ памятникахъ эта замѣна появляется уже въ XII—XIII в.

§ 172. Такъ какъ форма 1 множ. повелит. содержитъ въ себѣ обращеніе ко 2 лицу или нѣсколькимъ вторымъ лицамъ, то для обозначенія множественности вторыхъ лицъ къ формѣ 1 множ. сталъ иногда прибавляться суфф. 2 множ. *-те*, при чемъ формы безъ *-те* стали употребляться преимущественно (но не исключительно) въ томъ случаѣ, если приглашеніе обращено къ одному лицу, ср. пойдёмъ и пойдёмте.

§ 173. *2 множ. повелит.* Окончаніе *-ите* сохранилось преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда на него падаетъ удареніе: спи́те, ходи́те и т. д.; окончаніе *-ѣте* подъ удареніемъ замѣнилось окончаніемъ *-ите́*, чему способствовала аналогія съ формой 2 ед. на *-и* и съ формами 2 множ. на *-ите* другихъ глаголовъ; такимъ образомъ, получилось: идите, ведите, несите и пр. Въ ве-

ликор. памятникахъ примѣры 2 множ. повелит. на *-ите* вмѣсто *-ѣте* встрѣчаются уже въ XIII—XIV в. (Русская Правда по Новгор. списку 1282: съведите ся; Духовная Новгор. Климента: възмите и т. п.).

При удареніи на основѣ гласная *-и* (или *-ѣ*) въ окончаніи по большей части выпала; т. е. 2 множ. повелит. стало образовываться черезъ присоединеніе окончанія *-те* къ формѣ 2 ед.: станьте, будьте, оставьте, сядьте, знайте и т. д.; такимъ путемъ возникли и новообразованія: ѣжьте, дайте; уже въ XIII в. въ памятникахъ встрѣчаются формы: вижьте, вѣжьте, оставьте, обидьте и т. п.

§ 174. *Измѣненіе основъ.* У многихъ глаголовъ о.-р. языка основы формъ спряженія были не одинаковы въ различныхъ формахъ. Сюда относятся: 1 а) глаголы, имѣвшіе въ 1 ед. и 3 множ. наст. врем. основу на задненёбную, въ остальныхъ личныхъ формахъ наст. врем. основу на шипящую, а въ повелит.—на свистящую: пеку, печешь, пецѣмъ, лягу, ляжешь, лязи и др. б) глаголы 2 спряж. съ основой 1 ед. на шипящую и сочетаніе „губная + л мягкое“ и остальныхъ лицъ наст. врем. на мягкую зубную нешипящую и на мягкую губную безъ *л*: вожу—возишь, лечу—летишь, пущу—пустишь, прошу—просишь, ѣжжю—ѣздишь, куплю—купишь и др.; в) глаголы, имѣвшіе разныя гласныя въ основахъ настоящ. и повелит.: реку—рьци и т. п. 2) глаголы съ различными основами настоящаго вр. и инфинитива: тьру—тереть, лягу—лечь и т. д. Вслѣдствіе стремленія устранить эти различія въ великор. возникли слѣдующія измѣненія.

1. Во всемъ великор. свистящія въ формахъ повелит. наклон., стоявшія въ чередованіи съ задненёбными, замѣнены мягкими средненёбными; это явленіе аналогично подобной замѣнѣ въ склоненіи: теки, пеки, бѣги, ляги, откуда послѣ отпаденія *й*: лягъ. Въ памятникахъ такая замѣна встрѣчается уже въ XIV в.: стереги (Паримейникъ Сергіевой Лавры).

2. Діалектически у тѣхъ же глаголовъ шипящія въ окончаніи основы личныхъ формъ настоящ. врем. замѣнились а) мягкими средненёбными: текетъ, пекетъ, стерегетъ, берегетъ или текеть, пекеть... и пр. Эти формы довольно обычны теперь въ ю.-великор.

и во многихъ сѣв.-великор. и переходныхъ говорахъ. Литературный языкъ избѣгаетъ такихъ формъ, но онѣ все-таки проникаютъ и сюда: ткётъ.

б) твёрдыми задненёбными, послѣ которыхъ гласная обязательно *о*. Эта замѣна въ великор.—только въ части сѣв.-великор. говоровъ: въ Волог., Вятской, Костр. и частяхъ Владим. и Нижегор. губ. и притомъ, кажется, только во 2 и 3 ед. и 1 мн.: пекóш, текот, стерегот, бѣгот, лягот, запрягóм и пр.

3. Діалектически шипящія и сочетанія „губная + л мягкое" въ 1 ед. глаголовъ 2 спряж. съ основою остальныхъ формъ на зубныя нешипящія и губныя замѣнены этими звуками: ходю, летю, ѣздю, пустю, возю, носю, любю, спю и т. п. Это измѣненіе возникло независимо въ части сѣв.-великор. говоровъ (Арханг. губ.) и части ю.-великор. (Орл., Курской, Обл. в. Донского и др.). Ср. подобное же явленіе въ малор.

4. Въ различныхъ говорахъ возникли новообразованія инфинитива отъ основы наст. врем. и наоборотъ, если эти основы первоначально были различны, наприм., ю.-великор. идить, вмѣсто „ити"; такого же происхожденія и наше „идти"; ю.-великор. діалектич. жмать, вмѣсто жать, касим. вытреть (инфин.), вмѣсто вытереть и т. п. Сюда же относятся сѣв.-великор. діалектич.: пекчи, мокчи и т. п., вмѣсто печи, откуда далѣе: пекти, могти. Основу наст. врем., измѣнённую подъ вліяніемъ инфинитива, представляютъ сѣв.-великор. теру, стери, он отперёт и т. п.

§ 175. *Судьба формъ будущаго сложнаго.* Изъ способовъ образованія будущаго сложнаго въ великор. теперь сохранились съ „буду" и „иму", причемъ послѣдніе (съ „иму")—только коегдѣ въ сѣв.-великор. говорахъ (Волог., Костром., Яросл.): иму дѣлать, имём косить и т. п.; въ остальныхъ—только „буду"... Кромѣ того, въ великор. сталъ употребляться для образованія будущаго съ особымъ видовымъ оттѣнкомъ глаголъ „стану" съ инфинитивомъ, а въ литературномъ яз. существуетъ также оборотъ съ глаголомъ „имѣть": „имѣетъ быть" и т. п. Но въ великор. памятникахъ XIII—XVI в. обороты съ глаголомъ „буду" почти не встрѣчаются, а для образованія будущаго обыкновенно упо-

требляются глаголы „учну“ или „почну“ и „иму“; въ грам. Ольга Рязанскаго 1356 г. также: того хочю боронити. Примѣры оборотовъ съ глаголомъ „иму“: Духовная Семёна Горд.: а хто сю грамоту иметь рушити, имуть вѣдати; грам. Ольга Ряз. 1356 г.: гдѣ имуть сѣдѣти; грам. Звенигородскаго князя Юрія Дмитр. 1404 г.: а которыи люди имуть жити; Двинскія грам.: а хто иметъ мое... проданье подвигывати № 5, хто иметь наступати № 77 и пр.; обороты съ „почну“, „учну“: Двинскія грам.: а кто почнетъ на сю землю наступать № 107, а хто учнеть отимати № 13 и др.; грам. Ивана Вас. Московскаго 1486 г.: а хто у них... учне[т] жыти людеи; Конш. Домострой XVI в.: учнетъ на люди глядя жити 43 об., учнутъ спрашивати 55, не учнешъ хранити 122 и т. д.

§ 176. *Plusquamperfectum* (новое, см. выше § 155) въ великор. грамотахъ и другихъ гражданскихъ актахъ и сочиненіяхъ нецерковнаго характера XV—XVII вв. встрѣчается, но довольно рѣдко, между прочимъ, въ Исторіи Курбскаго, Царственной книгѣ, Разрядной книгѣ 1615 г. и др. Теперь онъ сохранился лишь діалектически въ нѣкоторыхъ сѣв.-великор. говорахъ (Арханг. и Олон. губ.): пошол был, воротилася была, заболѣла была, ср. въ Онежскихъ былинахъ: эти королю были рѣчи не понравились; въ другихъ великор. говорахъ plusquamperf. утраченъ. Къ plusquamperfect'у восходитъ существующій въ русскомъ литературномъ языкѣ оборотъ: „было“ съ прош. врем. глагола въ значеніи начатаго, но брошеннаго въ прошедшемъ дѣйствія.

§ 177. *Выраженія перфекта и plusquamperfect'а въ сѣв.-великор.* Причастіе несклоняемое прош. врем. 1-ое (дѣепричастіе) стало употребляться во многихъ сѣв.-великор. говорахъ, какъ сказуемое, въ значеніи перфекта: онъ ушоччи (его нѣтъ, п. ч. онъ ушолъ), домъ сгорѣвши и т. п.; въ сочетаніи со связкой въ прош. врем. то-же причастіе получило значеніе plusquamperfect'а: он был ушоччи (= его не было...), она была раздѣвши и пр.

§ 178. *Исторія формъ возвратнаго залога.* Возвратное мѣстоименіе „ся“, „си“, превратившись въ частицу для обозначенія возвратнаго дѣйствія, въ великор. стало употребляться исключи-

тельно послѣ глагола и, наконецъ, слилось въ одно слово съ глаголомъ, къ которому относится. Свободное употребленіе „ся“ при глаголѣ въ великор. памятникахъ встрѣчается еще въ XVI в.: Домострой Конш.: в мале бо ся ослабиши 24, каково ся лучитъ 51; Судебникъ 1550 г.: чтобы ся недѣлщики не отпирали, и даже грамота 1615 г.: съ воры ся ему не водити, но, быть можетъ, лишь въ силу письменной традиціи. Сліяніемъ частицы „ся“ съ глаголомъ вызваны дальнѣйшія діалектическія измѣненія въ образованіи формъ отъ возвратныхъ глаголовъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ южныхъ и переходныхъ великорусскихъ говорахъ возникли формы 3 ед. и множ. отъ возвратныхъ глаголовъ на -цеть и -цуть: придецеть, учуцуть и инфинитивы на -цать: учицать, забавляцать (Калуж. губ., Егор. и Касим. у. Ряз. губ.).

§ 179. *Инфинитивъ.* Инфинитивы на *-ти* при удареніи на основѣ, а также инфинитивы на *-чи* сохранились лишь въ пѣсняхъ, а въ разговорной рѣчи—только въ части сѣв.-великор. говоровъ (а именно, инфин. на *-ти* безъ ударенія—только въ Волог. и Вятской губ., а инфинитивъ на *-чи* также и въ Арх. и въ Новгор. губ.), а въ остальныхъ говорахъ вытѣснены формами на *-ть* и *-чь*: ходить, знать, мочь, печь и т. п. Инфинитивы на *-ти* съ удареніемъ на концѣ: нести, вести, прійти и пр. по большей части сохранились, хотя діалектически рядомъ съ ними встрѣчаются и формы на *-ть* съ переносомъ ударенія на основу: несть, рость, плесть, весть и т. п. Въ великор. памятникахъ съ XIII—XVIII в. употребляются формы инфинитива и на *-ти* и на *-ть*. Изъ новообразованій инфинитива можно отмѣтить такія формы, какъ итить, сѣв.-великор. вестить и т. п.

§ 180. *Причастія наст. врем. дѣйств. залога.* Старыя причастія или утратили значенія причастій и стали прилагательными (горячій, жгучій, сидячій и пр.) или существительными (пройда, рева и т. п.) или же перешли въ несклоняемыя „дѣепричастія“ еще въ общерусскомъ яз., но въ литературномъ великор. яз. получили большое распространеніе заимствованныя изъ церковно-славянскаго яз. причастія на *-ущій, -ящій.* Эти причастія были заимствованы только, какъ причастія наст. врем. отъ глаголовъ

несовершеннаго вида: идущій, говорящій и пр., но съ теченіемъ времени стали образовываться такія же причастія и отъ глаголовъ совершеннаго вида со значеніемъ причастій будущаго времени: „Весьма рады, когда кто, *пріѣдущій* изъ столицы, найдётъ, что у нихъ точно такъ-же, какъ въ Петербургѣ“ (Гоголь); „Это (лошадь Пржевальскаго)—видъ... вѣроятно, скоро вымрущій совершенно“ (С.-Пб. Вѣд. 1901, 13 ноября); „У меня не хватитъ денегъ на поѣздку, потребующую много затратъ“ (изъ частнаго письма) и т. д. Школьными грамматиками эти причастія будущаго времени еще не признаны.

§ 181. *Дѣепричастія наст. времени.* Первоначально, причастія наст. врем. въ о.-р. яз. образовывались лишь отъ глаголовъ несовершеннаго вида, но довольно рано возникли такія причастія (или дѣепричастія) и отъ глаголовъ совершеннаго вида со значеніемъ причастій (дѣепричастій) прош. врем., напр., уже въ Смол. грам. 1230 г. возма; въ Записи Пантел. Ев. XIII в. исправляче; въ сѣв.-русскомъ Хлуд. Прологѣ 1262 г.: возьмя, займя, поймя; въ Лавр. лѣтоп. лиша ся, пожга, внида и др. Ср. въ нын. великор. пройдя́, прочтя́, полюбя́, не спрося́сь, сломя́ голову, сложа́ руки и т. п. Можно замѣтить, что въ нынѣшнемъ литерат. яз. такія дѣепричастія менѣе употребительны, чѣмъ въ старомъ, ср. у Пушкина: постучась, увидя, обидя, поклонясь, бросяя, замѣтя и мн. др.

У дѣепричастій наст. врем. на *-а* съ основой на твёрдую согласную, соотвѣтствующихъ ст.-сл. прич. на -ꙑ, твёрдыя согласныя передъ *-а* въ великор. замѣнились соотвѣтствующими мягкими согласными по аналогіи съ дѣепричастіями отъ другихъ глаголовъ; т. о. получились нынѣшнія о.-великор.: идя, плетя, ведя, неся, везя, гребя и т. п. Древнѣйшіе примѣры этого измѣненія, если не считать похожаго на описку грѧдѧ въ Сл. Ипполита XII в., въ грамотахъ и лѣтописяхъ—съ конца XIII в.; приведу нѣкоторые примѣры: Новгор. лѣтоп. идя, ждя, рекя; Новгор. грам. 1305 г. повьргя; Двинскія грам. ркя и т. п.; теперь формы на *-кя*, *-гя* въ литерат. великор. избѣгаются, а потому отъ глаголовъ на *-чь* дѣепричастія наст. вр. не употребительны.

Дѣепричастія наст. врем. на *-чи* въ великор. сохранились только съ удареніемъ на основѣ или на концѣ; при этомъ въ дѣепричастіяхъ отъ глаголовъ 2-го спряженія неударяемая гласная *а* въ окончаніи (-„ачи“) нефонетически замѣнилась гласной *у* по аналогіи съ дѣепричастіями отъ глаголовъ 1-го спряженія: встава́ючи, зна́ючи, кра́дучись, идучи́, живучи́, си́дючи́, гля́дючи́ и пр. Вообще, эти дѣепричастія распространены въ великор. менѣе, чѣмъ дѣеприч. на *-а*; въ литерат. яз. они мало употребительны. Въ нѣкоторыхъ ю.-великор. говорахъ возникли новыя дѣепричастія наст. врем. на *-мчи* и *-вчи*: лежамчи, сѣдимчи, дѣлаемчи, играемчи, видаемчи, стрѣляемчи, глядѣмчи; дожидаивчи, ходивчи и т. п. Происхожденіе ихъ не совсѣмъ ясно.

§ 182. *Дѣепричастія прош. врем.* 1. По аналогіи съ дѣепричастіями, образованными съ суфф. *-в*, этотъ суффиксъ распространился и на причастія отъ тѣхъ глаголовъ, которыя раньше образовывали безъ суффикса *-в*: ѣвъ, сѣвъ, укравъ, заперевъ, взявъ, снявъ, начавъ, и пр. или ѣвши, сѣвши, укравши и пр. вмѣсто старыхъ: ѣдъ, сѣдъ, украдъ, заперъ, вземъ, снемъ, наченъ. Впрочемъ, сохранились и нѣкоторыя дѣепричастія безъ суфф. *-в*, исключительно въ формѣ на *-ши*: сгребши, запершись, слѣзши, привезши, діалектич. пришоччи, ушоччи (ушедши), украччи (украдши), съёмши, наёмши и т. п.

2. Въ южно-великор. говорахъ возникли новообразованія на *мши*: завладомши, увидамши, обумши, поднямши, дожамши, не пимши, не ѣмши, идёмши, живёмши; „дѣвушка коровушку доила, подоёмши молочка цѣдила, процѣжомши душу Ваню поила, напоёмши уговаривала“ (пѣсня) и т. д. Происхожденіе ихъ не вполнѣ выяснено.

---

4. Бѣлорусскія измѣненія формъ спряженія.

§ 183. *Личныя формы наст. врем. глаголовъ нетематическаго спряженія.* Въ бѣлор. сохранились старыя формы этихъ глаголовъ: 2 ед. даси́, яси́ (=ѣшь); 2 мн. дасцё, ясцё (чаще) и дасце́, ясце́ (рѣже, главн. обр. на югѣ). 1 мн. дамо́, ямо́—только въ южно-

бѣлор. говорахъ (Минская губ.). Въ остальныхъ говорахъ старая форма 1 мн. замѣнена новообразованіемъ: дадзём, ядзём (бо́льшая часть говоровъ), рѣже: дадзи́м, ядзи́м (по сосѣдству съ великор. говорами и на югѣ). Діалектически стала употребляться въ значеніи 2 мн. изъявит. наклоненія форма дадзицё, ядзицё или дадзице́, ядзице́. Въ 3 мн. по аналогіи съ о.-русскимъ *у* въ дадýць (вмѣсто о-сл. *dadętь) явилось также ядýць (ѣдятъ). Отъ вспомогательнаго глагола сохранилась лишь форма 3 ед.: ёсь, ёсцека, ё (въ большей части Бѣлоруссіи) и есь (есць), е (на югѣ).

§ 184. *Личныя формы наст. врем. глаголовъ тематическаго спряженія. 3 ед. и мн.* Формы безъ окончанія *ц'* (т. е. *ц* мягкаго) изъ о.-русск. *-тъ* въ сѣв.-вост. бѣлор. говорахъ теперь неизвѣстны, а въ юго-зап. являются только въ 3 ед. невозвратныхъ глаголовъ 1-го спряженія: нясе́, таргýя и пр.; 3 мн. безъ *ц'*—только въ очень немногихъ южно-бѣлор. говорахъ. Съ глаголами 1-го спряженія совпали по формамъ глаголы 2-го спряженія при удареніи на основѣ, какъ и въ южновеликор.; такимъ образомъ, отъ этихъ глаголовъ 3 ед.: ходзя, любя (въ ю.-зап. говорахъ), 3 мн. ходзюць, любюць (повсюду), и т. д. *1 мн.*, какъ и въ великор., имѣетъ окончаніе *-м*. Окончаніе *-мо*—только на югѣ (Минская и южная часть Могилевской губ.): паѣдзимо, глядзимо́, купимо́, хо́чемо, ста́немо и т. п. Во *2 множ.* сохранилось удареніе на концѣ у тѣхъ глаголовъ, которые имѣли его на концѣ въ о.-сл.: идзицё, стаицё, спицё (въ большей части говоровъ) или идзиц'е́, стаиц'е́, спиц'е́ (на югѣ). Тематическая гласная у глаголовъ 1-го спряженія подъ удареніемъ правильно (фонетически) сохранилась, какъ *е*, во 2 и 3 ед. и 2 мн., а въ 1 мн. въ однихъ говорахъ сохранилось *о*, получавшееся фонетически передъ твёрдой согласной, въ другихъ же, по аналогіи съ остальными формами явилось *е*: нясе́ш, нясе́ць или нясе́, нясём (и нясо́м) или нясе́м, нясе́ця.

§ 185. *Судьба формъ повелительнаго наклоненія.* Формы 2 ед. имѣли, приблизительно, ту-же судьбу, что и въ великор. Конечное *-и* при удареніи на основѣ отпало, а при удареніи на окончаніи частью сохранилось, частью тоже отпало, съ переносомъ ударенія на основу; такую же судьбу имѣли и формы повелит.

отъ глаголовъ съ приставкой вы-: атсту́п, стано́вся, пазго́нь, пасо́б, несь, вы́несь, вы́кацъ (= выкати) и пр.

Въ 1 мн. въ бѣлор. сохранились старыя формы на *-ѣмъ* отъ основъ на твёрдыя согласныя: нясѐм, вядзѐм и пр., а по аналогіи съ ними 1 мн. повелит. на *-ѣмъ* стали образовывать и другіе глаголы: хадзѐм, касѐм, лежѐм, памирѐмсо, вмѣсто старыхъ: ходимъ, косимъ, лежимъ, помиримъ ся. Ср. уже въ памятникахъ XV—XVI вв.: вслѣмъ — грам. 1475 г., терпѣмо—Познан. Сборн. XVI в., подадѣмъ — Статутъ 1588 г. Окончаніе *-мо* въ 1 множ. повелит. теперь является только въ южнобѣлор. говорахъ, причёмъ формы съ этимъ окончаніемъ стали образоваться только отъ глаголовъ, имѣющихъ во 2 ед. повелит. удареніе на основѣ (какъ старое, такъ и перенесённое съ окончанія). Какъ и окончаніе *-те* во 2 множ. повелит., окончаніе *-мо* стало присоединяться непосредственно къ формѣ 2 ед. повелит.: рѣжмо, сядзьмо, бѣгаймо. Сравн. совершенно такой же способъ образованія 1 множ. повелит. на *-мо* въ малор. Въ немногихъ южнобѣлор. говорахъ по сосѣдству съ малор. стали употребляться въ значеніи 1 множ. повелит. формы 1 множ. наст. врем. на *-ом*: идом, пася́дом и др.

Во 2 множ. частью сохранились, частью возникли по аналогіи формы съ суфф. *-ѣ-*: нясѐця, идзѐця, хадзѐця, накажѐця, но лишь въ части бѣлор. говоровъ; въ другихъ говорахъ, наоборотъ, подъ вліяніемъ 2 ед. повелит. отъ всѣхъ глаголовъ, имѣвшихъ въ этой формѣ удареніе на суффиксѣ, 2 мн. стало образовываться съ окончаніемъ *-иця* (изъ -ите), т. е. не только: праси́ця, пиши́ця, гдѣ *и* старое, но и няси́ця и т. п., а отъ глаголовъ, имѣвшихъ во 2 ед. удареніе на основѣ (старое или перенесённое),—черезъ присоединеніе окончанія *-ця* прямо къ формѣ 2 ед.: станьця, стойця, сыпця и т. п. Ср. совершенно такое же образованіе 2 мн. повелит. въ великор. и, частью, въ малор.

§ 186. *Измѣненіе основъ*. 1. У глаголовъ съ первоначальной основой на задненёбную въ формахъ повелит. наклоненія свистящія согласныя были замѣнены шипящими, какъ и въ малор. и западнослав.: печы, поможы, бѣжы, ляж и пр. Ср. въ зап.-р. лѣтописяхъ XVI в.: поможи и т. п., Еванг. Тяпинскаго XVI в.:

речи (повелит.) и пр. Діалектически шипящею же замѣнились задненёбныя въ 1 ед. тѣхъ же глаголовъ: печу, бѣжу, стрыжу и т. п. Въ другихъ говорахъ, наоборотъ, вмѣсто шипящихъ являются мягкія средненёбныя передъ суфф. *-е-*: пяке́цъ и т. п. (ср. ниже, п. 3).

2. Въ нѣкоторыхъ говорахъ, въ 1 ед. глаголовъ 2 спряж. вмѣсто *ж* явилось *дж*, если въ остальныхъ формахъ является *д*: виджу, хаджу, гляджу. Ср. то-же явленіе въ малор. говорахъ.

3. Въ южнобѣлор. говорахъ произошла замѣна мягкихъ согласныхъ въ концѣ основы твёрдыми и шипящихъ — задненёбными въ 1 множ. наст. врем. передъ окончаніемъ *-ом* у тѣхъ глаголовъ 1-го спряженія, основа которыхъ въ 1 ед. и 3 мн. оканчивалась на твёрдую согласную нешипящую: идом, вядом, грызом, прынясо́м, вярно́мся, зграбо́м (сгребёмъ), жыво́м, маго́м, пяко́м, тацком (толчёмъ), пася́дом и т. п., должно быть, по аналогіи съ формами 1 ед. и 3 мн. Въ формахъ 2 и 3 ед. и 2 множ. тѣхъ же глаголовъ въ этихъ говорахъ передъ *е* мягкія согласныя сохранились, а шипящія замѣнились мягкими средненёбными: идзе́ш, вядзе́цъ, ся́дзиц, маге́цъ, пяке́цъ и пр.

4. Изъ образованій инфинитива отъ основы наст. врем. и наоборотъ отмѣчу инфинитивы: ц'ерци, вме́рци, запе́рци (= тереть, умереть, запереть); дзе́рци (драть); бярахчы́, памахчы́, (беречь, помочь) и памахци́, бярахци́, валакци́, тацкци́; грапци́ (гресть) и т. п.; наст. вр. отъ глагола „пѣцъ“ — пяю, пяе́цъ, пяюцъ и т. д. Отъ глаголовъ съ суфф. *-ыва-*, *-ива-* по аналогіи съ глаголами съ суфф. *-ова-* образуются формы наст. врем. на -ую: выгова́рую, абма́ную и пр.

§ 187. *Судьба формъ прошедшаго сложнаго* въ бѣлор. — та же, что въ великорусскомъ.

§ 188. *Судьба plusquamperfect'а* (новаго, см. § 155). Plusquamperfectum въ зап.-русскихъ памятникахъ встрѣчается еще въ XVII в.; въ современномъ бѣлор. сохраняются лишь его остатки, наприм.: „я прыйшоц быц, але яго не застац“ и т. п. со значеніемъ близкимъ къ значенію великорусскихъ оборотовъ съ „было“.

§ 189. *Будущее сложное*. Сохранились образованія съ „буду“, какъ и въ великор. (во всемъ бѣлор.), и съ „иму“; послѣднія

—только въ ю.-бѣлор. говорахъ. Обѣ формы будущаго 1-го встрѣчаются и въ древнѣйшихъ зап.-русскихъ памятникахъ: грам. Корибута 1388 г.: будемъ держа'; Статутъ 1529 г.: будуть стояти 158; Тайна Тайныхъ XVI в.: иметь чужаго именiя жадати; грам. 1492 г.: маеть онъ дань давати; обороты съ глаг. хочу и начну въ зап.-русских памятникахъ нецерковныхъ не встрѣчаются. Глаголъ „иму" или „му" въ нынѣшнемъ бѣлор. ставится непремѣнно послѣ инфинитива и сливается съ нимъ въ одно слово: рабицьму, хадзицьмеш, брацьмеце, нясцимуць и пр. Въ памятникахъ уже въ XVI в. въ этой формѣ глаголъ „иму" занимаетъ обыкновенно то же мѣсто, ср. Псалтырь XVI в.: выхваляти иму, взывати имем и пр. Кромѣ этихъ двухъ оборотовъ въ бѣлор. теперь распространены также образованiя будущаго съ глаголомъ „маю": „чым маю драмаць, лѣпѣй пайду спаць" и т. д., развившiяся, вѣроятно, изъ того же о.-сл. оборота съ „имамь", къ которому восходятъ и формы на „му".

§ 190. *Возвратный залогъ* въ бѣлор. имѣлъ ту же судьбу, что и въ великор.

§ 191. *Инфинитивъ*. Инфинитивы на *-ць* (-ть) въ бѣлор. теперь являются при тѣхъ же условiяхъ, какъ и въ великор. (преимущественно отъ основъ на гласную, рѣже—отъ основъ на согласную при старомъ ударенiи на основѣ, ещё рѣже—съ переносомъ ударенiя на основу, когда оно падало раньше на окончанiе *-ти*), но инфинитивы на *-ци* (=о.-р. -ти) сохранились лучше, чѣмъ въ великор., и могутъ являться даже отъ основъ на гласную.

§ 192. *Дѣепричастiя*. Въ значенiи дѣепричастiй въ бѣлор., какъ и въ малор., сохранились преимущественно формы имен. ед. женск. р. причастiй на *-учи, -ачи, -ши, -вши*: просючы, сидзючы, йдучы, стоячы, брацшы, прыйшоцшы и пр.; дѣепричастiя же на *-а* почти совсѣмъ вышли изъ употребленiя. Старыя причастiя съ суфф. *-ъш-* отъ основъ на согласныя замѣнились новообразованiями на *-вши*: цвицшы, взяцшы, прыняцшы, иззѣцшы, (= съѣвши), увайшоцшы и т. п. Въ восточныхъ говорахъ извѣстны теперь и дѣепричастiя на *-мши*, должно быть, заимствованныя изъ южновеликор.

5. Малорусскія измѣненія формъ спряженія.

§ 193. *Личныя формы наст. врем. глаголовъ нетематическаго спряженія.* Старыя формы наст. врем. глаголовъ ї́м, дам, вім (= о.-р. ѣмь, дамь, вѣмь) сохранились. Во 2 ед. при обычныхъ ї́си́, даси́, віси́ діалектически возникли и новообразованія: ї́ш, даш, віш, какъ въ великор.; въ 1 множ. теперь является окончаніе *-мо*: ї́мо́, вімо, дамо́, а на Карпатахъ у лемковъ *-ме*: їме. даме, віме. Отъ глагола „есмь" формы наст. врем. утрачены кромѣ 3 ед. є, рѣже єсть (на Западѣ также: єст); впрочемъ, въ западныхъ говорахъ употребляются теперь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ формы 1 и 2 л. обоихъ чиселъ въ значеніи связки или суффикса въ образованіяхъ прош. врем. ходил-ем, ходил-єсь, ходили-сьмо, ходили-сте.

§ 194. *Личныя формы наст. врем. глаголовъ тематическаго спряженія.* Во *2 ед.* въ говорѣ лемковъ сохранились формы на *-ши*: маєши, йдеши; въ остальныхъ говорахъ—только форма на на *-ш*: йдеш, сидиш и пр. Въ *3 ед.* глаголовъ 1-го спряженія въ малор. сохранились только формы безъ *-тъ*: несе́, бере́, питає или пита́, ка́же и пр.; отъ глаголовъ 2-го спряженія—только формы на *-тъ* (*т*) сидить, ходить; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ явились и формы безъ *-тъ* отъ глаголовъ 2-го спряженія при удареніи на основѣ съ измѣненіемъ (нефонетическимъ) конечнаго *-и* въ *-е*: ходе, носе. Въ *3 мн.* сохранились формы только на *-тъ* (*т*). Конечное *т* въ 3 ед. и множ. осталось мягкимъ въ вост.-украинскихъ и нѣкоторыхъ прикарпатскихъ и угорскихъ говорахъ и отвердѣло въ сѣв.-малор., зап.-украинск., галицкомъ нарѣчіяхъ и въ большей части угорскихъ и прикарпатскихъ говоровъ. Въ *1 множ.*—формы на *-м* и *-мо*: несем, ходим и несемо, підемо, ходимо и пр.; у лемковъ также *-ме*: идеме, хвалиме, знаме (формы на *-ме*, должно быть, заимствованы изъ словацкаго яз.). Во многихъ говорахъ произошло стяженіе „*ає*" въ „*а*" у глаголовъ на *-аю*: знаш, питаш, нема, співа и т. п.; у лемковъ подобное стяженіе и въ глаголахъ на *-ую*: бесіде́ = бесіду́є.

§ 195. *Судьба формъ повелительнаго наклоненія.* Во *2 ед.* окончаніе *-и* безъ ударенія отпало. Въ 1 и 2 множ. по аналогіи

съ берім, ідім,, беріть, ідіть и т. п., гдѣ *і* правильно изъ *ѣ*, явились формы ходім, просім, просіть, глядіть, кажіть и т. п., вытѣснившія старыя формы на *-имъ, -ите*. При удареніи на основѣ формы множ. ч. стали образовываться черезъ присоединеніе окончаній 1 *л. -мо* (*-ме*), 2 л. *-те* прямо къ формѣ 2 ед.: їжмо, будьмо, бігаймо, їжте, станьте, побачте, кличте, виходьте и пр. Въ окончаніи 2 множ. *-іте* отпало конечное *е*: беріть, ідіть, озміть, ходіть и пр.; діалектически и въ этой формѣ конечное *т* отвердѣло: берiт, ходiт.

§ 196. *Измѣненіе основъ.* 1. Отъ глаголовъ съ первоначальной основой на задненёбныя въ формахъ повелит. наклоненія о.-русскія свистящія замѣнились шипящими, какъ и въ бѣлор. и зап.-словянскихъ язз.: печи, печіть, біжи, біжіть и пр. Діалектически шипящія явились и въ 1 ед.: біжу, печу, можу, рѣже— въ 3 множ.: можуть и т. п. Но въ инфинитивѣ, наоборотъ, старыя шипящія замѣнились задненёбными: пекти, мохчи и т. п.

2. Діалектически въ сѣв.-укр. говорахъ у глаголовъ 2 спряженія, имѣвшихъ въ 1 ед. основу на *-ж-*, чередовавшееся съ *д* въ остальныхъ формахъ, это *ж* перешло въ *дж*: виджу, ходжу, сиджу, по аналогіи съ *д* въ остальныхъ формахъ.

3. Діалектически, именно, въ нѣкоторыхъ украинскихъ говорахъ у глаголовъ 2 спряж., имѣвшихъ въ 1 ед. основу на шипящую, чередовавшуюся съ зубными нешипящими въ остальныхъ формахъ, эти шипящія подъ вліяніемъ остальныхъ формъ замѣнены соотвѣтствующими мягкими нешипящими, т. е. тѣми же, какія являлись въ формѣ 3 множ.: видю, ходю, стрітю, возю, просю и т. п.

4. Въ большей части говоровъ, кромѣ говоровъ такъ наз. „былаковъ“ (въ западной части угорской и карпатской Руси), вмѣсто быти, былъ, была и т. п. явились формы: буц, була, бути и т. п.

5. Въ инфинитивахъ суфф. *-ова* замѣнился суффиксомъ *-ува*: бесідувати, годувати, горювати, малювати и т. п.; отъ глаг. умру и т. п. инфин. вмерти и т. п.

§ 197. *Прошедшее сложное.* Въ большей части говоровъ, какъ и въ великор. и бѣлор., связка утрачена, но діалектически

на западѣ (въ зап.-укр., гал. и др.) являются формы прош. съ вспомогат. глаголомъ въ 1 и 2 л. обоихъ чиселъ, слившимся съ причастіемъ на *-л* въ одно слово: 1 ед. муж. р. ходилем, ж. р. ходилам, 2 ед. муж. р. ходилесь, ж. р. ходилась, 1 мн. ходилисьмо (на Карпатахъ ходилисьме), 2 мн. ходилисьте и т. д. Возможно, что эти формы—заимствованіе съ польск. яз.

§ 198. *Будущее сложное.* Въ образованіи этой формы, какъ и въ великор. и бѣлор., различается два способа: 1) сочетаніе инфинитива съ глаголомъ *иму* сохранилось только въ восточно-украинск. и сѣверно-малор., причемъ обычно „*иму*" и пр. ставится послѣ инфинитива, сливаясь съ нимъ въ одно слово: робитиму, ходитимеш, знатиме, гратимуть и пр., рѣже иму робить и т. п. 2) сочетаніе съ „буду" сохранилось повсюду, но въ нынѣшн. литерат. малор. неупотребительно.

§ 199. Инфинитивъ на *-ть* въ малор. менѣе употребителенъ теперь, чѣмъ въ великор.; инфинитивъ на *-ти* могутъ имѣть всѣ глаголы.

§ 200. *Дѣепричастія* на *-а* (-я) въ малор. не сохранилось, кромѣ единичнаго мо́га, въ выраженіи „як мога"; теперь въ малор. употребляются дѣеприч. наст. врем. исключительно на *-чи*: йдучи, мислячи и пр., а прош.— на *-ши*: взявши, ходивши.

УКАЗАТЕЛЬ[1]).

---

[1]) Указатели пособій и источниковъ (памятниковъ, діалектологическихъ матерьяловъ и пр.) и нѣкоторыя дополненія будутъ приложены къ 1-му выпуску.

ПОПРАВКИ.

Стран.	Стрк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
7	13	предмету,	предмету, обозначенному другимъ словомъ,
19	12	они	тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ основу косв. падд. на -men,
23	9 сн.	река	река 625
36	7 сн.	пришочши	пришоччи
77	14 сн.	-sę	sę
	13 сн.	-si	si
102	4 сн.		*Добавить*. О формахъ прош. врем. ушот, уѣхат и т. п. въ Новгор. говорахъ см. въ вып. I настоящаго „Очерка".
104	5	Гоголь	Гоголь, Записная книжка 1841—1842 г.
105	10 сн.	*мши*	*-мши* и *-лши*
	7 сн.	ихъ	дѣеприч. на *-мши*
	6 сн.	выяснено	выяснено. На образованie дѣепр. на *-лши*, очевидно, оказали влiянie формы прош. вр. на *-лъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

